

Вильгельм Второй

**Мемуары. События и люди
1878-1918**

Вильгельм Второй Мемуары. События и люди 1878-1918

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7916552

Аннотация

«Князь Бисмарк как государственный деятель такая крупная величина, а его незабываемые заслуги перед Пруссией и Германией являются историческими фактами такого огромного значения, что едва ли в каком-нибудь политическом лагере найдется хоть один человек, который осмелился бы это оспаривать. Уже по одному этому легенда о том, будто я не признавал крупного масштаба личности Бисмарка, является вздорным вымыслом...»

Содержание

I. Бисмарк	4
II. Каприви	53
III. Гогенлоэ	60
IV. Бюлов	94
V. Бетман	121
VI. Мои сотрудники в области управления	168
VII. Наука и искусство	193
VIII. Мое отношение к церкви	205
IX. Армия и флот	220
X. Начало войны	242
XI. Папа и мир	260
XII. Конец войны и отречение	268
XIII. Вражеский и нейтральный суд	286
XIV. Вопрос о виновниках войны	298
XV. Переворот и будущее Германии	332

Вильгельм Второй

Мемуары. События и люди 1878-1918

І. Бисмарк

Князь Бисмарк как государственный деятель такая крупная величина, а его незабываемые заслуги перед Пруссией и Германией являются историческими фактами такого огромного значения, что едва ли в каком-нибудь политическом лагере найдется хоть один человек, который осмелился бы это оспаривать. Уже по одному этому легенда о том, будто я не признавал крупного масштаба личности Бисмарка, является вздорным вымыслом. На самом деле было обратное. Я преклонялся перед ним и обоготворял его. И это не могло быть иначе. Надо принять во внимание, в каком поколении я вырос. Это было поколение поклонников Бисмарка. Он был создатель германского государства, паладин моего деда. Мы все считали его величайшим государственным деятелем своего времени и гордились теми, что он немец. Бисмарк был в моем храме идолом, которому я молился. Но монархи ведь тоже люди из плоти и крови; поэтому и они подвержены тем влияниям, которые оказывают поступки других. Та-

ким образом, легко будет понять по-человечески, что князь Бисмарк тяжелыми ударами в своей борьбе против меня сам разбил того идола, о котором я сказал выше. Мое преклонение перед Бисмарком как перед великим государственным деятелем от этого, однако, не пострадало. Еще когда я был прусским принцем, я часто думал: надо надеяться, что великий канцлер будет еще долго жить, и тогда буду гарантирован от всяких неожиданностей, если доведется править вместе с ним. Но даже мое преклонение перед великим государственным деятелем не могло заставить меня, когда я уже стал императором, взять на себя ответственность за те политические планы и действия князя, которые я считал ошибочными.

Уже Берлинский конгресс 1878 года был, по моему мнению, ошибкой, как и отношение Бисмарка к так называемой культурной борьбе. Кроме того, государственная конституция была скроена по бисмарковскому необыкновенному масштабу, а большие кирасирские сапоги подходили не всякому. Затем возник вопрос о рабочем законодательстве. Я глубоко сожалел о возникшем между нами по этому поводу конфликте, но я должен был тогда пойти по *пути компромисса, который вообще всегда был моим путем как во внутренней, так и во внешней политике*. Поэтому я не мог начать той открытой борьбы против социал-демократии, на которой настаивал князь. Эта разница во взглядах на политические мероприятия не может, однако, умалить мое преклоне-

ние перед крупной фигурой Бисмарка как государственного деятеля. Он остается создателем Германского государства. Больше сделать для своей страны *один* человек едва ли может.

Перед моими глазами всегда стояла великая заслуга Бисмарка в деле объединения Германии, и поэтому я не поддавался влиянию той травли, которая тогда стояла на повестке дня.

То, что Бисмарка называли домоуправителем Гогенцоллернов, также не могло поколебать моего доверия к князю, хотя он, быть может, и думал о политической традиции своего дома. Он, например, был очень опечален тем, что его сын Билль не проявлял никакого интереса к политике, и хотел передать власть другому своему сыну Герберту.

Трагедия моего столкновения с Бисмарком кроется в том, что я явился преемником своего деда, так что я в известной мере перепрыгнул через одно поколение. Это трудно. Приходится всегда иметь дело со старыми заслуженными людьми, которые живут больше в прошлом, чем в настоящем, и не могут врасти в будущее.

Когда внук наследует от деда и находит уважаемого им, но старого государственного деятеля такой крупной величины, как Бисмарк, то это далеко не счастье, как могло бы показаться, и как я и сам думал. Сам Бисмарк указывает на это в третьем томе своих сочинений, говоря в главе о Беттихере о старческой осторожности канцлера и юноше-кайзере. Ко-

гда Баллин заставил Бисмарка бросить взгляд на новую Гамбургскую гавань, князь сам почувствовал, что наступило новое время, которое он не мог уже вполне понять. Князь тогда с изумлением воскликнул: «Другой мир, новый мир!». Подобным же образом обнаружилось это обстоятельство и при посещении адмиралом фон Тирпицем Фридрихсру, когда тот пытался склонить старика-рейхсканцлера на сторону первого законопроекта о флоте.

Я лично имею то удовлетворение, что Бисмарк мне в 1886 году доверил чрезвычайно деликатную миссию в Брест и при этом сказал обо мне: «Этот когда-нибудь станет своим собственным канцлером». По-видимому, князь кое-что во мне находил. Я не в обиде на него за третий том его воспоминаний и освободил этот том из-под ареста.

Дальнейшая задержка его выхода была бы бесцельна, так как главное содержание его стало уже известно из-за нескромности некоторых лиц. В то же время могли быть разные мнения о своевременности появления этого тома. Бисмарк перевернулся бы в гробу, если бы мог знать, в какой момент вышел в свет третий том и какие дал результаты.

Я бы искренно сожалел, если бы третий том повредил памяти великого канцлера, так как Бисмарк одна из героических фигур, которые нужны немецкому народу для его возрождения.

Моя благодарность и мое преклонение перед великим канцлером не могут быть поколеблены ни третьим томом его

воспоминаний, ни чем бы то ни было иным.

В первой половине 80-х годов я, по предложению князя Бисмарка, был командирован в Министерство иностранных дел, которым руководил тогда граф Герберт Бисмарк. Когда я явился к князю, он дал мне краткие характеристики главных лиц в министерстве. Когда при этом он назвал г-на фон Гольштейна, который тогда был одним из виднейших сотрудников князя, для меня как бы прозвучало в словах князя предостережение против этого человека.

Я получил отдельный кабинет, причем мне были предоставлены для изучения все материалы о подготовке, возникновении и заключении союза с Австрией (Андраши). Я много бывал в доме князя и у графа Герберта. После того как я несколько освоился в бисмарковском кругу, при мне стали более открыто говорить о г-не фон Гольштейне. О нем передавали, что он очень боязлив, хороший работник, безмерно тщеславен, чудак, который нигде не показывается и совершенно не вращается в обществе, недоверчивый, полный причуд, притом злопамятный, словом, опасен. Князь называл его «человеком с глазами гиены» и говорил, что мне следовало бы держаться вдали от него. Очевидно, уже тогда у Бисмарка назревало то резко критическое отношение к Гольштейну, какое князь позднее проявлял по отношению к своему прежнему сотруднику.

Граф Герберт, грубость которого по отношению к подчиненным бросалась мне в глаза, сурово подтягивал чиновни-

ков в Министерстве иностранных дел. Когда граф звал их или отпускал, они так мчались, что, как тогда говорили в шутку, «полы сюртука развевались у них перпендикулярно телу».

Внешняя политика направлялась и диктовалась исключительно князем по соглашению с графом Гербертом, который передавал дальше приказания канцлера и переделывал их в инструкции.

Таким образом, Министерство иностранных дел являлось как бы только личным бюро великого канцлера, где работали по его указке.

Здесь не вырабатывались и не формировались выдающиеся люди с самостоятельными идеями.

Не то было в Генеральном штабе под руководством Мольтке. Здесь на основе испытанных принципов при соблюдении старых традиций и одновременном использовании всего опыта нового времени молодое поколение заботливо воспитывалось и приучалось к самостоятельному мышлению и к самостоятельной деятельности. Министерство иностранных дел, напротив, представляло собой лишь исполнительный орган *одной* воли, и сотрудники его, не ориентировавшиеся во всех обстоятельствах порученных им для разработки вопросов, не могли проявлять никакой инициативы. Князь расположился, как огромная гранитная глыба на лугу: если ее убрать, то под ней в основном найдешь гадов и засохшие корни.

Я снискал к себе доверие князя Бисмарка, который о многом со мной беседовал. Когда, например, князь вступил на путь первых колониальных приобретений (Малый и Большой Попо, Того и т. д.), я, по его просьбе, ориентировал его по поводу того настроения, которое тогда царило в обществе и во флоте, и обрисовал то воодушевление, с каким немецкий народ приветствовал новый путь. По поводу моей информации князь заметил, что дело не заслуживает такого внимания. Позже я часто говорил с ним о колониальном вопросе и всегда встречал его желание использовать колонии скорее как объект торговли или обмена, чем извлечь из них выгоду для отечества или использовать для доставки сырья.

Я обращал внимание князя на то, что купец и капиталист начали энергично развивать колонии и соответственно с этим, как я знал из ганзейских кругов, рассчитывали на защиту флота. Поэтому, говорил я, надо позаботиться о своевременном *сооружении флота*, чтобы немецкие ценности не остались беззащитными за границей. Князь уже развернул германский флаг на чужбине; за этим флагом стоит народ, но за ним должен стоять и флот. Князь, однако, оставался глух к моим словам и употреблял свое любимое изречение: «Если бы англичане высадились у нас, я бы велел их арестовать»; колонии должны быть защищены собственными силами. Князь совершенно не принимал во внимание, что уже одно предположение о возможности англичан беспрепятственно высадиться в Германии (Гельголанд при-

надлежал Англии) совершенно невыносимо для Германии, и мы, чтобы исключить на будущее время возможность высадки, нуждались в достаточно сильном флоте и в Гельголанде.

Политические интересы князя Бисмарка сосредоточивались главным образом на европейском континенте. Англия стояла несколько в стороне от его повседневных забот, тем более что ее премьер Солсбери был в хороших отношениях с князем, и Англия в свое время приветствовала двойственное и потом тройственное согласие при его основании. Князь преимущественно работал с Россией, Австрией, Италией и Румынией и постоянно контролировал отношение их к Германии и взаимоотношения друг с другом.

Относительно той предусмотрительности и того искусства, с которыми он при этом оперировал, сделал однажды чрезвычайно меткое замечание император Вильгельм Великий в разговоре с генералом фон Альбедилем. Генерал нашел его величество после одного доклада Бисмарка в таком большом волнении, что даже испугался за здоровье старого императора. Он сделал поэтому замечание, что императору незачем так волноваться: если князь поступает против воли Его Величества, то ведь ему можно дать отставку. На это император возразил, что, несмотря на его благодарность и на его преклонение перед великим государственным деятелем, он и сам об этом уже думал, ибо самонадеянный нрав князя иногда слишком угнетает. Но он и Отечество слишком нуждаются в Бисмарке, потому что князь единственный человек,

который умеет жонглировать с пятью шарами, из которых, по крайней мере, два постоянно находятся в воздухе; он, император, этого не умеет.

Князь не замечал того, что после приобретения колоний он должен был направить свой взгляд за пределы Европы и одновременно вести большую политику с Англией. Англия была, правда, только одним из пяти шаров в его дипломатической игре, и ей не придавалось того особого значения, как подобало бы.

Поэтому Министерство иностранных дел отыгрывалось на странах континента, не проявляя должного интереса к колониям, флоту и Англии и не имея никакого опыта в мировой политике. Английская психика и английская мысль с ее упорным, хотя и замаскированным, преследованием плана мировой гегемонии были для министерства иностранных дел книгой за семью печатями.

Однажды князь сказал мне, что его главная цель состоит в том, чтобы не допустить соглашения между Россией и Англией. На это я позволил себе ответить: «Момент, чтобы отодвинуть возможность такого соглашения на очень долгое время, был бы почти налицо, если бы в 1877-1878 годах русских пустили в Стамбул. Тогда английский флот немедленно выступил бы на защиту Стамбула, и конфликт был бы налицо. Вместо этого русским навязали Сан-Стефанский договор и принудили их к отступлению перед воротами города, к которому они подошли после кошмарных боев и трудностей и

который они уже видели перед собой. Это породило в русской армии неугасимую ненависть к нам (сообщения прусских офицеров в русской армии, участвовавших в походе, особенно графа Пфейля). Вдобавок еще уничтожили и этот договор и заменили его Берлинским, еще больше опорочившим нас в глазах русских как врагов их «справедливых интересов на Востоке». Таким образом, желанный для князя конфликт между Россией и Англией был отодвинут на долгое время.

Князь не разделял этой критики «своего» конгресса, результатами которого он как «честный маклер» так гордился, и серьезно заметил, что он обязан был предотвратить всеобщий пожар и предложить свои услуги для посредничества. Когда я позднее сообщил об этой беседе одному сотруднику Министерства иностранных дел, тот рассказал мне, что он был при том, когда князь после подписания Берлинского договора пришел в Министерство иностранных дел и принимал поздравления от собравшихся там чиновников. Отвечая на приветствия, князь выпрямился и сказал: «Теперь я поеду по Европе на четверке, погоняя ее». Приведя эти слова, упомянутый сотрудник добавил: «Князь тут ошибся, так как тогда уже вместо русско-прусской дружбы маячило возникновение русско-французской, и, таким образом, два коня уже выбывали из четверки». Политика Дизраэли превратила в глазах русских «честное маклерство» Бисмарка в фактор англо-австрийской победы над Россией.

Хотя взгляды наши во многом расходились, князь все же оставался расположен ко мне, и, несмотря на большую разницу в возрасте, между нами образовались дружеские отношения, ибо я, как все мое поколение, был пламенным поклонником князя и благодаря своему рвению и прямодушию приобрел его доверие, которое я никогда не обманул.

Во время моего прикомандирования к Министерству иностранных дел мне, между прочим, делал доклады о торговой политике, колониях и т. п. тайный советник Рашдау. Тогда уже я обратил внимание на нашу зависимость от Англии за зависимость, покоившуюся на том, что у нас не было флота, и что Гельголанд был в английских руках. Под гнетом необходимости имелось, правда, в виду расширение колониальных владений, но это могло произойти лишь с разрешения Англии. Это было затруднительно и, в сущности, недостойно нас.

Прикомандирование меня к Министерству иностранных дел причинило мне большую неприятность. Мои родители относились не очень дружелюбно к князю Бисмарку и ставили в вину своему сыну, что он вступил в бисмарковский круг. Боялись влияний против родителей, ультраконсерватизма и т. п., в чем меня обвиняли всякого рода наушники из либеральных кругов Англии, видевшие в моем отце свою защиту.

На такие обвинения я никогда не обращал внимания, но мое положение в родительском доме из-за этого становилось трудным, а подчас и мучительным. Мне приходилось пере-

носить много тяжелого из-за моей работы под руководством Бисмарка и из-за моей скрытности в отношении всего, что касалось князя, скрытности, часто подвергавшейся самым тяжелым испытаниям. Князь, по-видимому, находил это само собой разумеющимся.

С сыном князя графом Гербертом у меня сложились хорошие отношения. Он был веселым собеседником и умел собирать вокруг своего стола интересных людей частично из Министерства иностранных дел, частично из других кругов. Но до настоящих дружеских отношений между нами не дошло. Это обнаружилось особенно тогда, когда в связи с уходом Бисмарка потребовал отставки и граф Герберт. На мою просьбу остаться при мне и помочь мне продолжать традицию в политике последовало резкое возражение: он-де привык докладывать и служить только своему отцу; невозможно от него требовать, чтобы он с портфелем под мышкой шел на доклад к кому-нибудь другому, а не к своему отцу.

Когда ныне убитый царь Николай II достиг совершеннолетия, мне, по предложению князя Бисмарка, доверили вручить наследнику-цесаревичу в Петербурге орден Черного орла. Как император, так и князь познакомили меня со взаимоотношениями обеих стран и династий, с нравами, личностями и т. п. В заключение кайзер заметил, что он дает своему внуку тот же совет, который ему как молодому человеку в свое время дал при первом посещении им России граф Адлерберг: «Впрочем, там, в России, как и всюду, любят больше

похвалу, чем хулу». Князь же закончил свою информацию замечанием: «На востоке все люди, которые носят рубашку поверх брюк, порядочные люди. Но те, кто засовывают ее в брюки и к тому же еще имеют орден на шее, это уже свиньи».

Из Петербурга я часто писал донесения и моему деду, и князю. Я, само собой разумеется, описывал, как умел, свои впечатления. Прежде всего, мне стало ясно, что прежние русско-пруссские отношения и чувства сильно охладели и уже больше не являлись такими, какими их представляли себе в своих беседах кайзер и князь. По моему возвращению я получил похвалу как от моего деда, так и от князя за мои простые и ясные донесения. Это было особенно отрадно, так как меня угнетала мысль, что я в некоторых отношениях должен был их вроде бы разочаровать.

В 1886 году, в конце августа и начале сентября, после последнего Гаштейнского свидания императора Вильгельма Великого и Бисмарка с императором Францем Иосифом, на котором я присутствовал по приказанию моего деда, на мою долю выпало поручение передать лично императору Александру III о результатах Гаштейнского свидания и обсудить совместно с царем вопросы, касающиеся Средиземного моря и Турции. Князь дал мне свои инструкции, санкционированные императором Вильгельмом. Они особенно касались желания России пойти на Стамбул, чему князь не собирался чинить никаких препятствий. Напротив, я получил прямое поручение предложить России Константинополь и Дар-

данеллы. (Таким образом, уже отказывались от Сан-Стефано и от Берлинского конгресса!) Имелось в виду дружественно убедить Турцию, что соглашение с Россией желательно и для нее. Я встретил дружеский прием у царя в Брест-Литовске и принял участие в тамошних парадах, маневрах и т. п., которые уже неоспоримо носили антинемецкий характер.

Как результат разговоров с царем важно отметить заявление последнего о том, что если бы в его расчеты входило овладеть Стамбулом, то он его взял бы; в разрешении или согласии князя Бисмарка для этого он не нуждается. После такого резкого отклонения бисмарковского предложения я счел, что моя миссия потерпела крушение. Соответствующим образом я и составил свое донесение князю.

Решившись на упомянутое предложение царю, князь, по-видимому, либо изменил свои политические взгляды, приведшие к Сан-Стефано и к Берлинскому конгрессу, либо, побуждаемый изменением общего политического положения в Европе, счел, что пришел момент перетасовать политические карты, или, как сказал бы мой дед, иначе «жонглировать». Это мог себе позволить только человек такого мирового значения, такого масштаба в политическом и дипломатическом смысле, как Бисмарк. Строил ли князь с самого начала свою большую политическую игру с Россией с таким расчетом, чтобы на Берлинском конгрессе помешать всеобщей войне, погладив по шерстке Англию и воспрепятствовав домогательствам России относительно Востока, чтобы с

гениальным умыслом помочь осуществлению этих домогательств впоследствии, этого я не могу решить, так как своих больших политических построений князь никому не доверял. Если это было так, то он, твердо надеясь на свое политическое искусство, по-видимому, рассчитывал позже снискать тем большее расположение России, так как русские домогательства были бы в этом случае осуществлены исключительно благодаря Германии и к тому же в такой момент, когда общая политическая ситуация в Европе была менее напряжена, чем в 1877 1878 годах. В таком случае никто, кроме самого князя Бисмарка, не мог бы успешно довести до конца эту великолепную игру.

В этом кроется слабая сторона великих людей. Информировал ли он и Англию относительно своего предложения царю? Тут, вероятно, произошло обратное тому, что было в 1878 году. Во всяком случае, князь теперь повел ту политику, которая витала в воздухе еще тогда, когда я узнал о разочаровании русских, стоявших перед Стамбулом и не допущенных туда.

В Брест-Литовске во время продолжительных военных маневров всякого рода я мог очень хорошо наблюдать, что отношение русских офицеров ко мне стало гораздо холоднее и высокомернее, чем при моем первом посещении Петербурга. Только небольшое число старых генералов, особенно придворных, связанных с эпохой Александра II, знакомых с императором Вильгельмом Великим и преданных послед-

нему, выказывали еще свое благоговение перед ним и свои симпатии к Германии. В разговоре со мной о взаимоотношениях обоих дворов, армий и стран, взаимоотношениях, которые я нашел изменившимися в сравнении с прежними, один из этих генералов сказал:

«C'est le vilain Congrès de Berlin! Une grave faute du Chancelier. Il a détruit l'ancienne amitié entre nous, planté la mefiance dans les coeurs de la cour et du gouvernement, et fourni le sentiment d'un fort grave fait a l'armée russe après sa campagne sanglante de 1877, pour lequel elle peut sa revanche. Et nous voilà ensemble avec cette maudite République Française, pleine de haine contre vous et remplie d'idées subversives, qui en cas de guerre avec vous, nous coûteront notre dynastie»¹.

Пророческое предсказание гибели русского царствующего дома!

Из Бреста я направился в Страсбург, где мой дед находился на маневрах. Несмотря на неудачу моей миссии, я застал там спокойный взгляд на политическое положение. Мой дед радовался сердечным приветам царя, которые не обнаруживали никакой перемены, по крайней мере, в личных отноше-

¹ «Всему виной этот гнусный Берлинский конгресс! Это была тяжелая ошибка канцлера. Он разрушил старую дружбу между нами, посеял недоверие в сердцах людей двора и правительства и породил убеждение, что русской армии после кровавого похода в 1877 году нанесена тяжелая несправедливость, за которую она хочет реванша. И вот мы теперь идем вместе с этой проклятой Французской республикой, полной ненависти к вам, преисполненной разрушительных идей, которые в случае войны с вами могут стоять нам династии».

ниях обеих государей.

К моему удивлению, я получил письмо и от князя Бисмарка, в котором он выражал благодарность и признание за мою деятельность, и мой доклад. Это имело тем большее значение, что мои выводы не могли быть приятны ни для моего деду, ни для канцлера. Берлинский конгресс уничтожил, особенно в русских военных кругах, остатки еще поддерживавшегося у нас традиционного братства по оружию и породил раздуваемую общением с французским офицерским корпусом такую ненависть против всего прусско-немецкого, которая увеличилась до жажды мести с помощью оружия. Это была почва, на которой позже могла найти себе пищу среди наших противников мысль о мировой войне, как «*Revanche pour Sedan*», соединенной с «*Krevanche pour San-Stefano*».

Слова старого генерала в Бресте оставили неизгладимый след в моей памяти и побудили меня ко многим свиданиям с Александром III и Николаем II, при которых перед моими глазами всегда, как лейтмотив, стояла возложенная на меня моим дедом на смертном одре забота о поддержании добрых отношений с Россией.

В 1890 году во время маневров в Нарве я должен был подробно обрисовать царю историю ухода князя Бисмарка. Царь слушал меня внимательно. Когда я окончил, государь, обычно очень хладнокровный и сдержанный, редко говоривший о политике, вдруг схватил мою руку, стал благодарить за доказательство моего доверия, сожалел, что я был постав-

лен в такое положение, и прибавил буквально следующее:

«Je comprends parfaitement ta ligne d'action. Le prince avec toute sa grandeur n'était après tout rien d'autre que ton employé ou fonctionnaire. Le moment où il refusait d'agir selon tes ordres, il fallait le renvoyer. Moi, pour ma part, je me suis toujours méfié de lui, et je n'ai jamais cru un mot de ce qu'il me faisait savoir ou me disait, car j'étais sur et je savais qu'il me blaguait tout le temps. Pour les rapports entre nous deux, mon cher Quillaume, это было в первый раз, что царь меня так называл, la chute du prince aura les meilleures conséquences. La méfiance disparaîtra. J'ai confiance en toi, tu peux te fier à moi»².

В свое время я тотчас же записал этот важный разговор. Я достаточно объективен, чтобы спросить себя, в какой степени вышеприведенные слова сознательно или бессознательно были продиктованы вежливостью государя к государю и, кроме того, быть может, еще и удовлетворением по поводу устранения политического деятеля такой крупной величины, как Бисмарк.

² «Я вполне понимаю твою линию поведения. Князь при всем своем величии все же был ничем иным, как твоим чиновником, или уполномоченным. В тот момент, когда он отказался действовать по твоим приказаниям, его надо было уволить. Я, со своей стороны, всегда питал недоверие к нему и никогда не верил ни одному слову из того, что он сообщал мне через других или сам говорил, так как я хорошо знал, что он всегда меня обманывает. Для наших взаимоотношений, мой милый Вильгельм, падение князя будет иметь наилучшие последствия. Недоверие исчезнет. Я питаю доверие к тебе, ты можешь положиться на меня».

Уверенность князя Бисмарка в доверии к нему со стороны царя, несомненно, субъективно была вполне основательна. Александр III относился с большим уважением к политическим способностям Бисмарка. Во всяком случае, царь держал свое слово до самой смерти. Это, правда, не многое изменило в общей политике России, но, по крайней мере, Германии нечего было опасаться нападения со стороны России. Прямой характер Александра III был тому порукой. При его слабом сыне положение изменилось.

Можно относиться как угодно к политике Бисмарка в отношении России, но одно надо признать: несмотря на Берлинский конгресс и сближение Франции с Россией, князь умел избегать серьезных трений.

Об этом свидетельствует обдуманная дипломатическая и политическая игра, проводимая Бисмарком в течение 12 лет (1878-1890), начиная с Берлинского конгресса.

Необходимо подчеркнуть, что в 1878 году именно немецкий политик предотвратил всеобщую войну (ухудшив даже из-за этого русско-германские отношения) в справедливой надежде на то, что благодаря его гениальной, уверенно стремящейся к заданной цели политике, ему снова удастся после преодоления всеобщего кризиса улучшить эти отношения или, по крайней мере, избежать конфликтов. Это и удалось ему в течение 12 лет, а его преемникам у кормила правления еще в течение дальнейших 24 лет.

От партийной политики я, как принц, преднамеренно дер-

жался в стороне и всецело отдавался службе в разных воинских частях, куда я был причислен. Эта служба давала мне удовлетворение и наполняла мою жизнь. Были частые попытки втянуть меня под видом невинных увеселений, чаев и т. п. в политические кружки или в комбинации, преследующие выборные цели. Я, однако, всегда был настороже.

Течение коварной болезни, унесшей императора Фридриха III, было мне совершенно открыто предсказано немецкими врачами, привлеченными в качестве экспертов английским врачом сэром Мореллем Макензи. Моя глубокая скорбь и печаль были тем сильнее, что я почти не имел возможности поговорить наедине с горячо любимым отцом. Английские врачи охраняли его, как пленника, и, в то время как репортеры всех стран могли наблюдать за бедным больным из комнаты врачей, мне ставились всевозможные препятствия, чтобы не дать приблизиться к своему отцу или хоть письменно вступить с ним в продолжительное общение, мои письма часто перехватывались и не передавались. Сверх того, со стороны этих охранителей против меня была возбуждена в прессе систематическая гнусная клеветническая кампания. Особенно отличались при этом два журналиста: некий господин Шнидровиц и месье Жак С. Сер из «Фигаро» немецкий еврей, который позже, когда я уже был императором, в течение многих лет распространял про меня во Франции самую ядовитую клевету, пока не сломал себе шею на процессе «Petit Sucrier».

Последнюю радость, пережитую умирающим императором, доставил ему я, лично проведя перед ним в церемониальном марше 2-ю гвардейскую пехотную бригаду. Это были первые и последние войска, которые Фридрих III видел в качестве императора. По этому поводу он написал мне, своему ошастливленному сыну, маленькую записку, в которой благодарил за удовольствие, доставленное ему видом этих войск, гордясь тем, что может назвать их своими.

Это событие было просветом в тех тяжелых 99 днях, которые и мне, как кронпринцу, принесли много печали, унижений и оскорблений. Во время кризиса я, как повелевал мне долг, зорко наблюдал за всеми событиями в военных, чиновничьих и общественных кругах и был глубоко возмущен теми признаками расхлябанности, которые я всюду замечал; причем особенное негодование вызывала во мне все более обнаруживавшаяся враждебность по отношению к моей матери. С другой стороны, упорно ведшаяся против меня клеветническая кампания, рисовавшая дело так, будто я нахожусь в разладе с отцом, не могла не оскорблять меня глубоко.

Когда император Фридрих III навеки закрыл глаза, тяжелое бремя управления страной пало на мои молодые плечи. Прежде всего, я стоял перед необходимостью произвести смену многих лиц. Приближенные обоих императоров как военные, так и чиновничество были слишком стары. Так называемая «Maison militaire» императора Вильгельма Великого была целиком сохранена императором Фридрихом,

причем к службе ее представители не были привлечены. К ним присоединились еще приближенные императора Фридриха III. Я отпустил самым милостивым образом тех, которые хотели удалиться на покой; некоторые получили должности в армии; некоторые, более молодые, остались пока, в это переходное время, у меня на службе.

Еще будучи кронпринцем, во время этих последних 99 дней я уже осторожно стоваривался с теми лицами, которым я думал впоследствии дать назначения, так как врачи не оставили мне никакого сомнения в том, что дни моего отца сочтены. Я не обращал внимания на придворные влияния и на формальности; для меня имели значение лишь заслуги и характер. Я вывел из употребления слово «Maison militaire» и заменил его названием «Главная квартира Его Величества». При выборе приближенных я советовался лишь с одним человеком, к которому питал особое доверие. Это был мой прежний начальник бригадный командир, генерал, позже генерал-адъютант фон Ферзен с прямым, рыцарским, немного крутым характером; настоящий старопрусский офицер.

Служа в линейных войсках и в гвардии, фон Ферзен зорко следил за придворными влияниями и течениями, часто дававшими себя чувствовать в старой «Maison militaire» во вред офицерскому корпусу. В закулисных придворных влияниях большую роль играл кружок высокопоставленных дам, носивший в товарищеском кругу из-за возраста своих чле-

нов насмешливую кличку «trente et quarante». Такого рода влияния я хотел устранить. Своим первым генерал-адъютантом я выбрал фон Виттиха, первым главой своего военного министерства командира 2-й пехотной гвардейской дивизии генерала фон Ганке; последний был другом императора Фридриха III и моим бригадным командиром, когда я еще служил в 1-м гвардейском полку. Фон Виттих и фон Ганке были люди с военным опытом и железными принципами, вполне разделявшие образ мыслей своего повелителя и оставшиеся до конца своих дней верными мне с образцовой преданностью воинов.

Министром двора я выбрал знакомого мне с самой юности бывшего гофмаршала моего отца графа Августа Эйленбурга, который и в 82-летнем возрасте, до самой своей смерти в июне 1921 года, управлял министерством императорского двора. Это был человек, одаренный тонким тактом, необыкновенными способностями, проницательностью как в области политики, так и в области придворной, благородным характером и золотой преданностью своему королю и его дому. По всей Европе он был популярен как «тот» гофмаршал. При своей многосторонней одаренности он мог бы с успехом исполнять и должность посла или рейхсканцлера. Человек неутомимой работоспособности, одаренный подкупающей вежливостью, он был моим советником во многих областях и в делах династии, и в делах семейных, и в вопросах придворной и общественной жизни. У него были многочис-

ленные знакомства с людьми разных классов и разных званий, и все его ценили и уважали; я же окружал его дружбой и благодарностью.

Главой Министерства внутренних дел, по соглашению с князем Бисмарком, был назначен господин фон Луканус из Министерства просвещения. Князь Бисмарк шутя заметил, что он рад этому выбору, так как Луканус ему известен как хороший и страстный охотник. «Это всегда хорошая рекомендация для гражданского чиновника, добавил он, ибо хороший охотник всегда также порядочный и честный малый». Господин фон Луканус принял свою должность из рук его превосходительства фон Вильмовского. Он исполнял эту должность блестяще и, как человек сведущий во всех областях искусства, техники, науки и политики, был для меня советником, неутомимым сотрудником и другом. В нем со здоровым умом соединялась хорошая доза тонкого юмора, которого так часто недостает германцу.

С князем Бисмарком я еще со времени моего прикомандирования к Министерству иностранных дел находился в очень хороших и исполненных доверия отношениях. Как и раньше, я преклонялся перед могущественным канцлером со всем пылом моей юности и гордился тем, что служил раньше под его начальством, а теперь могу работать с ним вместе как с моим канцлером.

Князь, присутствовавший при последних часах старого императора Вильгельма и слышавший его политическое за-

вещание своему внуку, а именно наставление особенно заботиться о сохранении добрых отношений с Россией, настаивал на моей летней поездке в Петербург как первом политическом акте, долженствующем подчеркнуть перед всем миром, согласно с последней волей умершего деда, хорошие отношения к России. Он и выработал для меня план поездки.

Но на пути осуществления этого проекта встало затруднение в виде письма английской королевы Виктории, которая в ответ на известие о предполагаемом мной посещении Петербурга высказывала мне, своему старшему внуку, тоном бабушки, но вместе с тем достаточно авторитетно свое неодобрение по поводу замышляемой поездки. Во-первых, писала она, должен истечь год траура. А затем, само собой разумеется, первый визит подобает нанести ей, как моей бабушке и королеве Англии, являющейся родиной моей матери, и только затем думать о других странах. Когда я показал это письмо князю, он пришел в ярость.

Он заговорил о «дядюшках из Англии» и о вмешательстве оттуда, которому пора положить конец.

«По тону этого письма, говорил он, можно судить о том, в какой степени кронпринц Фридрих, ставший потом императором, находился под влиянием и под командой своей тещи и жены».

Князь хотел набросать тут же текст ответного письма королеве. Я возразил, что сам составлю подходящий ответ, в котором будет соблюдена правильная средняя линия между

внуком и императором, и перед отправкой представлю письмо князю.

Ответ этот сохранял внешнюю форму сердечных родственных отношений внука к бабушке, которая носила этого внука на руках в то время, когда он еще был ребенком, и возраст которой уже сам по себе требовал к себе уважения. Но вместе с тем письмо подчеркивало, что положение и долг германского императора, безусловно, обязывают его выполнить касающееся самых жизненных интересов Германии приказание умершего деда.

Это приказание деда, писал я, внук должен уважать в интересах страны, представительство которой теперь волей Божьей ему передано. Королева-бабушка должна предоставить ему самому решить, каким образом выполнить это приказание. В остальном я всегда остаюсь ее преданным и любящим внуком и всегда благодарен за каждый совет бабушки, имеющей ввиду своего долголетнего правления такой большой опыт. В германских делах, однако, я должен оговорить себе свободу действий. Посещение Петербурга политическая необходимость. Приказание моего царственного деда соответствует тесным семейным связям с русским царствующим домом и потому должно быть выполнено.

Князь был согласен с редакцией этого письма. Через некоторое время последовал неожиданный ответ. Королева признавала правоту своего внука.

Он должен поступать так, как требуют интересы его стра-

ны, писала она. Королева будет рада позже видеть внука у себя. С этого дня мои отношения к королеве, которой боялись ее собственные дети, стали самыми лучшими. Она относилась к своему внуку, как к равному себе по положению монарху.

Во время поездки меня сопровождал граф Герберт в качестве представителя Министерства иностранных дел. Он редактировал речи и вел, по указаниям своего отца, политические беседы, поскольку они носили деловой характер.

После моего возвращения из Стамбула в 1889 году я, по его просьбе, обрисовал князю впечатления, вынесенные мной из Греции, где моя сестра Софья была замужем за наследным принцем Константином, и из Стамбула. При этом меня поразило, что князь говорил очень презрительно о Турции, о турецких руководящих деятелях и вообще о тамошних делах. Когда я стал выдвигать более благоприятные моменты, казавшиеся мне наиболее важными, это мало помогло. На мой вопрос, на чем он основывает свое столь неблагоприятное суждение о Турции, князь возразил:

Граф Герберт в своем докладе отозвался очень неблагоприятно о Турции.

Князь Бисмарк и граф Герберт не были расположены к Турции и не одобряли моей политики по отношению к ней старой политики Фридриха Великого.

В последний период своего канцлерства Бисмарк говорил, что главная причина, почему он еще остается канцлером,

это необходимость сохранения добрососедских отношений с Россией, правитель которой питает к нему особое доверие. В связи с этим он сделал мне первые намеки на тайный договор с Россией о взаимных гарантиях. До тех пор я ничего не знал об этом договоре ни от князя, ни от Министерства иностранных дел, хотя как раз и занимался русскими делами.

После того как в связи с ранней смертью моего отца я стал во главе правления государством, поколение внука, как я уже раньше отметил, заняло место поколения деда.

Таким образом, поколение императора Фридриха как бы обошли. Последнее, постоянно общаясь с кронпринцем Фридрихом Вильгельмом, было преисполнено многих либеральных идей и проектов реформ, которые предполагалось осуществить, когда он станет императором Фридрихом. Но после его кончины всему этому поколению, особенно политикам, пришлось разочароваться в надеждах получить влияние, и они чувствовали себя в известной степени осиротевшими. Эти круги, не зная ни меня, ни моих сокровенных мыслей и целей, вместо того чтобы для пользы отечества перенести свой интерес с отца на сына, относились ко мне сдержанно и недоверчиво. Лишь один представитель национал-либералов являлся в этом отношении исключением. Это был знатный, еще по-юношески свежий г-н фон Бенда. Я познакомился с ним еще тогда, когда, будучи принцем, участвовал в большой заячьей охоте у советника Дице в Барби. Присутствуя в кругу старших в качестве слушате-

ля при спорах на политические, сельскохозяйственные и национально-экономические темы, я уже тогда обратил внимание на г-на фон Бенда с его свободными и интересными суждениями, и он уже в то время приобрел мое расположение и доверие. Я охотно принял приглашение г-на Бенда приехать в его поместье Рудов под Берлином. С этого начались мои регулярные ежегодные посещения Рудова. Часы, проведенные мной в рудовском семейном кругу, в обществе талантливых дочерей г-на Бенда, усердно занимавшихся музыкой, остались для меня хорошим воспоминанием. Политические беседы показывали, что г-н фон Бенда обладал широким кругозором, который был свободен от всякого партийного шаблона и обнаруживал такое ясное понимание общегосударственных нужд, какое редко можно найти у партийных людей. Он дал мне из глубины своего верного старопрусского сердца, крепко привязанного к королевскому дому, много ценных советов, соблюдая при этом далеко идущую терпимость по отношению к другим партиям.

Мое позднейшее правление доказало, что я никоим образом не был настроен отрицательно против ни одной партии, не говоря, конечно, об ультрасоциалистах. Подтверждалось и то, что я не настроен антилиберально. Моим виднейшим министром финансов был либерал Микель; министром торговли либерал Меллер; вождь либералов фон Беннигсен был обер-президентом в Ганновере. С одним уже немолодым либеральным депутатом, с которым я познакомился через фон

Микеля, я поддерживал тесные отношения, особенно во время второй половины моего царствования. Это был Зейдель (Хельхен), владелец поместья на Востоке, человек, у которого с гладко бритого лица смотрела пара умных глаз. Он был сотрудником Микеля в области железнодорожного и водного транспорта, очень дельным, простым, практичным человеком, либералом с консервативным мировоззрением.

С консервативной партией у меня, естественно, были многочисленные связи и точки соприкосновения, ибо представители земельной аристократии часто встречались со мной на придворной или иной охоте, бывали во дворце на приемах или занимали должности при дворе. Через них я мог полностью ориентироваться во всех аграрных вопросах и знать, где у земледельца «жмет сапог».

Свободомыслящие под предводительством своего «вождя без руля и ветрил» не вступали со мной ни в какие отношения; они ограничивались положением оппозиции.

В беседах с г-ми Бенда и Беннигсеном мы часто говорили о будущем либерализма. При этом Бенда высказал однажды следующее интересное суждение: «Не нужно и даже нехорошо, чтобы в Пруссии наследник уклонялся в сторону либерализма. Это нам не годится. Он, собственно говоря, должен быть консерватором, однако с достаточно широким кругозором и без предубеждений против других партий».

Как-то я в разговоре с Беннигсеном выразил мысль, что национал-либералы, для того чтобы притягательная сила

старого прусского либерализма не исчезла в народе, должны пересмотреть свою программу, первоначально собравшую их сторонников вокруг либерального знамени под девизом «Возрождение Германского государства и свобода печати», так как это уже давно достигнуто. Беннигсен со мной согласился. Прусские либералы и консерваторы, продолжая, сделали одну и ту же ошибку: они еще сохранили слишком много воспоминаний о старых конфликтах 1861-1866 годов и при выборной или другой политической борьбе всегда возвращались к привычкам того времени. То время для нашего поколения стало историей и уже прошло. Для нас современность начинается с 1870 года, с новой, объединенной империи; под 1866 годом мы поставили черту. Надо строить сызнова уже на базе объединенной империи, и партии во имя своих целей должны также сообразоваться с этим, а не хвататься за давно ушедшее и притом еще разъединяющее прошлое. Беннигсен при этом сделал очень меткое замечание, сказав: «Горе северогерманским либералам, если они попадут под начальство южногерманских демократов. Тогда будет конец настоящему, подлинному либерализму. Тогда мы получим замаскированную демократию снизу, которая нам здесь не нужна».

Почтенная и преданная кайзеру консервативная партия, к сожалению, не всегда выдвигала выдающихся партийных вождей, которые были бы в то же время искусными, тактически вышколенными политиками. Аграрное крыло партии

временами было чересчур резко оформленным и являлось бременем для партии. Воспоминания об эпохе конфликтов и в этих кругах были еще слишком сильны. Я предлагал консервативной партии объединение с национал-либералами, но встречал у консерваторов мало симпатий к последним.

Я часто указывал на то, что национал-либералы преданы империи и поэтому настроены верноподданнически; консерваторы, таким образом, непременно должны их приветствовать как своих союзников. Я не могу и не хочу, говорил я, управлять страной без них и уж ни в коем случае против них...

В силу различно сложившихся процессов исторического развития северогерманский консерватизм во многих частях государства остается непонятым, и поэтому национал-либералы являются естественными союзниками консерваторов. По этой причине, например, придворного проповедника Штеккера, человека с блестящим опытом в области общественно-миссионерской деятельности, я отстранил от должности за то, что он в Южной Германии произнес демагогическую речь, натравливающую против тамошних либералов.

Центр из-за направленной против него пропаганды был настроен антипротестантски и мало симпатизировал империи. Несмотря на это, я поддерживал отношения со многими выдающимися людьми из этой партии и умел заинтересовать их в практическом сотрудничестве на общую пользу.

Особенно мне помогал при этом Шорлемер (отец). Он никогда не скрывал своей прусской преданности королю. Его сын, известный министр земледелия, примкнул даже к консервативной партии. Центр, который некогда в лице своего старого вождя Виндтгорста должен был вести самую ожесточенную политическую борьбу в парламенте, теперь принимал участие в выработке многих законопроектов. При этом, однако, со стороны центра неизменно выдвигалась тенденция, что интересы римской церкви всегда должны быть обеспечены и никогда не должны терпеть ущерба.

Еще когда я был принцем Вильгельмом, меня для ознакомления с внутренним управлением и экономическими вопросами, как и для того, чтобы я практически мог принять активное участие в государственной работе, прикомандировали к обер-президенту провинции Бранденбург фон Ахенбаху.

С той поры я, побуждаемый увлекательными речами Ахенбаха, сохранил особый интерес к хозяйственной стороне внутреннего развития страны, в то время как чисто юридическая сторона управления меня мало привлекала. Работы по мелиорации, по сооружению каналов и постройке шоссе-судейных дорог, лесное хозяйство, развитие всякого рода путей сообщения, улучшение жилищ, введение в сельское хозяйство машин и развитие сельской кооперации вот те вопросы, которые и позднее долго занимали меня. Особенно интересовали меня вопросы развития судостроения и рас-

ширения железнодорожной сети, главным образом на сильно отставшем в этом отношении востоке.

При моем вступлении на престол я обсуждал все эти вопросы с министрами. Желая их заинтересовать, я обещал каждому в его ведомстве полную свободу действий. Но оказалось, что это было почти невозможно, пока князь Бисмарк стоял у власти, так как князь во всех делах сохранял за собой решающее слово и этим парализовал самостоятельность своих сотрудников.

Скоро мне стало ясно, что министры, находившиеся всецело в руках Бисмарка, не могли присоединиться к тем новшествам и идеям молодого государя, которые Бисмарк не признавал. Министры фактически были только орудием в руках Бисмарка и действовали исключительно по его приказаниям. Такое положение само по себе было естественно, ибо столь выдающийся министр-президент, добившийся таких больших политических успехов для Пруссии и Германии, поистине подавлял своих министров и властно руководил ими. Я же вследствие этого находился в затруднительном положении, так как на все мои предложения получал со стороны министров характерные ответы: «Этого князь Бисмарк не хочет; от Бисмарка этого не добьешься; кайзер Вильгельм I не согласился бы с этим; это противоречит традиции» и т. п.

Я все больше и больше убеждался в том, что, *в сущности, не располагаю никакими министрами, и что эти господа из*

кабинета по старой привычке *смотрят на себя как на чиновников князя Бисмарка.*

Следующий пример может показать, как министры относились ко мне в те бисмарковские времена. Дело шло о возобновлении действия закона против социалистов политического мероприятия князя Бисмарка, направленного на преодоление идей социализма. Чтобы спасти этот закон, необходимо было смягчить один определенный параграф, чему Бисмарк противился. Дело дошло до резких объяснений. Я приказал созвать коронный совет. Бисмарк, разговорившись в передней с моим адъютантом, сказал ему: «Его Величество совершенно забывает, что он офицер и носит шпагу. Он должен был бы прибегнуть к армии и повести ее против социалистов в случае, если бы те приступили к революционным действиям. Пусть кайзер даст свободу действий Бисмарку, тогда мы получим, наконец, покой». В коронном совете Бисмарк остался при своем мнении. Отдельные министры, вынужденные высказаться, отвечали вяло. Когда дело дошло до голосования, все министры высказались против меня. Это голосование еще раз показало мне, какой абсолютной властью над своими министрами обладал Бисмарк. С глубоким негодованием обсуждал я этот случай с его превосходительством г-ном фон Луканусом, который также был смущен этим происшествием. Луканус посетил некоторых из этих господ и потребовал объяснений по поводу их поведения. Они заявили, что не в состоянии занять позицию

против князя и нельзя от них требовать, чтобы против него они голосовали.

Большая вестфальская забастовка горнорабочих весной 1889 года застигла центральную гражданскую власть врасплох. Одновременно и местные вестфальские власти обнаружили нелепую растерянность и беспомощность. Все требовали войск. Каждый шахтовладелец желал, чтобы перед его комнатой стоял военный пост. Командиры вытребованных частей доносили о положении непосредственно мне. Между ними был один из моих бывших товарищей по гвардейскому гусарскому полку фон Михаэлис, известный своим остроумием. Невооруженный, разъезжал он один среди бастующих рабочих, расположившихся в это необыкновенно теплое предвесеннее время кругом на холмах, и скоро сумел благодаря своему веселому, внушающему доверие нраву установить с этими людьми дружеские отношения. Расспрашивая их, он приобрел много ценных сведений о том, в чем рабочие справедливо или несправедливо чувствовали себя притесненными, осведомляясь в то же время об их намерениях, требованиях и надеждах на будущее. Он добился вскоре общего уважения и популярности среди рабочих и так умел с ними обращаться, что в его районе царило абсолютное спокойствие. Побуждаемый нервными и озабоченными телеграммами крупных промышленников и властей, телеграммами, поступавшими и к рейхсканцлеру, я запросил Михаэлиса, как надо понимать положение. В ответ по-

лучил следующую телеграмму: «Все спокойно, за исключением властей».

На основании всех поступивших в течение весны и лета донесений и рапортов накопился материал, ясно доказывавший, что в индустрии не все было в порядке. Многие требования рабочих имели свои основания и должны были быть, по крайней мере, подвергнуты благожелательному рассмотрению как со стороны работодателей, так и со стороны властей.

В связи с этим сознанием, поддержанным также и моим бывшим воспитателем тайным советником доктором Гинцпетером, хорошо знакомым с общественной жизнью, особенно в своей провинции, во мне созрело решение созвать коронный совет и привлечь к участию в совещании работодателей и рабочих для всестороннего рассмотрения под моим личным руководством рабочего вопроса.

При этом имелось в виду разработать руководящие принципы и материалы, которые потом могли бы послужить канцлеру и прусскому правительству основой для выработки соответствующих законопроектов.

Его превосходительство фон Беттихер, к которому я обратился с этим планом, настоятельно отсоветовал мне проводить его в жизнь, ссылаясь на неизбежное противодействие со стороны канцлера.

Я настаивал на своем предложении, приводя принцип Фридриха Великого: «Я хочу быть королем бедняков». Это

мой долг, говорил я, позаботиться об используемых индустрией детях своей страны, защитить их силы и улучшить их условия существования.

Противодействие канцлера моему плану не заставило себя долго ждать. Осуществление этого плана стоило мне много труда и борьбы, так как крупная индустрия отчасти сгруппировалась вокруг канцлера. Коронный совет собрался под моим председательством. На первом заседании неожиданно появился сам канцлер и обратился к собранию с приветственной речью, в которой с иронией критиковал мое начинание, отказывая ему в своем содействии. Затем он покинул зал.

После ухода канцлера собрание осталось под впечатлением этой эффектной сцены. Безапелляционность и категоричность, с которыми великий канцлер, убежденный в своей правоте, выступил в пользу своей политики и против моей, на меня и на всех присутствующих произвели импонирующее воздействие.

Тем не менее, этот случай не мог не задеть меня глубоко. Собрание затем снова возобновило свои работы и доставило богатый материал для дальнейшего развития социального законодательства, вызванного к жизни еще кайзером Вильгельмом Великим, составляющего гордость Германии и выдвигающего такое попечение о трудовом населении, какое нельзя найти ни в одной стране.

После этого я решил созвать международный социальный

конгресс, чему князь Бисмарк также воспротивился. Швейцария лелеяла ту же мысль, намереваясь созвать аналогичный конгресс в Берне. Швейцарский посол Рот, узнав о моем намерении, посоветовал принять приглашение в Берлин, отказавшись от приглашения в Берн. Так и случилось. Конгресс мог быть созван в Берлине благодаря лояльности г-на Рота. Материалы конгресса, использованные, правда, только в Германии, были переработаны в соответствующие законопроекты.

Впоследствии я говорил с Бисмарком о высказанном им требовании бороться с социалистами в случае их революционных выступлений при помощи пушек и штыков. Я пытался убедить его в том, что никоим образом не могу запятнать первые годы своего правления кровью детей своего отечества, едва только кайзер Вильгельм Великий смежил свои глаза после счастливого царствования. Бисмарк настаивал на своем и сказал, что он взял бы все на себя. Я только должен предоставить ему свободу действовать. Я ответил, что никак не мог бы согласовать это с моей совестью и с моей ответственностью перед Богом ведь я хорошо знал, что рабочий народ находится в плохом положении, которое обязательно необходимо улучшить.

Разница во взглядах кайзера и канцлера на социальный вопрос, т. е. на участие государства в развитии благосостояния трудового населения, и была, собственно, причиной разрыва между нами. Она навлекла на меня враждебность со

стороны Бисмарка, а вместе с тем и неприязнь на долгие годы большей части преданного Бисмарку немецкого народа, в особенности чиновничества.

Эта разница во взглядах канцлера и моих была вызвана его мнением, что социальный вопрос может быть разрешен при помощи суровых мероприятий или войск, а не на основе человеколюбия и тех бредней о гуманности, которые он во мне находил. Бисмарк не был врагом рабочих это я хотел бы подчеркнуть после сказанного. Напротив, он был слишком великий политик, чтобы не понимать важное значение рабочего вопроса для государства. Но он смотрел на его решение исключительно с точки зрения государственной целесообразности. Государство, по его мнению, должно заботиться о рабочих постольку, поскольку правительство найдет это необходимым. Об участии самих рабочих в социальном законодательстве почти не было речи. Подстрекательство и восстания должны сурово подавляться, в случае необходимости и силой оружия. Попечение с одной стороны, железный кулак с другой вот в чем состояла социальная политика Бисмарка. Я же хотел завоевать душу немецкого рабочего и горячо боролся за достижение этой цели. Я был преисполнен ясного сознания своего долга и своей ответственности перед всем моим народом, а, следовательно, и перед трудящимися классами. Рабочие должны были получить то, что им следовало по закону и справедливости. Причем там, где кончались желания и возможности работодателей, рабочим, поскольку

это было необходимо, должны были прийти на помощь государь и его правительство. Как только я убеждался в том, что необходимы улучшения, а промышленники хотя бы отчасти не хотели этого признавать, я из чувства справедливости вступался за рабочих.

Я достаточно изучал историю, чтобы не стать жертвой иллюзии о возможности осчастливить весь народ. Мне было ясно, что *одному* человеку невозможно сделать «счастливым» целый народ. В конце концов, счастлив только тот народ, который доволен или, по крайней мере, хочет быть довольным. Последнее желание предполагает, разумеется, известную степень понимания возможного, т. е. объективность, чего, к сожалению, очень часто не хватает. Я отчетливо понимал, что при безграничных требованиях социалистических вождей беспочвенные вожделения будут все больше разгораться. Но именно для того, чтобы можно было убедительно и с чистой совестью выступать против неосновательных домогательств, именно поэтому нельзя было отказать в признании законных требований и в содействии им.

Политика, преследующая благо рабочих, при конкуренции на мировом рынке, несомненно, наложила тяжкое бремя на всех промышленников Германии известными законами об охране труда, особенно в сравнении с промышленностью, например бельгийской, которая при малой заработной плате могла беспрепятственно выжимать до последней капли все соки из человеческих ресурсов Бельгии, не чувствуя

при этом ни угрызений совести, ни сострадания при виде падающей нравственности истощенного, беззащитного народа. Такое положение, какое было в Бельгии, я благодаря моему социальному законодательству сделал невозможным в Германии.

Во время войны я приказал генералу барону фон Биссингу ввести и в Бельгии это законодательство на благо бельгийских рабочих. Первоначально, однако, это законодательство было тяжелым камнем на шее немецкой индустрии в борьбе с мировой конкуренцией и возбуждало недовольство у многих крупных промышленников, что, с их точки зрения, было вполне понятно. Государь, однако, должен всегда иметь в виду благо целого, и поэтому я, не сворачивая, продолжал идти по выбранному пути.

С другой стороны, те рабочие, которые слепо следовали за социалистическими вождями, не отвечали мне никакой благодарностью за оказанное им покровительство и за мои труды. Нас разделял девиз Гогенцоллернов «suum quisque», что означает «Каждому свое», противоречивший девизу социал-демократов «Всем одно и то же».

Меня также занимала мысль хоть отчасти избавить от конкуренции, по крайней мере, индустрию континентальной Европы, введя своего рода ограничения на вывоз за границу и создав, таким образом, облегчение для производства; это, в свою очередь, должно было повести к улучшению жизни трудящихся классов.

Очень характерно то впечатление, которое получали иностранные рабочие при изучении социального законодательства в Германии. За несколько лет до начала войны, в Англии, под давлением рабочего движения, пришли к убеждению, что необходимо больше позаботиться о рабочих. В Германию приехал ряд комиссий, в том числе и рабочих. Посетив под руководством немецких представителей, среди которых были и социалисты, промышленные предприятия, фабрики, благотворительные учреждения, лечебные заведения страховых касс и т. п., они были поражены тем, что им пришлось увидеть. На прощальном обеде, данном в их честь, английский вождь рабочих депутатий обратился к Бебелю с замечанием: «После того, как мы видели здесь, что делается для рабочих Германии, я вас спрашиваю: и вы еще такие же социалисты?» В разговоре с очевидцем англичане заметили, что если бы им удалось после долгой борьбы в своем парламенте провести хотя бы десятую часть того, что в Германии уже в течение многих лет делается для рабочих, то они были бы очень довольны.

Я с интересом следил за этими посещениями английских депутатий и удивлялся их незнанию положения вещей в Германии. Еще больше удивляли меня, однако, переданные английским посольством вопросы английского правительства на ту же тему, изобличавшие прямо поразительное неведение того, что было сделано в Германии в области социальных реформ. В беседе с английским послом я заметил, что

Англия ведь в 1890 году была представлена на Берлинском социальном конгрессе и уж, конечно, по крайней мере, через посольство получала сведения о дебатах в рейхстаге, в масштабах размерах проводившихся по поводу отдельных социальных мероприятий. Посол ответил, что у него появилась та же мысль, и поэтому он велел просмотреть старые дела посольства. При этом было констатировано, что посольство самым подробным образом доносило обо всем в Лондон и что о каждой важной стадии успешного развития социальных реформ посылались туда объемистые донесения. Однако, прибавил британец, пожимая плечами: «Так как они шли из Германии, их никто не читал. Их просто прятали в шкафы для бумаг, и там они с тех пор и остались. Это настоящий позор! Германия никого не интересует у нас». Английский король и английский парламент либо не обладали достаточной совестью, либо не имели времени или охоты, чтобы заняться улучшением положения рабочего класса. «Политика окружения», склонявшая к уничтожению Германии, в первую очередь ее промышленности и вместе с ней рабочего класса, была для них гораздо важнее и выгоднее.

9 ноября 1918 года радикальные немецкие социалистические вожди с их кликой примкнули к этому британскому разрушительному намерению. В областях, доступных моему влиянию, например в управлении моим двором, в императорском автомобильном клубе и т. п., я даже в мелочах способствовал проявлению социальной точки зрения. Так,

например, из денег, получаемых служителями при осмотре дворцов, я приказал образовать особый фонд, который считался собственностью служителей и с течением времени достиг крупной суммы. Из средств этого фонда служители и их семьи получали прибавки для поездок на курорты, средства на лечение и похороны, на приданое для детей, прибавки на издержки по конфирмации и тому подобные нужды.

По просьбе вновь организованного «императорского автомобильного клуба» я принял покровительство над ним и по его приглашению присутствовал на завтраке в прекрасном помещении выстроенного клубом дома. Здесь я встретил, кроме таких магнатов, как герцоги фон Ратибор, фон Уест и др., также и ряд лиц из берлинской *haute finance* и индустрии, часть которых вели себя так, словно «взбесились при виде горностаея». Когда разговор зашел о шоферах, я предложил основать фонд, который давал бы последним вспомоществование для лечения при несчастных случаях и обеспечение близких на случай смерти. Это предложение встретило общее сочувствие, и фонд имел большой успех. Подобный же фонд я создал впоследствии для капитанов и первых лоцманов в императорском яхт-клубе в Киле.

Особую радость мне доставлял основанный мной «Детский дом» кайзера Вильгельма в Альбеке, куда ежегодно с мая по конец сентября партиями, меняясь через каждые четыре недели, привозили на отдых большое число детей из беднейших рабочих кварталов Берлина. Дом этот еще и те-

перь находится под испытанным руководством выдающейся начальницы м-ль Киршнер, дочери бывшего берлинского обер-бургомистра, и достиг блестящих результатов в психологическом и физическом воспитании детей. Чахлые, бледные, жалкие дети большого города превращались в свежие, цветущие, жизнерадостные маленькие создания, в успехах которых я часто с радостью убеждался лично. Так как я упомянул о моем разладе с Бисмарком в подходе к рабочему вопросу, то я хотел бы еще, кроме сказанного уже прежде о его принципиальной позиции к нему, привести пример того, как блестяще вел себя однажды князь в деле, касавшемся рабочих, хотя при этом им, конечно, руководили и национальные интересы, он сразу понял, что дело идет об устранении угрозы серьезной безработицы, и, опираясь на весь свой авторитет, принял решительные меры.

Будучи еще принцем Вильгельмом, приблизительно в 1886 году, я узнал, что большая судостроительная верфь «Вулкан» из-за недостатка заказов стоит перед угрозой банкротства, а вместе с тем всей многотысячной рабочей массе грозит остаться без хлеба. Это было бы катастрофой и для города Штеттина. Верфь могла удержаться лишь благодаря заказу на большое судно. По предложению, сделанному в свое время адмиралом фон Штошем, для того чтобы, наконец, освободиться от английского судостроительства, эта верфь смело принялась за дело и выстроила *первый* немецкий броненосец, крещение которого было совершено моей

матерью в день ее рождения в 1874 году в моем присутствии. С тех пор военно-морское ведомство всегда оставалось довольно судами этой верфи, но заказы им давало редко. Руководители же торгового флота не рисковали подражать смелому шагу адмирала фон Штоша. Таким образом, эта доблестная немецкая верфь стояла перед угрозой неизбежного разорения, так как бременский Ллойд отклонил ее предложение построить пассажирский пароход, заметив при этом, что англичане благодаря своим долголетним традициям сумеют это сделать лучше. Нужда была велика. Я поспешил к князю Бисмарку и изложил ему обстоятельства дела. Канцлер пришел в ярость и, сверкая глазами, ударил кулаком по столу. «Что? Эти чертовы перечницы хотят строить свои суда лучше в Англии, чем у нас? Это совершенно неслыханно. И при этом должна погибнуть хорошая немецкая верфь. Черт подери этих купцов!»

Он позвонил, и вошел служитель. «Позовите тотчас же сюда тайного советника Х. из Министерства иностранных дел». Через несколько минут, в течение которых князь тяжелыми шагами ходил взад и вперед, появился вызванный Х. «Телеграмму в Гамбург послу: Бременский Ллойд должен строить свое новое судно в Штеттине на верфи «Вулкан». Тайный советник быстро исчез, «перекатившись через открытую дверь с развевающимися полами сюртука». После этого князь обратился ко мне и сказал: «Вам я обязан особой благодарностью. Вы оказали отечеству, а также и мне

важную услугу. С этих пор строить будут только у нас. Это уже я разъясню ганзейцам. Вы можете телеграфировать верфи «Вулкан», что канцлер ручается за эту постройку; пусть это будет началом длинного ряда других построек, рабочие же, которых вы таким образом спасли от безработицы, пусть благодарят вас». Я известил тайного советника Шлутова в Штеттине. Радость была велика. Это было начало, которое должно было повести к постройке великолепных быстроходных судов.

Когда по моем вступлении на престол я в декабре года поехал в Штеттин, чтобы пожаловать знаки отличия моим померанским гренадерам, я посетил, по просьбе правления, и верфь «Вулкан».

Правление встретило меня у верфи. Затем открылись большие створчатые ворота, и я вошел внутрь. Но вместо работы и шума громыхающих молотков меня встретила глубокая тишина. Все рабочие, обнажив свои головы, стояли полукругом. В середине находился самый старый рабочий с белоснежной бородой, с лавровым венком в руке. Я был поражен. Шлутов прошептал мне: «Маленькая радость, которую рабочие сами себе придумали». Старый кузнец выступил вперед и простыми словами энергично выразил мне благодарность рабочих за то, что я своим ходатайством перед Бисмарком спас от нужды и голода их самих, их жен и детей. Он просил меня принять лавровый венок как знак признательности рабочих. Глубоко тронутый, я принял подарок и

выразил радость, что получил свой первый лавровый венок в мирной обстановке, без единой капли крови и из рук честного немецкого рабочего. Это было в 1888 г. Тогда немецкие рабочие еще умели ценить счастье труда.

II. Каприви

Генерал фон Каприви был при моем вступлении на престол начальником адмиралтейства. Он был последним генералом в этой должности. По восшествии на престол, я, на основании предварительного изучения в Англии и у себя дома этого вопроса, энергично принялся за реформу, точнее сказать, за создание сызнова императорского германского флота. Это было не по вкусу дельному, но несколько упрямому и не совсем свободному от тщеславия генералу. За ним, несомненно, были большие заслуги в повышении боеспособности флота, усилении офицерского корпуса и развитии миноносцев. Зато судостроение и замена изнашивающихся материалов новыми были при нем, ко вреду для флота и к огорчению расцветающей и требующей заказов судостроительной индустрии, совершенно в загоне. Каприви, как старый прусский генерал, придерживался взгляда своих сверстников по 1864, 1866 и 1870 1871 годам, что весь центр тяжести боеспособности страны лежит в армии и что так будет и впредь. Потому-де нельзя предъявлять государству большие денежные требования на нужды флота, ибо в таком случае возникла бы опасность сокращения расходов на армию, что стало бы тормозом для развития последней. Это мнение, в котором генерала Каприви нельзя было разубедить, являлось ложным. Отпущенные кредиты не стекались в один резер-

вуар, из которого можно было бы путем передвижения клапана направить денежный поток то в русло армии, то в русло флота. Если Каприви не хотел требовать кредитов для создания флота с таким расчетом, чтобы больше денег выпало на долю армии, то этим он, конечно, своей цели не достигал. Из-за этого армия не получала ни на один грош больше того, что военный министр по бюджету получал согласно своим требованиям. Находившийся тогда в стадии организации статс-секретариат по морским делам должен был совершенно независимо от военного министерства категорически потребовать для флота такую сумму, какая нужна была для защиты нашей торговли и наших колоний. Позже так и произошло.

Каприви вскоре обратился ко мне с просьбой освободить его от занимаемой им должности. Пост этот, как он говорил, уже сам по себе не удовлетворяет его. Помимо этого, у кайзера-де есть разные планы на будущее флота, которые он считает невыполнимыми хотя бы потому, что не хватает офицеров (ежегодный выпуск кадетов был от 60 до 30), а большой флот немислим без большого офицерского корпуса.

К тому же при инспектировании Его Величества он-де скоро увидел, что кайзер больше понимает в делах флота, чем он, генерал, и это ставит его в трудное положение по отношению к своим подчиненным.

В результате я расстался с ним, предоставив ему командование армейским корпусом. Следуя изречению «Морское ве-

домство морякам», я впервые назначил руководителем этого ведомства адмирала, что было встречено моряками с большой радостью. Это был адмирал граф Монте.

После довольно неожиданного для меня ухода князя Бисмарка было трудно найти ему преемника. Кто бы он ни был, преемника этого могучего канцлера с самого начала ожидали тяжелые жертвы без надежды на признание. Его считали бы узурпатором на неподобающем месте, которое он не способен занять.

Критика, критика и еще раз критика, как и вражда со стороны всех приверженцев князя, вот на что мог рассчитывать новый канцлер. Сильное течение должно было противодействовать ему; не меньшее противодействие следовало ожидать и от самого старого князя.

Исходя из этих соображений, я решил остановить свой выбор на человеке из поколения князя Бисмарка, занимавшего руководящее положение во время войны и уже служившего под начальством князя. Таким образом появился Каприви. Его возраст был залогом того, что из него выйдет рассудительный и спокойный советник для осиротевшего молодого кайзера.

Вскоре возник вопрос о продлении договора с Россией и о взаимных гарантиях. Каприви заявил, что он не может его возобновить хотя бы из-за Австрии, так как договор этот, одним своим острием направленный против Австрии, мог бы повести к самым неприятным последствиям в случае, если

бы он стал известен в Вене (чего едва ли можно было избежать). Таким образом, договор был расторгнут. По моему мнению, он уже потерял тогда свое главное значение, так как русские больше не поддерживали его так искренне, как раньше. В этом убеждении меня подкрепила записка графа Берхема сотрудника князя Бисмарка.

Консервативные аграрии открыли кампанию против Каприви как «человека без почвы и корня». Горячий бой разыгрался вокруг торговых договоров. Эти затруднения еще более увеличивались оттого, что князь Бисмарк, отказавшись от своих прежних принципов, с присущей ему энергией принимал участие в борьбе против своего преемника. Так началось фрондирование консерваторов против правительства и короны, и князь сам сеял те семена, из которых впоследствии выросли «непонятый Бисмарк» и так часто упоминавшееся в прессе недовольство империей. «Непонятый Бисмарк» в продолжение всего моего царствования оказывал постоянное противодействие моим замыслам и целям словом, устно и письменно, а также пассивным сопротивлением и бессмысленной критикой. По мнению прессы, всегда бывшей к услугам Бисмарка и часто ведшей себя еще более по-бисмарковски, чем сам Бисмарк, все, что делалось, было плохо. Все она находила смешным, в корне и без разбора всячески критикуя мою деятельность. Особенно заметно это сказалось при приобретении нами Гельгоlanda. Этот остров, тесно прилегающий к большим водным путям, вед-

шим к главным торговым городам Ганзы, был в руках британцев постоянной угрозой против Гамбурга и Бремена, что делало невозможной даже мысль о постройке флота. Поэтому я твердо решил снова вернуть своему отечеству этот старый немецкий остров. И вскоре в области колониальной политики открылся путь, давший возможность побудить Англию отказаться от красной скалы. Лорд Солсбери согласился отдать «бесплодную скалу» взамен на Занзибар и Биту в Восточной Африке. Из торговых кругов и по донесениям командиров немецких крейсеров и канонерских лодок, стоявших там и крейсировавших у берегов вновь приобретенных Германией восточноафриканских колоний, я знал, что с расцветом Танга, Дар-эс-Салама и прочих колоний у берегов Африки падет значение Занзибара как главного порта для сбыта. Ибо, как только в этих местах будут устроены достаточные приспособления для приема и загрузки торговых судов, уже не нужно будет перевозить товары из глубины страны в Занзибар, чтобы там снова их перегружать, а можно будет грузить эти товары непосредственно в новых гаванях. Таким образом, я был убежден, что обмен для нас приемлем, и что нам предоставляется хорошая возможность избежать трений с Англией из-за колоний и уладить с ней дело полюбовно. Каприви согласился с этим, переговоры были закончены, и однажды вечером за обедом я мог сообщить императрице и некоторым доверенным лицам глубоко радостную новость, что Гельголанд перешел к Германии.

Выгодное бескровное расширение империи удалось. Было выполнено первое условие для создания флота, исполнилось лелеемое в течение столетий желание Ганзы и Северной Германии. Без шума и спокойно совершилось важное событие. Если бы приобретение Гельгоlanda было совершено во время канцлерства князя Бисмарка, оно, вероятно, было бы встречено ликованием. Но, поскольку это случилось при Каприви, началась критика. Ведь это сделали узурпатор Каприви, осмелившийся занять место князя, и «нерасчетливый», «неблагодарный», импульсивный молодой государь. Если бы Бисмарк только захотел, он в любой день мог бы получить эту «голую скалу». Но он никогда не поступил бы так необдуманно, чтобы пожертвовать за это в пользу англичан многообещающими африканскими владениями, и никогда не позволил бы, чтобы ему нанесли такую пощечину, такие голоса слышались почти со всех сторон. Газеты князя громко присоединяли свой голос к этой критике, разумеется, к огорчению Ганзы.

Странными казались упреки по поводу обмена Занзибара и Биту в прессе князя, который прежде, когда я работал под его руководством, неоднократно говорил мне, что он вообще не придает большого значения колониям, рассматривая их главным образом как случайные объекты для обмена в полюбовных сделках с Англией. Его преемник в случае с Гельголандом поступил в соответствии с таким взглядом и все же был встречен резкой критикой и нападками.

Лишь во время мировой войны мне попались на глаза статьи в немецких газетах, прямо признававшие приобретение Гельгоlanda актом предусмотрительной политики и в связи с этим приводившие соображения о том, что могло бы случиться, если бы Гельголанд не перешел к Германии. Немецкий народ имеет все основания, чтобы благодарить графа Каприви за этот его акт, сделавший возможным создание флота и победу при Скагерраке. Германский флот это осознал уже давно.

Школьный законопроект графа Цедлица вызвал новые резкие конфликты. Когда последние привели к уходу Цедлица, из среды его сторонников раздался крик: «Если граф уходит, то канцлер тоже должен уйти».

Каприви ушел спокойно и с благородством. Он честно пытался продолжать по своему разумению и по своим силам традиции князя Бисмарка. Со стороны партий он встретил при этом мало поддержки. Тем больше преследовали его критика и вражда со стороны общества и тех, кто по справедливости и во имя государственных интересов должны были бы оказывать ему содействие. Без единого слова самооправдания, сохраняя благородное молчание, Каприви провел остаток своих дней в полном уединении.

III. Гогенлоэ

И снова стоял я перед тяжелой задачей выбора канцлера. Его деятельность должна была протекать приблизительно в той же обстановке и при тех же условиях, как и деятельность его предшественника. Только теперь выдвигалась на первый план тенденция, чтобы это был более опытный государственный деятель, который мог бы внушить князю Бисмарку больше доверия, чем простой генерал. Такой государственный деятель сумел бы лучше следовать по политическому пути князя и давал бы Бисмарку меньше простора для критики и нападок. Эти нападки возбуждали во всем чиновничестве, связанном большей частью еще с эпохой князя, нервозность и недовольство, которые нельзя было не заметить, и которые наносили немалый ущерб работе всего правительственного механизма.

Точно так же и в парламенте оппозиция получала все новые подкрепления из кругов, преданных до тех пор правительству, и обнаруживала свое парализующее влияние. Так, в ведомстве иностранных дел начал сильно сказываться дух Гольштейна мнимого представителя «старых испытанных бисмарковских традиций». В этом ведомстве особенно заметно обнаруживалась неохота к сотрудничеству с кайзером: там полагали, что необходимо самостоятельно продолжать политику Бисмарка. По зрелом размышлении я ре-

шил доверить канцлерство князю Гогенлоэ, бывшему тогда наместником имперских земель. Будучи баварским министром, он в начале войны 1870 года добился того, что Бавария стала на сторону Пруссии. С тех пор Бисмарк стал высоко ценить его за преданность империи. Можно было ожидать, что к этому преемнику неприязнь князя не будет так велика. Выбор этого канцлера был сделан, таким образом, под сильным влиянием личности Бисмарка и инспирированного им общественного мнения.

Князь Гогенлоэ был типом старого знатного вельможи. Очень светский и по своему поведению, и по своим манерам, человек острого ума, сквозь который проглядывал легкий оттенок тонкой иронии с устоявшимися благодаря его возрасту взглядами, он был спокойным наблюдателем и проныцательным ценителем людей. Несмотря на большую разницу в возрасте между нами, он уживался со мной очень хорошо. Это и внешне подчеркивалось тем, что императрица и я обращались с ним, как со своим дядей, благодаря чему вокруг нас, когда мы были вместе, создавалась атмосфера известной фамильярной дружественности. В беседах со мной, особенно при обсуждении кандидатур чиновников, он давал очень меткие характеристики этих людей, часто связанные с философскими рассуждениями, обличавшими в нем глубоко продуманное отношение к людям и жизни и основанную на житейском опыте зрелую мудрость старого человека.

В первое время канцлерства Гогенлоэ имел место слу-

чай, бросающий интересный свет на отношения Германии к Франции и России. Во время братания русских с французами я получил через генеральный штаб и через посольство в Париже точные сведения о том, что Франция намеревается оттянуть часть своих войск из Алжира, чтобы расположить их в Южной Франции либо против Италии, либо против Эльзаса. Я сообщил об этом царю Николаю II с замечанием, что вынужден буду прибегнуть к ответным мероприятиям, если царь не удержит своих союзников от таких провокационных шагов.

Русским министром иностранных дел был тогда князь Лобанов бывший посол в Вене, известный франкофил. Летом 1895 года он посетил Францию, где его приняли очень хорошо. Осенью, когда я находился в охотничьем замке Губертусшток у Эберсвальда, ко мне, по поручению царя, явился на аудиенцию возвращавшийся из Парижа Лобанов. На приеме он обрисовал мне спокойное и рассудительное настроение, найденное им в Париже, и старался успокоить меня насчет вышеупомянутых дислокаций войск, уверяя, что это только пустые, ни на чем не основанные слухи и разговоры. Он-де может дать в этом отношении самые успокоительные заверения, и мне совершенно нечего бояться. Я ответил на это глубокой благодарностью за сделанное сообщение. Но слова «бояться», сказал я, нет в словаре немецкого офицера. Если Франция и Россия хотят войны, то я не могу этому помешать. На это князь, смиренно подняв глаза к

небу и перекрестившись, сказал: «О, война! Что за мысль, кто же об этом думает? Этого не должно быть!» Я возразил: «Я уже, конечно, не думаю об этом. Но даже и для наблюдателя, не особенно проницательного, продолжительные чествования и речи, как и официальные и неофициальные визиты из Парижа в Петербург и обратно, являются известными симптомами, которые нельзя оставить без внимания и которые в Германии вызывают большое смущение. Если же против воли моей и моего народа дело дойдет до войны, то я, в надежде на Бога, как и на немецкую армию и немецкий народ, буду уверен, что Германия справится с обоими противниками». К этому я прибавил изречение, сказанное одним русским офицером, членом офицерской депутации, пребывавшей во Франции, о чем мне донесли из Парижа. На вопрос одного французского товарища, надеются ли русские разбить немцев, храбрый славянин ответил: «Нет, мой друг, мы будем совершенно разбиты. Но что же из этого? Мы тогда тоже получим республику». Князь Лобанов сначала посмотрел на меня молча, а затем, пожимая плечами, сказал: «О, война! Об этом нельзя даже и думать».

Офицер высказал только то, что было общим мнением русской интеллигенции и русского общества. Уже во время моего первого пребывания в Петербурге в начале 80-х годов одна великая княгиня совершенно спокойным тоном сказала мне за обедом: «Здесь постоянно сидят на вулкане и ожидают революции каждый день. У славян нет верности монар-

хии, и они не монархисты; в глубине души они все республиканцы и только всегда притворяются и лгут».

Во время канцлерства князя Гогенлоэ в области внешней политики произошли три крупных события: первое открытие в 1896 году начатого канала императора Вильгельма (Северо-Балтийский канал), строительство которого началось при Вильгельме Великом, а на открытие были приглашены эскадры со всего мира; второе приобретение нами в 1897 году Циндао; третье нашумевшая телеграмма президенту Крюгеру. В приобретении Циндао князь Гогенлоэ принял особое участие. Он, как и я, придерживался того мнения, что Германии для ее судов необходимы собственные угольные станции и что законны стремления торговых кругов использовать возможности, открывающиеся с вовлечением Китая в орбиту международной торговли. С этой целью предполагалось основать при условии сохранения суверенных прав Китая и уплаты пошлин торговый пункт с приморской угольной станцией, в чем и сам Китай должен был принять активное участие. Станция должна была служить, прежде всего, торговым целям. Военная же сторона дела должна была быть направлена лишь на защиту развития торгового города, а не стать самоцелью или базисом для дальнейших военных начинаний. Были намечены различные пункты, которые, однако, при ближайшем ознакомлении с ними, оказывались неподходящими, главным образом потому, что они имели плохое сообщение или даже вовсе не были

связаны сообщением с внутренней частью страны, не имели хороших перспектив в отношении торговли или не были свободны от чужих притязаний. На основании доклада адмирала Тирпица, бывшего тогда начальником восточноазиатской крейсерской дивизии, я заключения географа барона фон Рихтгофена, нарисовавшего после обращенного к нему запроса многообещающую картину возможного развития Шаньдуна, было, наконец, решено остановиться на создании колонии на берегах бухты Киао-Чау.

Канцлером были собраны сведения о связанной с этим начинанием политической ситуации, которую надо было принять во внимание. Особенно важно было не мешать и не становиться поперек дороги России. Были затребованы дополнительные сведения от нашей восточноазиатской эскадры и получили благоприятные известия о глубине и незамерзаемости бухты Киао-Чау и о перспективах, которые открывались в связи с предполагающимся там открытием гавани.

Благодаря общению с русской «Китайской эскадрой», из разговоров командных лиц между собой выяснилось, что русский адмирал, по приказанию своего правительства, устроился на зимнюю стоянку в этой бухте, но нашел этот пункт таким незаселенным и невероятно пустынным (там не было японских чайных, которые русские считали необходимыми для зимней стоянки), что русская эскадра туда уже никогда больше не вернется. Русский адмирал, как мне доносили, самым настойчивым образом отсоветовал своему пра-

вительству обосноваться в этой бухте, так как там абсолютно нечего делать. Таким образом, русские не были заинтересованы в этом пункте. Последняя справка прибыла одновременно с ответом русского министра иностранных дел графа Муравьева немецкому послу, который, по приказанию канцлера, прозондировал по этому поводу почву в Петербурге. Муравьев сообщил, что Россия, правда, не имеет прямых договорных, основанных на соглашении с Китаем, прав на бухту, но все же она предъявляет свои притязания на Киао-Чау на основании «*droit du premier mouillage*» («право первоначального занятия»), ибо русские суда бросили там якорь раньше других флотилий.

Этот ответ противоречил докладу начальника восточно-азиатской эскадры.

Когда я встретился у канцлера с адмиралом Голльманом, чтобы обсудить этот ответ, князь Гогенлоэ по прочтении его, улыбаясь своей тонкой иронической улыбкой, сказал, что он не сумел найти в Министерстве иностранных дел ни одного юриста, который мог бы ему дать справку об этом удивительном «праве»; может быть, это в состоянии сделать представитель морского ведомства. Адмирал Голльман на основании своего опыта заявил, что он никогда и ничего об этом не слыхал; это бессмыслица и выдумка Муравьева, который не хочет, чтобы другой народ обосновался в Киао-Чау. Я посоветовал для разъяснения вопроса затребовать заключение еще жившего тогда известного знатока международного

морского права тайного советника адмиралтейства Перельса, признанного авторитета в этой области. Так и сделали. Заключение его было уничтожающим для Муравьева, подтверждало мнение Голльмана и совершенно разрушало легенду о «праве первоначального занятия». Так проходили месяцы, а между тем предстояло мое посещение Петергофа в августе 1897 года. В согласии с князем Гогенлоэ, я решил лично открыто поговорить с царем и, если возможно, положить, таким образом, конец нотам и дипломатическим хитростям Муравьева.

Объяснение произошло в Петергофе. Царь сказал мне, что он совершенно не заинтересован в пунктах южнее линии Тяньзинь Пекин, так что у него нет никаких оснований ставить нам препятствия в Шаньдуне. Его интересы, после того как англичане поставили ему затруднения в Мокло, сосредоточились в Ялу, Порт-Артуре и т. д. Он даже будет рад, если Германия на будущее время окажется желанным соседом России по ту сторону Чилийского залива. После этого у меня был разговор с Муравьевым. Он прибегал к разным трюкам, всячески изворачивался, сославшись, наконец, и на свое знаменитое «право первоначального занятия». Я только и ожидал этого момента и в свою очередь перешел в наступление, основательно приперев его к стенке заключением Перельса. Когда я, наконец, по желанию царя, передал ему результат беседы обоих государей, дипломат еще более смутился, потеряв свое притворное хладнокровие, и капитули-

ровал.

Таким образом, в политическом отношении почва была подготовлена. Осенью пришло известие от епископа Анцера об убийстве двух немецких католических миссионеров в Шаньдуне. Весь немецкий католический мир, в особенности партия центра, требовал энергичных мер. Канцлер предложил мне немедленно вмешаться в это дело. На зимней охоте в Лецлингене я обсуждал с ним в одной из маленьких башенок замка шаги, которые надо было предпринять. Князь предложил вручить присутствующему принцу Генриху Прусскому командование эскадрой, которую надо было выслать для подкрепления восточноазиатской морской дивизии. Я сообщил об этом своему брату в присутствии канцлера. Принц и присутствовавшие были очень обрадованы. Канцлер послал об этом сообщение в Министерство иностранных дел, а также находившемуся в дороге новому статс-секретарю по иностранным делам г-ну фон Бюлову.

В ноябре 1897 года Киао-Чау был занят. В декабре того же года принц Генрих со своей дивизией выступил на борту «Германии» в Восточную Азию, где впоследствии и взял на себя командование над всей восточноазиатской эскадрой. 6 марта 1898 года был подписан арендный договор с Китаем относительно Киао-Чау. В то же время мистер Чемберлен в Лондоне подал японскому послу барону Кото мысль о заключении англо-японского союза, чтобы поставить преграду упорному продвижению России на восток. Естествен-

но будет спросить, почему, говоря о нашем смелом выступлении, мы умалчиваем об Англии, которая была в данном случае стороной заинтересованной. Дело в том, что по этому вопросу прелюдия с Англией разыгралась уже раньше. У меня было намерение возместить недостаток немецких угольных станций основанием таковых, желательно по соглашению с Англией, путем аренды или покупки. Так как канцлер Гогенлоэ мой дядя, одновременно родственник королевы Виктории был издавна известен ей и пользовался ее большим уважением, то я надеялся, что это несколько облегчит переговоры с английским правительством. Но эта надежда не оправдалась. Переговоры тянулись без конца, без надежды на успешное завершение. По желанию канцлера, я решил поэтому переговорить лично с английским послом в Берлине. В разговоре с ним я сетовал на отношение ко мне английского правительства, которое всюду и всегда оказывает противодействие даже самым законным требованиям Германии. Посол без обиняков согласился с этим и выразил свое удивление по поводу того, что английское правительство так мало идет навстречу Германии и что оно так близоруко. Ибо когда такая молодая возрождающаяся страна, как Германия, развитие которой все равно нельзя задержать, вместо того чтобы получить нужное ей либо собственными силами, либо соединившись с другими странами, обращается непосредственно к Англии, испрашивая ее предварительное согласие, то это в сущности больше, чем Англия могла бы пожелать.

И так как Англии уже принадлежит почти весь мир, то она легко могла бы найти одно место, где и позволила бы Германии основать свою станцию. Он не понимает, сказал английский посол, этих господ из Даунинг-стрит. Если Германия не получит такое место с помощью Англии, то она, по всей вероятности, самостоятельно займет подходящий пункт, так как Англия в сущности не имеет никакого права воспрепятствовать ей в этом.

Я подчеркнул, что таково и мое мнение, и в заключение еще раз резюмировал перед послом мою точку зрения: Германия единственная страна в мире, не имеющая еще, несмотря на свои колониальные владения и на свою быстро развивающуюся торговлю, ни одной угольной станции. Мы охотно желали бы приобрести таковые с согласия Англии. Если же Англия откажется войти в наше положение и пойти нам навстречу, то нам придется обратиться к другой великой державе, чтобы с ее помощью достигнуть своего. И эта беседа также не помогла. В конце концов, переговоры были прерваны Англией в довольно невежливой форме. Тогда-то канцлер и я решили обратиться к России.

Занятие Киао-Чау вызвало удивление и гнев английского правительства. При отклонении нашей просьбы оно, конечно, рассчитывало на то, что никто не поможет Германии в достижении ее цели. Случилось иначе, и дело не обошлось без нареканий из Лондона. Когда английский посол их высказал, ему напомнили о происшедшем со мной разговоре и

разъяснили, что вина за срыв заключения соглашения с Германией падает исключительно на его правительство.

Несговорчивое поведение Англии тогда нас удивляло. Одно обстоятельство, которое в то время мне не было известно, могло бы теперь пролить свет на это дело. В книге «The Problem of Japan» анонимного автора, вышедшей в 1918 году в Гааге, написанной якобы экс-дипломатом из Дальнего Востока, приводятся выдержки из книги профессора истории при Вашингтонском университете в С.-Луи Роланда Ашера. Ашер, точно так же, как и его бывший коллега, профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке Джон Бассет Мур, часто привлекался государственным департаментом в Вашингтоне в качестве советника по вопросам внешней политики, ибо он был большим знатоком в международных вопросах, касавшихся и Соединенных Штатов, каких в Америке не много. Благодаря вышедшей в 1913 году книге профессора Ашера впервые стало известно о существовании и о содержании заключенного весной 1897 года «Agreement» или «Treaty» (соглашения или договора) тайного характера между Англией, Америкой и Францией. Это соглашение устанавливало, что в случае, если Германия, или Австрия, или обе вместе начнут войну в интересах «пангерманизма», то Соединенные Штаты тотчас же станут на сторону Англии и Франции и предоставят все свои средства на оказание помощи этим державам. Профессор Ашер приводит в дальнейшем все причины, в том числе и колониального характера,

заставившие Соединенные Штаты принять участие в войне против Германии, близость которой он предсказывал еще в 1913 году.

Анонимный автор «The Problem of Japan» составил особую таблицу пунктов заключенного в 1897 году соглашения между Англией, Францией и Америкой, разделив их по отдельным рубрикам и изобразив, таким образом, в наглядной форме размеры взаимных обязательств. Эта глава его книги читается с чрезвычайным интересом и хорошо дает представление о событиях, предшествовавших мировой войне, и о *приготовлениях* к ней стран Антанты, которые, еще не выступив под именем «Entente cordiale», уже тогда объединялись против Германии. Экс-дипломат при этом замечает: здесь мы имеем договор, заключенный, по утверждению профессора Ашера, еще в 1897 году, договор, который предусматривает все этапы участия Англии, Франции и Америки в будущих событиях, включая и завоевание испанских колоний, и контроль над Мексикой и Центральной Америкой, и использование Китая, и аннексию угольных станций. Тем не менее, профессор Ашер хочет уговорить нас, что все эти мероприятия были предприняты лишь для того, чтобы спасти мир от «пангерманизма». Излишне напоминать профессору Ашеру, продолжает экс-дипломат, что если бы даже вообще признать существование призрака «пангерманизма», то в 1897 году об этом уже, конечно, никто не слышал, ибо к этому времени Германия еще не выставила сво-

ей большой морской программы, обнародованной только в 1898 году. Таким образом, если Англия, Франция и Соединенные Штаты действительно лелеяли те общие планы, которые профессор Ашер им приписывает, и если они заключили союз для осуществления этих планов, то едва ли возможно будет объяснить и возникновение этих планов, и их выполнение таким слабым предлогом, как успехи «пангерманизма». Так говорит экс-дипломат. Этому можно поистине поражаться. Галлы и англосаксонцы с целью уничтожения Германии и Австрии и устранения их конкуренции на мировом рынке в обстановке полнейшего мира без малейших угрызений совести заключают направленный против Испании, Германии и т. д. настоящий договор о разделе, разработанный до мельчайших деталей. Договор этот был заключен объединенными галло-англосаксонцами за 17 лет до начала мировой войны, и цели его систематически разрабатывались в течение всего этого периода. Теперь можно понять ту легкость, с какой король Эдуард VII мог проводить свою политику окружения; главные актеры уже давно спелись и были готовы. Когда он окрестил этот союз «Entente cordiale», это было для мира, особенно для немцев, неприятной новостью; для другой же стороны это было только официальным признанием давно уже известного де-факто. Принимая во внимание соглашение между Францией, Англией и Северо-Американскими Соединенными Штатами, можно понять противодействие Англии в 1897 году ее соглашению с Германией

относительно угольных станций и ее недовольство тем, что Германии, с согласия русских, удалось стать твердой ногой в Китае, который они уже сговорились использовать втроем без участия Германии.

Ашер проболтался и убедительно доказал, *кто действительно является виновником мировой войны*. Подлинная причина войны заключенный весной 1897 года и направленный против Германии договор, называемый иногда «gentleman's agreement», договор, являвшийся основой и исходным пунктом враждебной Германии политики, систематически разрабатывавшейся странами Антанты в течение 17 лет. Когда им удалось привлечь на свою сторону Россию и Японию, они, инсценировав убийство в сербском Сараеве, подожгли фитиль в заранее наполненной порохом бочке, начав, таким образом, войну.

Сообщения профессора Ашера являются также полным опровержением утверждений, что отдельные военные действия Германии во время мировой войны (как, например, случай с «Лузитанией», обострение подводной войны и т. д.) вызвали участие в войне Соединенных Штатов. Все это совершенно неверно. Недавно появившаяся прекрасная книга Джона Кеннета Турнера (John Kenneth Turner) под названием «Shall it be again» на основании убедительных и исчерпывающих материалов доказывает, что причины и цели войны в действительности не были теми, какие выдвинул Вильсон. Америка, а точнее президент Вильсон, с самого начала, во

всяком случае уже с 1915 года, решил выступить против Германии. Он сделал это под предлогом подводной войны, а на самом деле под влиянием могущественных финансовых кругов и по настойчивым требованиям своего партнера Франции, человеческие ресурсы которой все больше истощались. Америка не хотела оставить ослабленную Францию одну рядом с Англией, аннексионистские аппетиты которой в отношении Кале, Дюнкерка и т. д. были ей хорошо известны.

Роковым для Германии был тот факт (об этом следует здесь вскользь упомянуть), что наше ведомство иностранных дел не сумело противопоставить английской политике окружения и хитростям России и Франции равного по достоинству дипломатического искусства... Это было отчасти следствием того, что при князе Бисмарке сотрудники Министерства иностранных дел в сущности не получили хорошей школы, и когда после ухода князя и графа Герберта исчез все подавлявший дух Бисмарка, то оказалось, что они не доросли до самостоятельного ведения внешней политики.

В Германии, однако, вообще трудно воспитать хороших молодых дипломатов. Ибо наш народ не одарен дипломатическими талантами, которые блестяще проявились лишь в отдельных гениях, как, например, Фридрих Великий и Бисмарк. Частая смена в течение этих лет статс-секретарей также неблагоприятно отражалась на ведомстве иностранных дел. Все канцлеры, по примеру Бисмарка, удерживали за собой влияние на Министерство иностранных дел и

выдвигали своих статс-секретарей, руководителей иностранной политики. Я считался в этом отношении с предложениями рейхсканцлеров, так как признавал за ними право самим избирать своих главных сотрудников в области иностранной политики. Связанная с этим частая смена не могла способствовать преемственности в политике и приносила большой вред. В ведомстве иностранных дел неизменно царил принцип «только никаких неприятных столкновений с другими державами» или «только без всяких историй», как сказал один французский генерал какому-то кружку заговорщиков, о которых ему донесли, что они собираются поднять мятеж. Один из статс-секретарей однажды во время доклада, когда я указал ему на затруднительное положение в одном вопросе внешней политики, сказал мне: это необходимо уладить. Министерство иностранных дел, прежде всего, имеет в виду один принцип: «Только спокойствие». Только этим принципом можно объяснить ответ, данный германским представителем в южно-американской республике одному немецкому купцу, просившему у него помощи и защиты, после того как у него разграбили лавки и расхитили его имущество: «Ах, оставьте же меня в покое с этими вещами. Мы только что завязали с республикой хорошие отношения, которые от нашего заступничества за вас могут только испортиться». Незачем и упоминать о том, что, как только я узнавал о подобном взгляде какого-то чиновника на дело, я тотчас же смещал с должности виновного.

Министерство иностранных дел и в народе, и в армии пользовалось общей нелюбовью. При всех канцлерах я неоднократно говорил о необходимости коренных реформ. Но это было тщетно. Всякий новый канцлер, особенно, если он сам раньше не служил по иностранному ведомству, нуждался в Министерстве иностранных дел прежде всего для того, чтобы войти в курс международной политики. Это, конечно, требовало времени. Когда же он, наконец, осваивался в этой области, то считал себя связанным благодарностью к осведомлявшим его лицам. Перегруженный другими работами и не зная хорошо персонала, он боялся предпринимать решительные перемены, тем более что, как ему казалось, он все еще нуждался в совете «осведомленных» лиц.

Но вернемся снова к Циндао. Тут все было приспособлено для оживления торговли и промышленности и все делалось сообща с китайцами. Над таможей в Циндао развевался и флаг Китайской империи. Город так быстро развивался, что в последние годы перед войной он стоял на шестом месте среди всех китайских торговых городов сразу после Тяньзиня. Циндао был цветущей германской торговой колонией; китайцы ее ценили, восхищались ею. В противоположность морским базам России и Англии чисто военным, основанным с целью подавления и завоевания, там работало много китайцев. Это был своего рода склад образцов проявления немецкого гения и продуктов немецкого труда, давших туземному населению большой выбор товаров и вызвавших

соревнование среди китайцев, до тех пор не знавших Германии, ее мастерства и фабрикатов.

Быстрый расцвет Циндао как торгового порта возбудил зависть японцев и англичан. Убегая от жары Гонконга, Кантаона и Шанхая, последние толпами приезжали туда со своими семьями, наслаждаясь прекрасным морским берегом, прохладным воздухом и великолепным приморским отелем этой колонии и предаваясь лаун-теннису и другим видам спорта. Из зависти Англия в 1914 году потребовала, чтобы Япония забрала Циндао, хотя фактически этот город принадлежал Китаю. Япония сделала это с радостью, обещая вернуть город Китаю. Передача последовала, однако, после долгих настояний лишь в начале 1922 году, хотя Япония договорилась с Америкой, что не предпримет никаких территориальных изменений в Китае, не посоветовавшись предварительно с Вашингтоном.

Таким образом, большое гуманитарное германское начинание за границей, которое явилось образцом того, как цивилизованная страна может показать другой нации преимущества своей культуры, погибло из-за английской зависти и конкуренции. Когда-нибудь, когда то же самое случится с Гонконгом, Англия в этом раскается и будет горько упрекать себя в том, что она изменила своему старому принципу, который всегда был могущественным фактором ее успехов, незыблемый союз белых народов против цветных рас. Когда Япония осуществит свой лозунг «Азия для азиатов» и под-

чинит своему влиянию Китай и Индию, тогда Англия будет запоздало оглядываться в сторону Германии и ее флота.

По поводу «желтой опасности» впоследствии, после русско-японской войны, у меня при встрече с русским царем произошел следующий разговор. Царь, находясь тогда явно под впечатлением все растущего японского могущества и вытекавшей отсюда опасности для России и Европы, спросил мое мнение по этому поводу. Я ему ответил: «Если русские причисляют себя к культурным государствам Европы, то они должны быть готовы взять на себя защиту последней и бороться вместе с ней за свое существование и свою культуру, а вместе с тем и за существование и культуру всей Европы. Если же русские чувствуют себя азиатами, то пусть они соединятся с «желтой опасностью» и вместе с ней набросятся на Европу». Соответственно с этим царь и должен организовать защиту своей страны и свою армию. На вопрос царя, что, по моему мнению, сделают русские, я ответил: «Второе». Царь очень рассердился и захотел тотчас же знать, на каких фактах я основываю свое заключение. Мой ответ гласил: «На том факте, что строится железная дорога, и что русские войска стягиваются к прусско-австрийской границе».

Царь протестовал: он-де и его династия европейцы; его страна и народ, конечно, будут стоять за Европу, и для него будет долгом чести защитить последнюю от «желтых». На это я заметил, что если это так, то он должен немедленно бросить свои военные приготовления. Царь промолчал. Я

старался в любом случае использовать в интересах Германии и всей европейской культуры страх царя Николая II перед возрастающим японским могуществом. Несмотря на союз с Японией, Россия впоследствии была сломлена как первое из государств, принявших участие в войне.

У умных японских политиков, которых немало, должны бы теперь возникнуть некоторые сомнения в правильности того пути, по которому они вели свою страну во время мировой войны. Они, быть может, даже должны были бы спросить себя, не было ли выгоднее для Японии воспрепятствовать мировой войне. Последнее было в ее власти; она должна была лишь твердо и недвусмысленно стать на сторону центральных держав, у которых она в прошлом так много и охотно училась. Если бы Япония в этом духе своевременно направила свою внешнюю политику и боролась бы, подобно Германии, мирными средствами за свое участие в мировой торговле, то я с радостью оставил бы в стороне «желтую опасность» и в кругу других миролюбивых народов приветствовал бы возрождающуюся нацию «пруссиков востока».

Никто больше меня не сожалеет о том, что «желтая опасность» не потеряла своей остроты еще тогда, когда наступил кризис 1914 года. Опыт мировой войны может еще в этом отношении внести свои коррективы.

Причину присоединения Германии к шагу Франции и России следует искать в политическом положении Германии в Европе. Германия была защемлена между наступающей,

угрожавшей границам Пруссии Россией и Францией, воздвигавшей на своих границах все большее количество фортов и укреплений. В Берлине тревожно смотрели на будущее. Вооружение этих двух держав далеко превосходило наше; их флот был гораздо новее и сильнее, чем флот Германии, состоявший из нескольких старых, едва боеспособных судов. Поэтому нам казалось целесообразным и предусмотрительным пойти на предложение этой сильной группы, для того чтобы она в случае нашего отказа не обратилась бы тотчас к Англии и не достигла бы сближения с ней против нас. В последнем случае уже тогда создалась бы ситуация 1914 года, и Германия попала бы в тяжелое положение. Наша политика в этом отношении тем более понятна, что Япония все равно уже тогда собиралась перенести свои симпатии на Англию. Совместные действия Германии и франко-русской группы, помимо того, давали возможность в связи с общей политикой на Дальнем Востоке постепенно прийти и в Европе к менее напряженным взаимоотношениям и более дружественному сожительству Германии с обоими своими соседями.

Проводившаяся нами политика и в этом случае последовательно шла по линии сохранения всеобщего мира.

В вопросе о Киао-Чау князь Гогенлоэ, несмотря на свой преклонный возраст, показал такое упорство в достижении своей цели и такую твердую настойчивость, которые ему надо поставить в большую заслугу.

К сожалению, в эпизоде с телеграммой президенту Крюге-

ру канцлеру изменили его осмотрительность и свойственный ему ясный взгляд на вещи. Только этим можно объяснить то, что он так упорно настаивал на отсылке телеграммы Крюгеру. Князь, правда, подчинился влиянию такой энергичной личности, как красноречивый бывший прокурор фон Маршалль, и убедительным речам сладкозвучного, словно сирена, фон Гольштейна. Тем не менее, он оказал этим плохую услугу своей стране, а мне причинил большой вред как в Англии, так и в моей стране.

Ввиду того, что так называемая Крюгеровская телеграмма вызвала много шума и явилась причиной важных политических последствий, я хочу подробно рассказать об этой истории.

Вторжение Джемсона³ вызвало в Германии большое, все возраставшее возбуждение. Германский народ был возмущен этим насилием над маленькой нацией, по происхождению нидерландской, стало быть, нижнесаксонско-немецкой, пользовавшейся у нас, как родственный народ, особой симпатией. Это возбуждение, охватившее также и высшие круги общества и угрожавшее породить большие затруднения в отношениях с Англией, причиняло мне немало забот. Я придерживался того мнения, что если Англия хочет завое-

³ Джемсон был служащим британской Южно-африканской компании. В 1895 году предпринял нападение на Южно-африканскую республику, но вынужден был капитулировать перед бурами. Был выдан Англии и приговорен там к тюремному заключению, но скоро помилован. В 1904—1908 годах занимал пост министра-президента Капской колонии.

вать бурскую территорию, то этому помешать нельзя, хотя я и был убежден в том, что этот захват является несправедливым. Но я не мог преодолеть общее настроение: даже в кругу моих близких знакомых меня довольно строго осуждали за мою позицию в этом вопросе.

Однажды на совещании у рейхсканцлера, моего дяди, на котором присутствовал и имперский статс-секретарь по морским делам адмирал Голльман, неожиданно появился сильно взволнованный статс-секретарь барон Маршалль с какой-то бумагой в руках. Он заявил, что возбуждение в народе и в рейхстаге так велико, что совершенно необходимо дать ему внешнее выражение. Это лучше всего можно сделать, послав телеграмму президенту Крюгеру, черновик которой он держал в руках. Я высказался против этого, и меня поддержал адмирал Голльман. Рейхсканцлер при этих дебатах вначале держался пассивно. Я знал, что психология английского народа совершенно не знакома Министерству иностранных дел и барону Маршаллю, и потому пытался разъяснить те последствия, которые этот шаг вызовет в английском народе; мне вторил адмирал Голльман. Но Маршалля нельзя было переубедить. Тогда заговорил, наконец, и канцлер, который заявил, что я, как конституционный монарх, не имею права идти против народного сознания и своих конституционных советников. В противном случае грозит опасность, что сильное возмущение оскорбленного в своем чувстве справедливости и сочувствующего нидерландцам немецкого на-

рода выйдет из берегов и обратится также и против меня. Уже и так-де в народе говорят: кайзер сам наполовину англичанин и питает тайные симпатии к Англии; он-де находится вполне под влиянием своей бабушки, королевы Виктории; пора положить конец влиянию английских дядюшек, кайзер должен выйти из-под английской опеки и т. д. Поэтому он, канцлер, если бы даже признавал справедливость моих возражений, но во имя общеполитических интересов, а прежде всего во имя добрых отношений между мной и моим народом, должен настаивать на подписании мною телеграммы. Он и фон Маршалль берут на себя как конституционные советники полную ответственность за телеграмму и ее последствия.

Адмирал Гольман на предложение канцлера разделить его точку зрения и со своей стороны выступить против меня ответил отказом, заметив, что весь англосаксонский мир непременно взвалит ответственность за телеграмму на кайзера, ибо там никогда не поверят, что эта провокация исходит от старшего советника Его Величества, а будут ее толковать как «импульсивный» поступок «юного» кайзера.

После этого я попытался еще раз отговорить канцлера и Маршалля от их плана. Но оба они настаивали на том, чтобы я подписал телеграмму, подчеркивая, что ответственность за последствия они целиком берут на себя. Я считал, что, исчерпав все доводы, я, в конце концов, не могу не считаться с их соображениями, и подписал телеграмму.

Весь этот эпизод со всеми деталями, как он здесь описан, снова был вызван в моей памяти адмиралом Голльманом незадолго до его смерти. В газете «Times» в номере от 11 сентября 1920 года тогдашний корреспондент этой газеты сэр Валентин Чирол рассказывает, что непосредственно после отсылки этой телеграммы г-н фон Маршалль сказал ему, что в последней передавалось не личное мнение кайзера, а «государственный акт», за который канцлер и он сам несут полную ответственность.

После опубликования телеграммы в Англии, как я и предсказывал, разразилась настоящая буря. Я получил из всех кругов Англии, особенно из аристократических, а также от незнакомых мне дам из общества целый поток писем со всевозможными упреками; отправители не гнушались даже личными оскорблениями и ругательствами. Начались клеветнические нападки со стороны прессы, и вскоре легенда о моей вине в появлении телеграммы сделалась такой же непререкаемой, как церковное «аминь». Если бы Маршалль и в рейхстаге заявил о действительном ходе дела, как он его изобразил в разговоре с корреспондентом Чиролом, то я лично не был бы в такой степени замешан в этом эпизоде.

В феврале 1900 года, в разгар бурской войны, когда я, приняв в Вильгельмсгафене присягу рекрутов, находился с флотом у Гельгоlanda на маневрах линейных кораблей, я через Гельголанд получил телеграфное донесение с Вильгельмштрассе, что Россия и Франция обратились к Герма-

нии с предложением сообща напасть на Англию и парализовать ее морские сообщения, пользуясь отвлечением ее военных сил. Я высказался против этого и приказал отклонить предложение Франции и России. Предполагая, что Париж и Петербург изобразят дело в Лондоне так, будто предложение нападения на Англию исходило из Берлина, я тотчас же телеграфировал из Гельгоlanda королеве Виктории и принцу Уэльскому (Эдуарду) об этом предложении и о его отклонении мною. Королева ответила сердечной благодарностью; принц Уэльский реагировал выражением крайнего изумления. Впоследствии Ее Величество секретно дала мне знать, что через короткое время после моей телеграммы из Гельгоlanda о предложении Парижа и Петербурга в Лондон действительно пришло предвиденное мной сообщение с изображением дела противоположно факту. Королева была рада открыть своему правительству на основании моего сообщения интриги Франции и России и успокоить его насчет лояльного поведения Германии. Королева при этом подчеркивала, что она никогда не забудет дружеской услуги, оказанной мной Англии в тяжелое для нее время. Позже Сесил Родс обратился ко мне с ходатайством разрешить ему провести через часть Южной Африки, принадлежавшую Германии, свою Капско-Каирскую железнодорожную и телеграфную линию. Я после согласования с Министерством иностранных дел и канцлером дал ему свое разрешение при условии проведения ветки через Табору и использования

для постройки железной дороги на германско-африканской территории германских материалов. Родс на эти условия согласился с готовностью. Он был благодарен за осуществление при содействии Германии своей заветной мечты, после того как незадолго до того король Леопольд Бельгийский отказал ему в его просьбе.

Родс был полон восхищения перед Берлином и мощными немецкими промышленными предприятиями, которые он здесь ежедневно посещал. Позже он говорил, как жалеет, что уже раньше не был в Берлине с целью познакомиться с мощью и гением Германии и наладить взаимоотношения с германским правительством и руководящими торговыми кругами. Он хотел приехать в Берлин еще до похода Джемсона, но в Лондоне ему тогда в этом помешали.

Если бы он мог раньше осведомить нас о своем намерении хлопотать о разрешении ему провести Cape-to-Cairo Line через страну буров и через наши колонии, то германское правительство, вероятно, могло бы ему помочь, уговорив президента Крюгера, который, как известно, не хотел и слышать о таком разрешении. Тогда не произошло бы этого нелепого Джемсоновского рейда. И телеграмма Крюгеру не была бы отправлена. «Впрочем, прибавил Родс, телеграмма Крюгеру была совершенно справедлива, и он за нее не был на меня в претензии». Так как в Германии не могли иметь точных сведений о целях и намерениях Англии, то этот поход действительно можно было рассматривать, как «act of piracy» («раз-

бойничий набег»), который, естественно, вызвал среди немцев справедливое возмущение. А между тем он, Родс, хотел лишь получить полоску земли для проведения своей дороги, как это ему только что разрешила Германия. Такое желание не было бы незаконным и было бы, без сомнения, поддержано Германией. Впрочем, добавил Родс, кайзеру нечего горевать о нашумевшей телеграмме и огорчаться по поводу криков английской прессы. Родс не знал всей истории в связи с отправленной Крюгеру телеграммой и хотел утешить меня, считая меня ее инициатором. Родс в дальнейшем посоветовал мне построить Багдадскую железную дорогу, вызвав, таким образом, к жизни Месопотамию и устроив ее орошение. Это, по его мнению, является задачей Германии, точно так же как его задача создание «Cape-to-Cairo Line». Так как проведение этой линии через нашу территорию ставилось в зависимость от предоставления нам островов Самоа, то Родс горячо ратовал в Лондоне за уступку их нам.

В делах внутренней политики князь Гогенлоэ, как канцлер, управлял мягкой рукой, что было мало полезно для общей системы. С Ватиканом он благодаря своим старым связям с господином фон Гертлингом сумел установить хорошие отношения. Его мягкость и снисходительность распространялись и на имперские земли, к которым он как знаток, издавна проявлял особый интерес. Но ему за это не отвечали благодарностью: косвенно поощряемый французский дух все более дерзко проявлялся в имперских землях. Князь Го-

генлоэ любил пользоваться даже и в отношении к социалистам такими средствами, как посредничество, соглашение и примирение, часто применяя эти средства даже тогда, когда энергичное вмешательство было бы гораздо уместнее.

Князь Гогенлоэ горячо приветствовал мою поездку на Восток в Стамбул и Иерусалим. Он был рад упрочению отношений с Турцией и считал возникший на этой почве проект Багдадской дороги крупным, достойным Германии культурным начинанием. По настоянию дряхлеющей английской королевы-бабушки, желавшей на закате своих дней еще раз увидеть своего старшего внука, я в 1899 году совершил поездку в Англию вместе с моей женой и двумя сыновьями. Это встретило у канцлера самую горячую поддержку. Он ожидал от этой поездки ослабления последствий инцидента с телеграммой Крюгеру, в свое время им же самым обостренного. В то же время он надеялся получить разъяснение некоторых важных вопросов в моих личных беседах с английскими государственными деятелями. Королева Виктория, чтобы предупредить всякие непристойности со стороны английской прессы, резко полемизировавшей с германской в связи с бурской войной, и не всегда справедливыми нападками некоторых немецких газет, поручила автору «Life of Prince Consort» сэру Теодору Мартину сообщить английской прессе желание Ее Величества, чтобы императору, ее внуку, был оказан достойный и дружеский прием. Так и случилось. Визит прошел гладко и удовлетворил меня во всех отноше-

ях. У меня были важные беседы с различными влиятельными лицами. О телеграмме Крюгеру во все время моего пребывания в Англии никто ни разу не упомянул. Напротив, королева-бабушка не скрыла от своего внука, как несимпатична ей была бурская война. Она не скрывала своего недовольства поведением мистера Чемберлена и своего нерасположения к нему и еще раз поблагодарила меня за мое немедленное и резкое отклонение русско-французского предложения о вмешательстве и за мое быстрое уведомление об этом предложении. Можно было ясно видеть, как сильно любила королева свою прекрасную армию и как она была удручена полученным вначале английской армией отпором, сопровождавшимся значительными потерями. Старый фельдмаршал герцог Кембриджский сказал по этому поводу прекрасные слова: «Британский дворянин и офицер доказал, что он умеет умирать, как джентльмен». При моем отъезде королева напутствовала меня сердечными приветами по адресу своего глубокоуважаемого кузена (*much cherished cousin*) рейхсканцлера, ум и опытность которого, как она надеялась, будут всегда содействовать упрочению хороших отношений между обеими странами.

Мой доклад об успешной поездке удовлетворил князя Гогенлоэ во всех отношениях, в то время как со стороны известной части прессы и многих взволнованных «друзей буров» я был встречен самыми резкими нападками. Немцу недостает как раз того, что привито английскому народу

и воспитано в нем долгой политической традицией: когда борьба уже началась, хотя бы только на дипломатическом поприще, англичанин безропотно идет за своим знаменем. Он поступает по пословице: «Разве можно во время скачек менять жокея?».

Осенью 1900 года князь Гогенлоэ оставил канцлерский пост, так как это бремя стало непосильно для него из-за его престарелого возраста. К тому же ему были несимпатичны вечные партийные раздоры и споры. Он неохотно выступал перед партиями в рейхстаге. Не менее раздражала его необузданная часть прессы, которая, оперируя бисмарковскими цитатами, думала, что охраняет якобы бисмарковские традиции, и к тому же сильно вредила англо-германским отношениям, особенно во время бурской войны. Надежда, которую питали при выборе князя Гогенлоэ и при его вступлении в должность канцлера, надежда на то, что князь Бисмарк будет ему чинить меньше затруднений, оправдалась лишь отчасти. Благодаря моему примирению с Бисмарком, внешне выразившемуся в его торжественном въезде в Берлин и в пребывании в древнем замке Гогенцоллернов, атмосфера, правда, сильно разрядилась, и Бисмарк стал гораздо снисходительнее. Но его приверженцы и те, кто примкнул к нему из-за желания фрондировать, все еще не могли отказаться от своего образа действий.

В то же время, как раз тогда, когда я поехал во Фридрихсру на торжества по случаю 80-летия со дня рожде-

ния Бисмарка, народное представительство отказало старому рейхсканцлеру в доверии. Это должно было глубоко задеть князя Гогенлоэ и преисполнить его негодованием. В то же время смерть его великого предшественника глубоко потрясла его, как и меня, и мы вместе со всем немецким народом искренно оплакивали в нем одного из величайших сынов Пруссии и Германии, хотя он часто и делал нашу работу нелегкой. Я поспешил прибыть из моей поездки на север, чтобы почтить память того, под начальством которого я некогда, еще принцем, с гордостью работал и кто, будучи преданным слугой своего старого государя, помог объединению германского народа.

Князя Гогенлоэ побудил к уходу, между прочим, и его сын Александр, часто бывавший в доме князя (в обществе его называли «кронпринцем») и существенно отличавшийся от своего обязательного отца.

Князь Гогенлоэ, как рейхсканцлер, мог наблюдать целый ряд своих успехов: окончание борьбы за «гражданское уложение», реформу военно-уголовного судопроизводства, закон о флоте, соглашение о Самоа, вручение Вальдерзее верховного командования в Китае во время боксерского восстания, Цзингтау и Яньтценьский договор. 15 октября 1900 года я распростился с князем Гогенлоэ. Мы были оба очень тронуты. Ибо это покидал кайзера не только канцлер и преданный сотрудник, но и дядя. И племянник с благодарностью и глубоким уважением смотрел на старика, который в 75 лет

возрасте, когда другие обычно предаются отдыху и созерцанию, без колебаний последовал зову кайзера, взял на себя напряженный труд и посвятил свое время и силы германскому отечеству. Когда он собирался уже покинуть мою комнату, он еще раз пожал мою руку и попросил подарить ему на те годы, которые ему еще осталось прожить и которые он думал провести в Берлине, ту неподдельную и верную дружбу, какую он так долго наблюдал между мной и адмиралом Гольманом и какой всегда восхищался. Я навсегда сохраню о нем верную память.

IV. Бюлов

На следующий день после ухода князя Гогенлоэ в должность канцлера вступил назначенный мной его преемником статс-секретарь по иностранным делам граф Бюлов. Мой выбор пал на него потому, что он был прекрасно знаком со всеми многочисленными вопросами внешней политики, становившейся все более напряженной и запутанной, особенно с вопросами англо-германских взаимоотношений. Помимо того, он уже выказал себя искусным оратором и умел находчиво вести дебаты в рейхстаге. Его предшественнику не хватало именно последнего качества, что частенько сильно давало себя чувствовать. Когда в союзном совете стали известны намерения князя Гогенлоэ уйти, баварский посол в Берлине граф Лерхенфельд весьма экспрессивно сказал мне, чтобы я только, упаси Бог, не выбрал опять южногерманца. Последние-де не годятся для руководящих постов в Берлине. Здесь, естественно, лучше могут ужиться северогерманцы; поэтому для империи будет лучше, если на пост канцлера будет выбран именно северогерманец.

Бюлов был мне давно лично знаком, сначала как посол в Риме, а затем как статс-секретарь. Я уже тогда часто посещал его дом и неоднократно вел с ним беседы в его саду. Сблизился я с ним, когда он сопровождал меня в моей поездке на Восток, служа при содействии посла барона Маршал-

ля, посредником в моих личных сношениях с руководящими членами турецкого правительства. Таким образом, отношение нового канцлера ко мне было уже ясно определившимся, ибо мы уже давно договорились друг с другом обо всех политических проблемах и вопросах. При этом он и по возрасту стоял гораздо ближе ко мне, чем его предшественники, которые, собственно, могли бы быть моими дедушками. Он был первый «молодой канцлер», которого видела Германская империя. Это облегчало нам обоим совместную работу.

Во время моего пребывания в Берлине не проходило почти ни одного дня, когда бы я не предпринимал продолжительной утренней прогулки с Бюловом в саду рейхсканцлерского дворца, во время которой обсуждались его доклады и затрагивались все актуальные вопросы. Я часто приходил к нему на обед. Встречая самый радушный прием со стороны графа и его любезной супруги, я всегда находил там массу интересных людей, в искусном выборе которых граф оказался большим мастером. Граф был неподражаем и в умении поддерживать разговор, и умно трактовать различные всплывавшие во время бесед темы. Для меня всегда было наслаждением вступать в присутствии брызжущего умом канцлера в непринужденное внеслужебное общение и в волнуемый обмен мнениями со многими профессорами, учеными и художниками, как и с государственными чиновниками всякого рода. Граф был также превосходным рассказчиком

анекдотов и прочитанных, и пережитых им самим, передаваемых им на разных языках. Он охотно рассказывал случаи из своей дипломатической деятельности, особенно в период своего пребывания в Петербурге. Отец графа был интимным другом князя Бисмарка и одним из его ближайших сотрудников. Молодой Бюлов также начал свою карьеру под начальством великого канцлера. Он вырос на бисмарковских идеях и традициях, находился под их сильным влиянием, но в то же время не был слепо и несамостоятельно привержен им.

В одной из моих первых бесед с Бюловым как с рейхсканцлером, он осведомился о моем взгляде на то, каким образом лучше всего вести себя с англичанами и поддерживать с ними сношения. Я сказал, что, по моему мнению, главное в сношениях с англичанами это полная откровенность. Англичанин, защищая свою точку зрения и свои интересы, до дерзости не считается ни с чем, и потому он очень хорошо понимает, когда другие по отношению к нему поступают так же. Разводить дипломатию или тонко хитрить с англичанином нельзя (это применимо лишь по отношению к латинским и славянским народам), ибо в таком случае он становится недоверчив и начинает подозревать, что по отношению к нему поступают нечестно и хотят исподтишка нанести ему удар. А между тем стоит только у англичанина вызвать недоверие, с ним уже ничего нельзя поделаться, несмотря на самые красивые слова и готовность идти на самые крупные уступки. Я поэтому могу дать канцлеру только один совет,

сказал я, придерживаться в политике по отношению к Англии только прямого пути. Я сказал это с особым ударением, так как тонкому дипломату графу Бюлову привычка хитрить была особенно присуща, став его второй натурой.

Во время беседы с канцлером я нашел случай предостеречь его относительно личности Гольштейна. Однако, несмотря на это предостережение, бывшее только повторением сказанного мне в свое время Бисмарком, Бюлов много работал с ним, скорее вынужден был работать. Этот замечательный человек сумел (особенно с того времени, когда Министерство иностранных дел после ухода Бисмарка в известной степени осиротело) создать себе там постепенно все более влиятельное положение, которое он при трех канцлерах настолько укрепил, что считался незаменимым. Гольштейн, несомненно, был одарен большим умом, соединенным с феноменальной памятью и определенным даром политического комбинирования, доходившим, правда, у него подчас до смешного. Уважение к нему в немалой степени покоилось и на том, что он в широких кругах, особенно среди старших чиновников, слыл «носителем бисмарковских традиций», отстаивающим их перед «молодым государем».

Значение Гольштейна, прежде всего, основывалось на его прекрасном знакомстве с личным составом всего иностранного ведомства. Имея поэтому решающее влияние на все личные назначения, он, естественно, держал в своих руках карьеру более молодых чиновников, чем легко объяснить то,

что он постепенно достиг господствующего положения в Министерстве иностранных дел. В то же время он все больше стремился добиться решающего влияния и на направление иностранной политики. И действительно, временами он на самом деле был *spiritus rector* иностранного ведомства и иностранной политики. Опасность при этом заключалась в том, что его далеко простиравшееся влияние сказывалось всегда только за кулисами: он избегал всякой официальной ответственности как советник. Он предпочитал действовать, оставаясь в тени. Он отказывался от всяких ответственных постов, многие из которых были для него открыты, а также от титулов и повышения. Он жил в полном уединении. Я долго тщетно пытался завязать с ним личное знакомство, пробовал приглашать его к обеду, но Гольштейн неизменно отказывался. Единственный раз в течение многих лет он снизошел до того, чтобы пообедать со мной в Министерстве иностранных дел. Характерным для него при этом было то, что, тогда как все были во фраках, он появился в обыкновенном сюртуке, извинившись тем, что «у него нет фрака».

Таинственность, которой Гольштейн окружал свою деятельность, стремясь не быть за нее ответственным, обнаруживалась иногда и в манере его записок. Они, несомненно, подкупали своим умом, но были подчас такими же запутанными и двусмысленными, как предсказания Дельфийского оракула. Случалось, что, когда на основании его записок принималось то или иное решение, г-н фон Гольштейн

вслед за тем неопровержимо доказывал, будто имел в виду как раз обратное. Мне это сильное влияние безответственного закулисного советника, часто в обход официальных ответственных инстанций, казалось опасным. Со мной неоднократно случалось, в особенности при Рихтгофене, что, когда я при обсуждении какого-нибудь политического вопроса с иностранным послом предлагал ему поговорить об этом со статс-секретарем, тот мне отвечал: «Я поговорю об этом с моим другом Гольштейном». Я находил неправильным уже одно то, что чиновник Министерства иностранных дел в обход своего начальника ведет переговоры с иностранными послами. Но то, что последние называли этого чиновника без церемонии «мой друг», во всяком случае выходило, по моему мнению, из границ полезного.

Постепенно дело приняло такой оборот, что Гольштейн действительно выполнял добрую долю внешней политики. При этом он слушался разве только одного канцлера. Но что думал или говорил по этому поводу кайзер, это для него не играло никакой роли. Успехи присваивались Министерством иностранных дел себе; если же были неудачи, то это была вина «импульсивного молодого государя».

Несмотря на все это, и Бюлов сначала, по-видимому, считал Гольштейна незаменимым. Он долго работал с ним, пока, наконец, и для него гнет этого для всех неприятного человека стал невыносим. Статс-секретарю фон Тширшки принадлежала заслуга покончить, наконец, с этим шатким по-

ложением. На мой запрос он заявил, что считает невозможным дальнейшее пребывание фон Гольштейна в министерстве иностранных дел, так как этот господин вносит дезорганизацию в министерство, старается совершенно устранить его, статс-секретаря, доставляя много затруднений и канцлеру. На основании этого я приказал фон Тширшки подготовить отставку Гольштейна, что с его согласия и было осуществлено после выздоровления канцлера от постигшей его в то время тяжелой болезни. Господин фон Гольштейн сам охарактеризовал себя, когда тотчас после своей отставки перешел на сторону господина Гардена, предложив ему свои услуги для кампании против кайзера.

В связи с переговорами с Англией 1901 год дал графу Бюлову прекрасный случай показать себя, и он блестяще выдержал ниспосланное ему испытание. Сам граф Бюлов еще всячески благоговел перед бисмарковской теорией о том, что надо вступать в дружбу с другой страной, сохраняя, однако, при этом всегда хорошие отношения с Россией. И в этом он находил поддержку со стороны многочисленных псевдобисмарковцев.

Среди юбилейных торжеств по поводу 200-летия дома Гогенцоллернов меня вызвало к смертному одру моей бабушки известие об опасном положении старой королевы Виктории. Я спешно выехал вместе с моим дядей герцогом Коннаутским любимым сыном королевы, моим большим другом и зятем принца Фридриха Карла (герцог тоже присутство-

вал на торжествах в Берлине в качестве представителя королевы). В Лондоне я был сердечно принят тогдашним принцем Уэльским и всей королевской семьей. Когда мой экипаж медленно выехал со станции, к дверцам экипажа подошел простой человек, выступивший из стоявшей в безмолвной тишине густой толпы народа, и, обнажив голову, сказал: «Спасибо тебе, кайзер». Принц Уэльский, позднее король Эдуард VII, заметил по этому поводу: «Так думают здесь все, весь народ. И они никогда не забудут того, что ты приехал». И все же это случилось, и притом довольно скоро.

Когда королева тихо почила на моих руках, для меня упал занавес над многими воспоминаниями молодости. С ее смертью начиналась новая глава в истории Англии и в англо-германских отношениях. Я, насколько было возможно, завязал сношения с руководящими английскими деятелями, замечая всюду несомненно симпатизирующее нам и дружественное настроение, обнаруживавшее желание поддержать хорошие отношения с Германией. На прощальном банкете я и король Эдуард VII экспромтом произнесли сердечные по тону и содержанию речи, произведшие большое впечатление на слушателей. Когда стали расходиться, английский посол в Берлине, пожав мне руку, сказал, что моя речь дошла до сердца всех его соотечественников, так как мои слова были искренни и просты, что и требуется англичанам. Речь мою следует немедленно опубликовать, ибо она найдет отклик во всей стране, благодарной за мой приезд. Это будет полезно

для взаимоотношений между нашими странами. Я ответил, что это дело британского правительства и британского короля; я лично не имею никаких возражений против опубликования моей речи. Она, однако, не была опубликована. Британский народ никогда не узнал о словах, бывших искренним выражением моих чувств и мыслей. В нашей беседе с тем же послом, происшедшей позже в Берлине, он выразил свое глубокое сожаление по поводу того, что мысль об опубликовании моей речи не была приведена в исполнение, но причину этого указать не мог.

В заключение этого повествования о моем пребывании в Англии нельзя не упомянуть о том факте, что часть немецкой прессы, к сожалению, обнаружила отсутствие такта и понимания как скорби английского королевского дома и английского народа, так и обязательств, налагаемых на меня политическими соображениями и родственными связями.

По возвращении я мог рассказать канцлеру о моих хороших впечатлениях, в особенности же о том, что настроение в Англии, по-видимому, благоприятно для сближения и подписания соглашения с Германией. На совещании с Бюловом в Гамбурге по вопросу об использовании создавшейся ситуации канцлер остался доволен результатами моей поездки. Я отстаивал при этом ту мысль, что необходимо непременно попытаться заключить хорошее соглашение с Англией, если нельзя добиться союза, который мне казался предпочтительнее. Прочное соглашение могло бы удовлетворить и нас, и

англичан, а в результате в будущем из него мог бы развиваться и союз.

Случай к этому представился неожиданно скоро. Во время моего пребывания весной 1901 года в Гамбурге граф Меттерних, бывший при мне представителем Министерства иностранных дел, принес мне однажды донесение из Берлина о том, что мистер Чемберлен запросил там, хочет ли Германия пойти на союз с Англией. Я тотчас же спросил: «Против кого?», ибо если Англия так внезапно, в состоянии полного мира, предлагала союз, то она, очевидно, нуждалась в немецкой армии. В таком случае было важно узнать, против кого и за что германские войска, по приказанию Англии, должны будут бороться в ее рядах. На это последовал ответ из Лондона: против России, ибо последняя угрожает Индии и Стамбулу.

Я в своем ответе обратил внимание Лондона на старое традиционное братство по оружию между русской и германской армиями и на тесные родственные связи между обоими царствующими домами. Затем я указал на опасность войны на два фронта в случае заступничества Франции за Россию, а также и на тот факт, что мы на Дальнем Востоке шли до сих пор вместе с Францией и Россией (1895 год Шимонозекки), и теперь, в мирное время, нет никакого повода ни с того ни с сего начинать конфликт с Россией. Восточная граница Пруссии ввиду перевеса русских военных сил и дислокаций русских войск находится под большой угрозой; защитить ее

от русского вторжения Англия не в состоянии, так как в Балтийском море ее флот может сделать немного, а в Черное он лишен возможности проникнуть. Таким образом, при совместном выступлении против России Германия одна только и подвергнется сильному риску, не говоря уже об опасности вторжения Франции. На это Чемберлен дал знать, что должен быть заключен прочный союз, причем Англия, конечно, возьмет на себя обязательство оказать помощь Германии.

Вслед за тем я указал и на то, что прочность союза будет гарантирована лишь тогда, когда английский парламент даст на него свое согласие. Ибо министерство по воле народа, выраженной в парламенте, может пасть, после чего подпись министерства аннулируется и союз теряет свою силу. Первоначально мы можем рассматривать предложение Чемберлена лишь как его личную идею.

Ответ Чемберлена гласил, что он добьется вотума со стороны парламента; он сумеет склонить унионистов на сторону этого союза, пусть только его подпишут в Берлине. Однако союз не был осуществлен, так как нельзя было склонить парламент на сторону этой идеи. Таким образом, этот «план» был построен на песке. Вскоре после этого Англия заключила союз с Японией. Началась русско-японская война, в которой Япония играла в угоду английским интересам роль ландскнехта, раньше предназначавшуюся Германии. Это совпадало и с ее собственными планами. После войны Россия была отброшена с востока на запад, где она

вместо Китая могла снова с пользой заниматься Балканами, Константинополем и Индией, вынужденная оставить Японии свободу действий в Корее и Китае.

На 1905 год падает предпринятая мною, почти помимо моей воли, поездка в Танжер. История ее такова. В начале марта я, как и в предыдущем году, намеревался предпринять для отдыха путешествие по Средиземному морю, используя для этого один из возвращавшихся в Неаполь из Кукугафена пароходов. Директор Гамбургско-Американской линии Баллин назначил для этой цели пароход «Гамбург». На его предложение взять с собой также гостей, так как пароход был совершенно пуст, я пригласил с собой целый ряд лиц, между ними тайного советника Альтгофа, адмирала Мензинга, графа Пюклера, посла фон Барнбюлера, профессора Шимана, адмирала Голльмана и др.

Когда стал известен план поездки, Бюлов сообщил мне, что в Лиссабоне очень хотят, чтобы я там остановился и нанес визит двору. Я согласился. Перед самым отъездом Бюлов потребовал, чтобы я остановился и в Танжере, поддерживая своим посещением марокканской гавани марокканского султана в борьбе против французов. Я отклонил это предложение, считая, что марокканский вопрос содержит слишком много горючего материала, и опасаясь, как бы мой визит вместо пользы не принес лишь вред. Но Бюлов все время возвращался к этому вопросу, не сумев, однако, убедить меня в необходимости и целесообразности визита в Танжер.

В пути я много беседовал с бароном фон Шеном, сопровождавшим меня в качестве представителя Министерства иностранных дел, об оппортунистическом характере этого визита. Мы оба были согласны в том, что лучше оставить мысль о танжерском свидании. Из Лиссабона я телеграфно сообщил канцлеру об этом решении. Бюлов ответил настойчивым требованием, чтобы я считался с мнением немецкого народа и германского рейхстага, которые желают этого шага; ехать в Танжер, по его словам, было необходимо. Я подчинился с тяжелым сердцем, боясь, что этот визит в связи с тогдашним положением вещей в Париже будет сочтен провокацией, а в Лондоне вызовет желание поддержать Францию в случае войны. Подозревая, что Делькассе (министр иностранных дел Франции) хочет создать из Марокко повод к войне, я боялся, что он может использовать для этих целей мое посещение Танжера. Свидание произошло с большими трудностями на Танжерском рейде не без дружеского участия итальянских и южнофранцузских анархистов, мошенников и искателей приключений. На маленькой площади стояла громко кричавшая толпа испанцев со знаменами; это были, по объяснению сопровождавшего меня полицейского чиновника, собравшиеся испанские анархисты.

Первые результаты свидания в Танжере я увидел, когда прибыл в Гибралтар, где встретил со стороны англичан чисто официальный и ледяной прием, в полную противоположность сердечному приему в прошлом году. Что я предвидел,

то и подтвердилось на деле. В Париже царили раздражение и гнев. Делькассе пытался подстрекать к войне; он не мог достигнуть своего лишь потому, что как морской, так и военный министры заявили, что Франция еще не готова. Справедливость моих опасений позже подтвердилась также беседой Делькассе с редактором «Gaulois», в которой министр сообщил изумленному миру, что в случае войны Англия станет на сторону Франции. Таким образом, из-за навязанного мне свидания в Танжере я уже тогда почти попал в такое положение, когда меня могли обвинить в разжигании пожара мировой войны. Думать и поступать по конституции часто является тяжелой задачей для государя, на которого в конце концов всегда взваливается ответственность.

В октябре 1905 года парижская газета «Matin» сообщила о заявлении, сделанном Делькассе в совете министров, что Англия предложила на случай войны высадить в Голштинии сто тысяч человек и занять канал императора Вильгельма. Это английское предложение затем было еще раз повторено, причем Англия соглашалась изложить его в письменной форме. Известный депутат Жорес, убитый в начале войны 1914 года во имя политики Извольского, еще раньше знал содержание опубликованных в «Matin» сообщений Делькассе.

Падение Делькассе и замену его Рувьё надо приписать отчасти влиянию князя Моначского. Князь во время Кильской недели после беседы со мной, рейхсканцлером и членами

правительства убедился в искренности нашего желания достичь соглашения с Францией, чтобы сделать возможным мирное сожителство обеих стран. Он был в хороших отношениях с германским послом князем Радолином и энергично добивался сближения обеих стран. Сам князь Монакский придерживался того мнения, что Делькассе опасен для сохранения мира. Надо надеяться, что Делькассе скоро падет, говорил князь Монакский, и будет заменен Рувье, политиком более осторожным и, несомненно, склонным к соглашению с Германией.

Князь Монакский, лично стоявший близко к Рувье, охотно предлагал германскому послу свои услуги в качестве посредника.

Делькассе пал, и Рувье стал министром. Я приказал тотчас же начать действовать, рассчитывая на поддержку князя Монакского. Канцлер получил приказание подготовить сближение с Францией. Я обратил особое внимание князя Радолина, лично получившего в Берлине свои инструкции, на то, что необходимо хорошо использовать звезду Рувье для устранения всех возможных последствий конфликта между обеими странами, причем я указал ему, что для сношений с Рувье ему пригодится информация князя Монакского, которого он хорошо знает. Князь Радолин с радостью, энергично принялся за благодарную задачу. Вначале переговоры шли хорошо, и я уже питал надежду, что важная цель будет достигнута и что с помощью соглашения удастся сгладить пло-

хое впечатление, произведенное свиданием в Танжере. Между тем переговоры о Марокко продолжались и после бесконечных трудностей окончились созывом Алжирской конференции на основе выработанной князем Бюловом декларации, подчеркивающей, что пункт 17 Мадридской конвенции о наибольшем благоприятствовании должен остаться основным пунктом соглашения и на Алжирской конференции, причем реформы в Марокко, которых домогается одна лишь Франция, поскольку они действительно необходимы, допустимы только с согласия держав участниц Мадридской конференции. Эти события, привлекавшие к себе общее внимание, отодвинули на задний план переговоры с Рувье.

В отношении внутренней политики я и канцлер сошлись на том, что главная задача это снова привести в порядок сильно расклеившиеся при Гогенлоэ партийные дела в рейхстаге и в первую очередь снова собрать вокруг правительства консерваторов, которые стали к нему в оппозицию из-за влияния сторонников Бисмарка. Канцлер проводил эту задачу с большим терпением и упорством. В конце концов он добился создания знаменитого блока, появившегося вследствие крупного поражения социалистов на выборах.

В консервативной партии было много членов, имевших прямые сношения с двором, а также и со мной лично. Этой партии, таким образом, было легче, чем всякой другой, узнавать о моих планах в политической и в других областях и обсуждать со мной мои предложения раньше, чем они станови-

лись законопроектами. У меня, однако, не вышло впечатления, что это делалось в той мере, в какой было возможно. При непринужденном предварительном обсуждении я, вероятно, пришел бы к соглашению с консерваторами и в вопросе о Среднем канале, проведению которого они, как известно, противились, и в менее важных вопросах о постройке собора и Берлинской оперы в вопросах, близких моему сердцу из-за моей приверженности к церкви и искусству.

Если я скажу, что ладить с консерваторами было вовсе не так легко, то в этом не будет ничего нового. Они, имея большой опыт традиционной службы государству и самостоятельные взгляды, пришли таким образом к стойким государственно-политическим убеждениям, которых и держались постоянно и действительно консервативно. Они преимущественно из своих рядов выдвигали великих государственных деятелей, выдающихся министров, блестящий офицерский корпус, образцовое чиновничество. Их некоторая самонадеянность не была, следовательно, необоснованной. К этому надо прибавить, что и их преданность королю была непоколебимой. Король и отечество должны были быть им благодарны. Но их слабость состояла в том, что иногда они были *слишком* консервативны, т. е. слишком поздно шли навстречу требованиям времени и вначале боролись против всяких прогрессивных шагов, хотя бы они и были направлены на их пользу. Это можно объяснить их прошлым. Но именно это обстоятельство и мешало полному взаимному

внутреннему пониманию между консерваторами и мной во время моего царствования, совпавшего со стремительным развитием империи, в особенности же ее промышленности и торговли. Я хотел и обязан был не только не ставить преград развитию страны, но и всячески содействовать ему.

Хотя ладить с консерваторами по указанной мной причине не всегда было легко, но я очень хорошо знаю, что то же самое говорят и про меня. Причина взаимных недоразумений, быть может, кроется в том, что я хотя и был близок по своим традициям к консерваторам, но по партийно-политическим взглядам консерватором не был. Я стоял и теперь стою за прогрессивный консерватизм, который консервирует жизнеспособное, отменяет устаревшее и приемлет полезное новое. В общем там, где имело место предварительное обсуждение того или иного вопроса, я переносил даже неприятную и горькую правду, если только она преподносилась в тактичной форме, и считался с ней больше, чем об этом иногда думают.

Поэтому если обо мне и о консерваторах говорят, что и я, и они были несговорчивы, то это имеет одни и те же корни. В отношении меня со стороны консерваторов было бы только правильнее чаще использовать путь предварительных объяснений с глазу на глаз. Я к этому всегда был готов. И если мы не могли договориться в вопросе о канале, то как раз консерваторы должны были лучше всего понять и оценить то, что я не разделял мысль, заложенную в прекрасном

изречении: «Наш король самодержавен, если он творит нашу волю». Если бы я признал этот очень удобный для меня принцип, то именно консерваторы при своем представлении о сильной, действительно управляющей королевской власти логически должны были бы бороться против меня. В сущности, консерваторы должны были бы одобрить то, что их достойному уважения принципу гражданской гордости перед королевским тронном я противопоставил мой принцип королевской гордости перед консервативным партийным тронном, как я это делал и по отношению ко всем другим партиям. Случайные расхождения с консервативной партией и отдельными консерваторами не могут заставить меня забыть услуги, оказанные как раз людьми из этих рядов дому Гогенцоллернов, Прусскому государству и Германской империи.

Но Бюлову все же удался в конце концов трудный фокус объединения консерваторов с либералами для обеспечения значительного большинства за партиями, поддерживающими правительство. При этом в самом блестящем свете выявились большие способности канцлера, его ловкость, политическое искусство и проницательное знание людей. Крупные заслуги его в связи с достигнутым им успехом завоевали ему полное признание и благодарность и с моей стороны, и со стороны отечества.

Безграничное ликование берлинцев по поводу поражения социал-демократов на выборах вылилось в незабываемую для меня ночную демонстрацию перед дворцом, во время ко-

торой мой автомобиль, окруженный многотысячной толпой торжествующих людей, должен был медленно прокладывать себе путь. Лустгартен наполнился огромной массой народа, подчиняясь бурным требованиям которого императрица и я должны были выйти на балкон.

Канцлер присутствовал при моем свидании с королем Эдуардом VII в Киле (1904 год). Среди многочисленных гостей находился также бывший обергофмейстер моей матери граф Зекендорф. Благодаря его частым посещениям Англии графа связывало долголетнее знакомство с Эдуардом VII, который удостоил его большим доверием. Граф Зекендорф, по поручению Бюлова, с которым он дружил, устроил встречу английского короля с канцлером. Их беседа произошла на борту английской королевской яхты после завтрака, на который были приглашены я и канцлер. Король и канцлер долго сидели вдвоем за сигарой. Впоследствии Бюлов рассказал мне содержание этой беседы. При обсуждении вопроса о заключении союза между Германией и Англией король заявил, что в этом нет никакой необходимости, ибо не существует никаких оснований для вражды и раздоров между нашими странами. Отклонение предложения от союза было очевидным доказательством незыблемости английской политики окружения, скоро обнаружившейся особенно ясно и неприятно на Алжирской конференции. Дружественный Франции и неприязненный по отношению к Германии образ действия Англии, открыто проявившийся на конферен-

ции, был следствием особого приказа короля Эдуарда VII, делегировавшего в Алжир в качестве своего контролирующего представителя лично проинструктированного им сэра Макензи Уоллеса.

Из намеков, сделанных сэром Уоллесом своим знакомым, было ясно, что желание короля оказывать резкое противодействие Германии и при всяком удобном случае поддерживать Францию. Когда внимание сэра Уоллеса было обращено на то, что в сущности можно прийти к сближению с Германией, договорившись с ней предварительно по тем или иным вопросам, он отвечал, что на первом плане должно стоять англо-русское соглашение. Когда последнее будет достигнуто, можно будет «поладить» и с Германией. Английское «поладить» означало окружение Германии.

Отношения между мной и канцлером в течение всего этого времени были дружеские и полные доверия. Канцлер несколько раз приезжал также и на «Кильскую неделю». Здесь ему, между прочим, представился случай переговорить с князем Монакским и многими находившимися на яхте последнего влиятельными французами, самым выдающимся из которых был, несомненно, месть Жюль Рош, лучший знаток всех европейских бюджетов и большой поклонник Гёте, всегда носивший при себе в кармане «Фауста».

В апреле 1906 года произошел печальный случай с переутомленным канцлером, упавшим в рейхстаге в обморок. Получив известие об этом, я тотчас же поспешил туда и был

рад, что статский советник Ренверс мог дать мне успокаивающие сведения о состоянии здоровья Бюлова. Летом, во время отдыха в Нордернее, я поехал туда на миноносце князя из Гельголанда, где производил инспектирование, и сделал сюрприз канцлеру и его супруге, неожиданно посетив их виллу. Я провел день в легком разговоре с канцлером, уже поправившимся, загоревшим от морского воздуха и солнца.

Поздней осенью 1907 года императрица и я поехали, по приглашению короля Эдуарда VII, на свидание с ним в Виндзор. Наша встреча прошла очень хорошо, причем со стороны английской королевской семьи нам был оказан весьма любезный прием. После виндзорского свидания я поехал на отдых в принадлежавший генералу Стюарту-Уортлею замок Гайлайф, расположенный на южном берегу Англии против Надльса.

Перед моим отъездом в Англию Бюлов, очень довольный английским приглашением, имел продолжительные беседы со мной о тех средствах, какие помогут стать на более дружескую ногу с Англией, и напутствовал меня пожеланиями и предложениями, которых я должен был придерживаться в качестве основной линии своего поведения в беседах с англичанами. Во время моего пребывания в Англии я неоднократно имел случай говорить на намеченные канцлером темы и довести до сведения Эдуарда высказанные мне при отъезде пожелания Бюлова. Шифрованные телеграммы с сообщением об этих беседах я регулярно отправлял в Берлин. В

ответ канцлер несколько раз прислал мне телеграммы с выражением своего одобрения. Я показывал их вечером после ужина бывшим со мной доверенным лицам. Например, их читали обергофмаршал граф Эйленбург и князь Макс Эгон Фюрстенберг, довольные вместе со мной одобрением Бюлова. По возвращении из Англии я сделал канцлеру общий доклад, после чего он выразил мне благодарность за то, что я так много лично потрудился и поработал для улучшения взаимоотношений между обеими странами.

Через год последовал инцидент с так называемым интервью, опубликованным в «Daily telegraph», целью которого было улучшение англо-германских отношений. Через представителя Министерства иностранных дел господина фон Иениша я передал предложенный мне черновик на рассмотрение канцлера. В примечаниях я указал на некоторые места, которые, по моему мнению, не годились и их следовало вычеркнуть. Однако из-за целого ряда недосмотров со стороны Министерства иностранных дел этого при прохождении по инстанциям не было сделано. В прессе разразилась буря. Канцлер выступил в рейхстаге. Однако он защищал кайзера от нападок не так энергично, как я ожидал, и заявил, что в будущем он будет препятствовать проявлению обнаружившейся в последние годы склонности кайзера к личной политике. Консервативная партия опубликовала в прессе открытое письмо королю, содержание которого известно. Во время этих событий я находился сначала в Эккартсау у ав-

стрийского наследника Франца Фердинанда, а затем в Вене у императора Франца Иосифа. Оба они порицали поведение канцлера. Из Вены я поехал в Доннауэшинген, чтобы нанести визит князю Фюрстенбергу. Пресса нашла возможным обратиться к нему с требованием, чтобы он как честный и прямой человек еще раз сказал кайзеру правду. Когда мы вместе обсудили весь инцидент, князь посоветовал мне восстановить в Министерстве иностранных дел текст телеграмм, которыми я в 1907 году, во время моего пребывания в Гайлайфе, обменялся с канцлером и представить их рейхстагу.

От всего этого я морально тяжело страдал. К этому присоединилось еще и то, что как раз в это время внезапная смерть похитила у меня близкого друга детства, военного министра графа Гюльзена-Гезелера. Преданная, самоотверженная дружба и забота со стороны князя Фюрстенберга и его близких были для меня благодетельными в эти тяжелые дни. Письма из Берлина от тех, кто становился на мою сторону, резко осуждая канцлера, также служили мне утешением.

По моему возвращении ко мне явился канцлер и, прочитав лекцию о моих политических прегрешениях, потребовал подписания мной официального заявления, которое затем и было передано прессе. Я подписал это заявление так же молча, как молча терпел нападки прессы на меня и на корону. Канцлер своим поведением нанес тяжелый удар прочному доверию и искренней дружбе, связывавшим нас до сих пор.

Сам князь Бюлов был, несомненно, того мнения, что своим поведением в этом инциденте как в рейхстаге, так и по отношению ко мне лично он лучше всего служит мне и делу, особенно если принять во внимание, что волны общественного негодования вздымались тогда очень высоко. Но я не мог одобрить его поведения, тем более что его выступление против меня в инциденте с интервью в «Daily telegraph» резко противоречило предупредительности и уважению, которые Бюлов обычно мне выказывал. Я так привык к проявлению любезности со стороны князя, что мне было непонятно его обращение со мной в этом случае. Во всяком случае прекрасные и дружеские до тех пор отношения между кайзером и канцлером были омрачены. Я прекратил личное общение с Бюловым, ограничиваясь только деловыми и официальными встречами. Посоветовавшись с министром двора, я решил привести в исполнение предложение князя Фюрстенберга о восстановлении текста телеграмм из Гайлайфа, поручив это сделать Министерству иностранных дел. Но план этот потерпел крушение, так как нельзя было найти соответствующих материалов.

В конце зимы канцлер попросил у меня аудиенцию. Я ходил с ним взад и вперед по картинной галерее дворца между портретами моих предков и картинами битв Семилетней войны и был изумлен, когда канцлер вернулся к событиям осени 1908 года, объясняя свое тогдашнее поведение. Я воспользовался случаем, чтобы поговорить с ним обо всем

происшедшем. Откровенная беседа и удовлетворившие меня объяснения князя устранили натянутость между нами. В результате Бюлов остался на своей должности. Канцлер попросил меня прибыть в тот же день вечером к нему на обед, как я это часто делал раньше, чтобы ясно доказать обществу, что все между нами опять обстоит благополучно. Я выполнил его желание. Этот знаменательный день закончился вечером, на котором, видимо, обрадованная княгиня держала себя с пленительной любезностью, а князь по обыкновению вел оживленную умную беседу. Позже какой-то остряк в одной газете сочинил об этой аудиенции стишок по знаменитому образцу «Die Traene quillt, Germania hat mich wieder»⁴. Этим примирением я хотел также доказать, что привык ставить интересы дела выше личной обиды. Несмотря на огорчившее меня поведение князя Бюлова в рейхстаге, я, разумеется, никогда не забывал его выдающихся достоинств как государственного деятеля и его крупных заслуг перед отечеством. Благодаря своей ловкости он смог, несмотря на многие кризисы, отвести угрозу мировой войны, и притом в такое время, когда я вместе с Тирпицем строил наш оборонительный флот. Это было большое достижение.

За аудиенцией последовал еще серьезный диалог с консерваторами. Министерство внутренних дел сообщило центральному комитету партии об аудиенции и ее результатах с просьбой, чтобы и партия взяла теперь обратно свое «откры-

⁴ «Слезы льются, Германия снова имеет меня».

тое письмо». Эта просьба, выдвинутая исключительно в интересах престижа короны, а не моей личности, была отклонена партией. Только во время войны (в 1916 году) благодаря посредничеству представителя консервативной партии при главной квартире между нами завязались прежние связи. Если консерваторы недостаточно вступились за корону, то, конечно, левые либералы, демократы и социалисты тем более отличились в поднятой ими буре негодования, проводя настоящие оргии в своей партийной прессе, громко взывавшей к ограничению автократических, самодержавных воцелений и т. д. Это продолжалось в течение всей зимы, не встречая никакого противодействия и никаких опровержений со стороны высших правительственных кругов. Только после аудиенции, данной канцлеру, все смолкли.

Позднее все больше стало обнаруживаться охлаждение между канцлером и партиями. Консерваторы отгораживались от либералов, блок получил трещину, и в конце концов он вместе с канцлером был погублен центром и социалистами, как это мне позднее неоднократно (в последний раз еще в Спа) рассказывал граф Гертлинг. Последний гордился тем, что принимал энергичное участие в падении Бюлова. Когда дела стали хромать, канцлер сделал соответствующее заключение и посоветовал мне избрать пятым канцлером господина фон Бетмана. После долгих совещаний я решил последовать совету Бюлова, приняв его отставку и назначив канцлером рекомендованного им преемника.

V. Бетман

Господин фон Бетман-Гольвег был мне хорошо знаком еще со времен моей молодости. Когда я в 1877 году заканчивал первый период моей действительной военной службы в чине лейтенанта 1-го гвардейского полка, часть последнего была расквартирована в Гогенфинове у старого господина фон Бетмана, отца будущего канцлера. Я чувствовал себя вовлеченным в симпатичный семейный круг, во главе которого стояла достойная и обаятельно умная жена фон Бетмана, урожденная швейцарка. Впоследствии я, еще будучи принцем, а позднее и кайзером, часто приезжал в Гогенфинов, навещая старика Бетмана. Каждый раз при этом встречал меня молодой Бетман. Мы оба тогда не подозревали, что он когда-то станет моим Рейхсканцлером.

В этой обстановке все больше развивалось то живое общение между нами, благодаря которому постоянно возрастало мое уважение к работоспособности, дарованиям и симпатичному мне благородному характеру Бетмана. Мое уважение сопровождало его в продолжение всей его карьеры.

Как обер-президент Бранденбурга и имперский статс-секретарь по внутренним делам Бетман выказал себя с хорошей стороны и уже в качестве статс-секретаря с успехом выступал в рейхстаге.

Мне было легко работать с канцлером. Я и при Бетмане

продолжал придерживаться привычки посещать канцлера по возможности ежедневно, подробно обсуждая с ним во время прогулки по саду канцлерского дворца вопросы политики, события дня и разного рода проекты и выслушивая его доклады.

Я охотно бывал и в доме канцлера, так как спутница его жизни, образец настоящей немецкой женщины, обладала скромным благородством, которое вызывало к ней уважение каждого посетителя; ее обаятельная сердечная доброта распространяла вокруг себя атмосферу редкой теплоты. Небольшие вечера, введенные в обычай Бюловом и особенно ценившиеся мной, устраивались и Бетманом, что по-прежнему давало мне возможность входить в непринужденное общение с людьми всех кругов общества и разных званий.

Во время поездок, предпринимаемых канцлером с целью представительства, он своим выдержанным спокойствием и превосходной манерой выражаться снискал себе всюду общие симпатии. За границей политики, настроенные к нам не враждебно, считали его фактором политической устойчивости и мира, который он совершенно в моем духе энергично стремился сохранить и упрочить.

Что касается внешней политики, то канцлера с самого начала беспокоило положение, занятое Англией по отношению к Германии, в том числе и все более проявлявшаяся, начиная с Ревеля, политика «окружения» короля Эдуарда VII.

Последняя причиняла ему такие же заботы, как и возраставшая жажда реванша во враждебной нам Франции и ненадежность России. В период его канцлерства стало ясно, что и на Италию в военном отношении рассчитывать нельзя; кампания французского посла в Риме Баррера хронически порождала там возможность всякого рода сюрпризов.

При вступлении в должность фон Бетман нашел ситуацию с Францией отчасти прояснившейся, так как 9 февраля 1909 года было подписано германско-французское соглашение насчет Марокко. Им князь Бюлов подтвердил отступление германской политики в отношении Марокко, признав там политическую гегемонию Франции. Точка зрения, руководившая нашей политикой при поездке в Танжер и на Алжирской конференции, была, таким образом, окончательно оставлена. Глубокое удовлетворение французского правительства в связи с этим успехом выразилось в малорадостном для нас пожаловании князю Радолину и господину фон Шену ордена Почетного легиона.

В тот же день король Эдуард VII с королевой Александрой нанесли свой первый официальный визит германской императорской чете в Берлине. Наконец-то, через 8 лет после своего восшествия на престол, король Эдуард собрался с визитом. Берлин встретил высокого гостя ликованием (!) и ничем не выказал своего недовольства недружелюбной Германией политикой английского короля. Здоровье короля не производило благоприятного впечатления. Он постарел, был

утомлен и, сверх того, страдал от сильного катара. Несмотря на это, он принял приглашение берлинского городского самоуправления на чашку чая в ратуше. По его рассказам, подтвержденным и берлинцами, встреча английского короля с берлинскими городскими деятелями была во всех отношениях удачна. Я сообщил Эдуарду, моему дяде, о подписании германско-французского соглашения относительно Марокко. Он принял это известие с видимой радостью. Когда я прибавил: «Я надеюсь, что это соглашение будет шагом вперед в улучшении взаимоотношений обеих стран», король, одобрительно кивнув головой, сказал: «О, если бы это было так». Если бы король в таком же духе и действовал, мои надежды, вероятно, не потерпели бы крушение. Все же в тот момент визит английской королевской четы породил более дружескую атмосферу.

Во время своего канцлерства господину фон Бетману пришлось в связи с известными событиями 1909–1914 годов усиленно заниматься вопросами внешней политики.

Об этом периоде уже опубликован богатый материал с разносторонними подходами, например в книге статс-секретаря фон Ягова «Причины мировой войны». В «Бельгийских документах» объективно обрисовано поведение германского правительства в решении различных запутанных вопросов международной политики. Здесь следующим образом определяются основные линии моего поведения: с одной стороны, осторожная сдержанность, а с другой поддержка авст-

ро-венгерского союзника во всех случаях, где дело шло об очевидной угрозе его великодержавному положению, с одновременными, однако, советами Австро-Венгрии проявлять возможную умеренность. Это была работа «честного маклера» и посредническая деятельность повсюду, где возникала опасность миру, и, наконец, твердая защита своих собственных интересов. Но в связи со стремлениями «окружения» Германии со стороны ее противников одновременно шло направленное к определенной цели усиление армии и флота, как средств обороны, что при центральном положении Германии с ее открытыми незащищенными границами было повелительным долгом самосохранения. Этот исторический период хорошо обрисован и в книге Штегеманна. Не менее интересно изображают канун войны Фридьюнг, Гельферих и др.

Смерть инициатора политики «окружения» Эдуарда VII, про которого в докладе бельгийского посла из Берлина было однажды сказано, «что европейский мир подвергается наибольшей опасности как раз тогда, когда король английский старается его обеспечить», вызвала меня в Лондон, где я разделил с родственным мне королевским домом печаль, в которую кончина короля повергла английскую династию и нацию. Вся королевская семья в знак своей благодарности за проявленные мною родственные чувства встретила меня на вокзале. Король Георг поехал со мной в Вестминстер-Холл, где на высоком катафалке покоился великолепно украшен-

ный гроб, охраняемый военным караулом из гвардейских и линейных войск, отрядами из Индии и колоний. Все они стояли в характерной траурной позе, с опущенными головами, скрестив руки на ружейных прикладах и рукоятках шпаг, с обращенным вниз оружием. Старинный зал под могучим готическим деревянным сводом, скупо освещенный лишь несколькими солнечными лучами, падавшими из узких окон, мощно высился над катафалком. Один луч блеснул на украшенном английской короной пышном гробе короля, вызывая причудливую игру красок на драгоценных камнях. Мимо катафалка безмолвно проходили бесконечные толпы мужчин, женщин и детей всех сословий и званий, многие со сложенными руками, чтобы отдать последний долг пользовавшемуся популярностью государю. Это была глубоко захватывающая картина в причудливой средневековой раме.

Вместе с королем Георгом я подошел к катафалку, возложил венок и произнес тихо молитву, причем моя правая рука и рука короля-кузена сами собой нашли друг друга и сомкнулись в крепком пожатии. Это произвело глубокое впечатление на присутствовавших. Вечером один из моих родственников сказал мне по этому поводу: «О рукопожатии, которым вы обменялись с нашим королем, говорят во всем Лондоне. Оно произвело глубокое впечатление на народ, рассматривающий его как хорошее предзнаменование для будущего». «Это самое искреннее мое желание», был мой ответ.

Сопровождая верхом гроб моего дяди, я был свидетелем величественной, захватывающей траурной демонстрации. В огромных толпах народа, насчитывавших несколько миллионов человек, на улицах, балконах и крышах видны были люди исключительно в черном и мужчины с обнаженными головами. Причем всюду царили образцовый порядок и безмолвная тишина.

На этом торжественно-мрачном фоне еще более красочно выделялись шпалеры британских войск. Великолепный вид имели батальоны английской гвардии в своих прекрасно сшитых красных мундирах, белом кожаном снаряжении и черных медвежьих шапках. Это было впечатляющее зрелище поразительной военной выправки, настоящая радость для каждого подлинно солдатского сердца. Шпалеры войск тоже стояли в описанной уже мною траурной позе. Во время моего пребывания в Лондоне я, по особому желанию короля Георга, жил в Букингемском дворце. Вдова усопшего короля королева Александра приняла меня с трогательной добротой и много говорила со мной о прошлых временах. Мои воспоминания о Лондоне начинались с детских лет, так как еще мальчиком я присутствовал на свадьбе моего усопшего дяди.

Для многочисленных сиятельных гостей и их свиты, как и для представителей иностранных держав, король дал банкет, на котором среди прочих присутствовал и г-н Пишон. Он был мне представлен, и в разговоре с ним я мог передать ему

пожелания канцлера, касавшиеся наших интересов в Марокко и некоторых других политических вопросов. Г-н Пишон с готовностью обещал выполнить эти пожелания. Все остальное, что позже связывалось с этим разговором, принадлежит к области фантазии.

Хотя 1909-1914 годы требовали необычайного внимания к внешней политике, все же одновременно уделялось сильное внимание и внутреннему строительству с учетом требований быстро расцветавших торговли, промышленности, сельского хозяйства и путей сообщения. К сожалению, работы в этом направлении сильно затруднялись жестокими партийными раздорами.

Канцлер стремился провести все, что можно было осуществить. Но его склонность к чрезмерно детальному анализу всех проблем и его желание проводить лишь то, что он при своей педантичной рассудительности считал окончательно созревшим, стали с течением времени сильно тормозить внутреннее строительство. Было трудно заставить его принять какое-нибудь решение, пока он не был убежден в его абсолютной непререкаемости. Это затрудняло сотрудничество с ним и у тех, кто знал его недостаточно, создавало впечатление нерешительности, в то время как это в сущности была лишь чрезмерная добросовестность.

К тому же у канцлера со временем стало проявляться сильное и все возрастающее стремление выпячивать свое превосходство, часто приводившее в спорах до упрямой, по-

чти менторской неуступчивости и поучений инакомыслящих. Это создало ему много врагов и часто портило мне жизнь. Когда я при случае сказал об этой черте Бетмана одному из знакомых канцлера, знавшего его с детства, он заметил, смеясь, что эта черта его характера проявлялась еще в школе. И тогда уже фон Бетман беспрестанно менторствовал и поучал своих товарищей по классу, к которым принадлежал и мой собеседник. Поэтому ему даже дали прозвище «гувернантка». «Это качество, сказал мой собеседник, несчастье для Бетмана, ибо большинство людей не хочет больше иметь гувернанток. Но оно вошло ему в плоть и кровь, и от этой своей черты он уже не откажется». Характерным в этом смысле является отношение Бетмана к г-ну фон Кидерлену, которого Бетман, несмотря на мое настойчивое нежелание, непременно хотел иметь своим статс-секретарем. Фон Кидерлен был дельным работником, но с сильным характером и поэтому всегда стремился отстаивать свою самостоятельность. После того как Кидерлен занимал свою должность уже около года, ко мне пришел однажды Бетман, стал жаловаться на своенравие и неподчинение Кидерлена и попросил, чтобы я его усовестил. Я отклонил эту просьбу, указав на то, что канцлер выбрал Кидерлена против моей воли и должен сам уметь справляться с ним. «Поддержание дисциплины в ведомстве иностранных дел, сказал я, обязанность самого канцлера, а у меня нет никакого желания вмешиваться в это дело».

Непригодность Бетмана как канцлера стала между тем очевидной. По существу своего характера он был пацифистом, и им владела мысль прийти любой ценой к соглашению с Англией. Я прекрасно понимаю, когда так поступает пацифистски настроенный человек в надежде избежать войны. Цели Бетмана вполне отвечали моей политике. Но те методы, какими Бетман пытался достичь их, я считал непригодными. Все же я поддерживал все его усилия в этом направлении, на самом деле не веря в их действительный успех. В течение его канцлерства все больше стало выясняться, что он был очень далек от реальных задач политики. А между тем он всегда вел себя так, словно знает все лучше других. И меня он постоянно поучал.

Из-за такого слишком высокого самомнения он был непоколебим в своих суждениях, уверенный в их правильности даже в тех случаях, когда на самом деле результаты были иными, чем он ожидал.

Его доклады всегда подкупали тем, что были прекрасно подготовлены, блестящи по форме и поэтому производили хорошее впечатление. А между тем именно в этом крылась известная опасность. Из его докладов следовало, что всегда существовал один способ разрешения того или иного вопроса, и он его предлагал. Кажущаяся положительность и обоснованность его докладов и проектов, всестороннее освещение затрагиваемых вопросов, ссылки на авторитеты, на иностранных и немецких политиков, дипломатов и т. п.

все это вызывало впечатление, будто бетмановское решение вопроса является единственным достойным внимания. Но, несмотря на такую основательную проработку всех вопросов, он делал одну ошибку за другой. И именно поэтому он был наряду с другими виновником постигшего нас несчастья.

После моего прибытия в 1914 году из поездки на север Бетман, не отказываясь от портфеля, все же признался, что все его политические расчеты потерпели неудачу. При всем том я и после его речи в рейхстаге и объявления войны Англией 4 августа 1914 года оставил Бетмана на его посту, ибо считал чрезвычайно опасной смену высших государственных лиц в самый критический момент германской истории. Это могло помешать тому сплоченному народному единению, в котором мы нуждались в связи с вызовом Антанты. К тому же, как сам канцлер, так и министр внутренних дел утверждали, что за Бетманом стоят рабочие. А я не хотел отнимать у рабочих, ведших себя в 1914 году безупречно, государственного деятеля, к которому они, как мне было сказано, питали доверие.

Постоянные утверждения министра внутренних дел и представителя иностранного ведомства о том, что лишь Бетман пользуется поддержкой рабочих, подкрепились еще и донесением, что канцлер снискал себе и доверие за границы, также необходимое для заключения мира. Поэтому Бетман оставался в своей должности, пока кронпринц, наконец,

не установил у партийных вождей, что все эти утверждения об общем доверии к Бетману ошибочны. Это стало для меня особенно ясно тогда, когда по уходе Бетмана, в котором сыграли роль еще и другие причины, я именно в демократической и социал-демократической прессе прочитал самые неодобрительные отзывы о нем.

Приведенными откровенными замечаниями я не хочу обвинять Бетмана и оправдывать других. Но, когда говорят о таких вопросах политики, личные соображения должны отойти на задний план. Все же в благородных намерениях Бетмана я никогда не сомневался.

Здесь надо также сказать несколько слов и о реформе прусского избирательного права, так как поведение Бетмана в этом вопросе характерно для его осторожной и медлительной политики. В течение зимы 1914 1915 годов после блестящего летнего похода наступила суровая и тяжелая окопная война. Героические подвиги войск и прекрасный дух, который я наблюдал в этот период и у офицеров, и у солдат, на позициях и в лазаретах, произвели на меня глубокое впечатление. Поэтому я решил со своей стороны приготовить моему испытанному прекрасному «вооруженному народу» при его возвращении домой приятный подарок в виде реформы избирательного права.

Я часто обсуждал эту тему в разговорах с приближенными, указывая на необходимость реформы прусского избирательного права. Человек, который возвратится домой после

такой войны с орденом Железного креста, иногда даже и обеих степеней, не должен быть обойден при выборах.

В это же время подоспела переданная мне фон Лебелем записка, возбуждавшая по тем же соображениям вопрос о реформе прусского избирательного права. Краткое, ясное и убедительное изложение так мне понравилось, что я давал читать разным лицам эту записку, выдвигавшую главным образом лишь общие принципы, не останавливаясь на деталях. Я был рад, что у всех, кого я только ни спрашивал, записка находила полное признание.

Через министра внутренних дел фон Валентини я передал мою благодарность господину фон Лебелю и поручил ему представить новую, более детально разработанную записку с практическими предложениями.

Он выполнил это весной 1916 года. Записка широко детализировала вопрос, разбирала различные избирательные системы, однако определенно не предлагала ни одной из них. Записка была одобрена мной и отослана рейхсканцлеру с приказом в течение года обсудить ее в кабинете министров и представить мне соответствующий законопроект. Закон этот, понятно, можно было ввести лишь после заключения мира.

Тотчас же после этого я направился в Плесе. Битва при Горлице-Тарнове, окончившаяся победоносным разгромом врага, явилась вступлением к захватившему всецело мое внимание галицийско-польскому походу, который привел к

завоеванию вновь Львова, Перемышля, оккупации Варшавы, Модлина, Брест-Литовска и т. д.

В это же время бросил свою зловещую тень на события и случай с «Лузитанией». Италия разорвала союз. Не удивительно, что записка об избирательном праве отошла у меня на задний план.

Зима и лето 1916 года с их боями на всех фронтах, кровавым летним сражением и блестящей осенней и зимней румынской кампанией требовали моего присутствия во всех пунктах западного и восточного фронтов до Орсовы и Ниша, где произошло первое знаменательное свидание с болгарским царем, и я, понятно, не мог заняться внутренней реформой так детально, как это диктовалось важностью вопроса.

Весной 1917 года я обратился к канцлеру с предложением составить к Пасхе проект обращения к народу относительно реформы, имея, конечно, в виду, что кабинет министров уже давно обсудил записку фон Лебеля. Канцлер сговорился в Гамбурге с главой министерства и со мной насчет текста указа, в котором он предложил оставить открытым вопрос о формах избирательного права, так как вопрос этот им еще не совсем выяснен.

На Пасху и появился указ, в основу которого, как и предвиделось раньше, была положена мысль, что реформа должна быть проведена только после заключения мира, так как большая часть избирателей находилась на фронте.

Партии и пресса своими спорами и раздорами, требованиями введения в Пруссии общеимперской избирательной системы и внесения соответствующего законопроекта еще во время войны, со своей стороны, сделали все возможное, чтобы отсрочить осуществление моих первоначальных намерений. Таким образом, вопрос вступил в малоутешительную медленную фазу своего развития, особенно затянувшуюся из-за бесконечных переговоров в ландтаге. Лишь после ухода фон Бетмана я узнал через фон Лебеля, что его записка 1916 года вовсе не была представлена кабинету министров, а без движения пролежала полтора года под сукном. По рассказам Лебеля, канцлер под давлением страны отказался от всех новых предложенных избирательных систем, так как был убежден в неизбежности введения и в Пруссии общего избирательного права, уже существовавшего при выборах в рейхстаг.

Во всяком случае первоначальное мое желание из-за медлительной политики Бетмана и партийных раздоров было, таким образом, основательно искажено. Я хотел по собственной инициативе, без всяких влияний извне встретить почетным даром свою армию, победоносно возвращающуюся домой, свой «вооруженный народ», своих храбрых пруссаков, с которыми я сообща стоял перед лицом врага.

Постоянное стремление канцлера всячески проявлять свое превосходство приводило к тому, что при нем статс-секретарь по иностранным делам не играл самостоятельной

роли, и ведомство иностранных дел было как бы филиалом управления канцлера, что особенно чувствовалось в отношении отдела прессы. Бетман претендовал также на полную самостоятельность и по отношению ко мне. Опираясь на то, что, согласно конституции, канцлер один несет ответственность за внешнюю политику, он повсюду распоряжался совершенно свободно и действовал по своему усмотрению. Ведомство иностранных дел могло сообщать мне лишь то, что было удобно канцлеру; поэтому я часто не был информирован о самых важных вопросах. Вина за то, что подобное явление вообще могло иметь место, лежит в имперской конституции. Здесь вообще уместно прибавить несколько слов о взаимоотношениях между кайзером и канцлером, как они определяются имперской конституцией. Я говорю, следовательно, не о моем отношении к господину фон Бетману. Совершенно не касаясь личностей, я имею в виду ненормальность отношений между кайзером и рейхсканцлером, порождаемую имперской конституцией.

Обращаю внимание на следующие пункты.

Согласно имперской конституции, канцлер является руководителем и представителем внешней политики всего государства. Он несет полную ответственность за эту политику и осуществляет ее после докладов кайзеру через подчиненное ему ведомство иностранных дел.

Кайзер имеет влияние на внешнюю политику лишь постольку, поскольку канцлер разрешает ему это влияние.

Кайзер может проявить свое влияние лишь путем обсуждения информации, возбуждения тех или иных вопросов, внесения разных предложений, докладов о вынесенных им из своих заграничных поездок впечатлениях, дополняющих политические донесения послов.

Канцлер *может* допустить подобное влияние кайзера, руководствуясь им в своих решениях, если он согласен со взглядами кайзера на тот или иной вопрос. В противном случае он остается при *своей* точке зрения и проводит ее. (Пример телеграмма президенту Крюгеру.)

Согласно конституции, у кайзера нет никаких средств заставить канцлера и ведомство иностранных дел *принять его точку зрения* на вопросы внешней политики. Он не может заставить канцлера вести такую политику, за которую тот не считает возможным нести ответственность. Если кайзер все же настаивает на своем, то канцлер может потребовать отставки.

С другой стороны, у кайзера нет никаких конституционных средств помешать канцлеру и ведомству иностранных дел вести ту политику, которую кайзер считает опасной или неправильной. Если канцлер настаивает на своей точке зрения, кайзер может только сменить канцлера, но каждая такая смена тяжелая процедура, глубоко задевающая жизнь нации. Поэтому во времена политических затруднений и острых моментов она чрезвычайно опасна, являясь «ultima ratio» (последним доводом), тем более рискованным,

что число лиц, пригодных для этого ненормально выросшего по своему значению поста, очень ограничено.

Роль рейхсканцлера была скроена по масштабу выдающейся личности Бисмарка. Из-за все более расширявшихся имперских ведомств, начальником и ответственным руководителем которых был канцлер, эта роль приобрела опасный характер, так как при этом власть чрезмерно сосредоточилась в руках одного канцлера. Если принять во внимание этот факт, то никак нельзя взваливать всю ответственность на одного кайзера, как это делали еще раньше, но особенно к концу войны и после нее, Антанта, критики-всезнайки и брюзжащие сторонники переворота внутри страны. Отметая все субъективное, надо все же сказать, что это является доказательством полного незнания прежней германской имперской конституции.

Потсдамское свидание с русским царем в ноябре 1910 года, вполне удовлетворившее всех его участников, было использовано канцлером и господином фон Кидерленом для того, чтобы войти в сношения с вновь вступившим в должность господином Сазоновым, которого царь для этой цели и привез с собой. Русский государь, по-видимому, чувствовал себя у нас хорошо и принял живое участие в устроенной в его честь охоте, в которой он показал себя страстным охотником.

Успех переговоров между государственными деятелями обеих стран, казалось, обещал хорошие виды на будущее. И

обе стороны, ознакомившись ближе друг с другом и успокоившись от прежних тревог, прониклись надеждой на то, что наши взаимоотношения примут благоприятный характер. Во время моего пребывания весной на Корфу начались беспорядки среди малиссоров (албанского племени), приковавшие к себе напряженное внимание Греции. В Корфу были хорошо осведомлены о постоянной контрабанде оружия из Италии через Валону в Албанию, и в греческих кругах склонялись к мнению, что в этих событиях немалую роль сыграли разные махинации, строившиеся как по ту сторону Адриатического моря, так и в Черногории. Новый турецкий режим, как указывали в греческих кругах, не умеет обращаться с албанцами, которые очень обидчивы и недоверчивы. Прежний султан Абдул Гамид хорошо знал эти черты албанцев и прекрасно сумел наладить хорошие отношения с ними и держать их в повиновении. Однако и сейчас осложнений событий в Албании никто не опасался.

В начале 1911 года я получил очень сердечное письменное приглашение английского короля Георга присутствовать вместе с императрицей на открытии памятника королеве Виктории, нашей общей бабушки. В связи с этим я в середине мая отправился вместе с императрицей и нашей дочерью в Лондон.

И со стороны английской королевской семьи, и со стороны жителей Лондона нам был оказан сердечный прием. Торжества по поводу открытия памятника были мастерски и очень

пышно организованы. Огромная круглая площадь перед Букингемским дворцом была окружена трибунами, переполненными приглашенной публикой. На площади стояли шпалеры всевозможных родов войск и полков британской армии в парадных формах, кавалерия и артиллерия. К памятнику были стянуты знаменосцы со всеми войсковыми знаменами. Королевская семья с ее гостями и свитой сгруппировалась перед самым памятником. Король Георг произнес приветственную речь, которая произвела хорошее впечатление. В ней он между прочим упомянул и о германской императорской чете.

Наброшенное на памятник покрывало упало при салюте и приветственных криках. Момент, когда показалась мраморная статуя сидящей на троне королевы, над которой возвышалась золотая богиня победы, был захватывающим. Затем последовало прохождение в церемониальном марше стоявших на параде войск. Впереди шли гвардейцы, за ними горцы, своими яркими цветными одеждами вносящие в картину военного зрелища элемент какой-то особой живописности, затем следовали остальные войска. Парад происходил на круглом плацу, и войска должны были двигаться, постоянно поворачиваясь; в то время как наружное крыло выступало вперед, внутреннее должно было задерживаться. С этой нелегкой задачей войска справились блестяще: ни один солдат не выступил из шеренги. Руководивший парадом герцог Коннаутский по справедливости встретил общее одобрение,

всецело предназначенное ему.

Остальные дни нашего пребывания в Лондоне были использованы для прогулок. Благодаря гостеприимству, проявленному к нам со стороны знатных английских семей, мы имели случай вступить в тесное общение со многими членами английского общества.

Особое художественное наслаждение король доставил своим гостям театральным представлением в «Drury Lane». Труппой, специально сформированной для этого случая и состоявшей из первых в Лондоне актеров и актрис, была поставлена известная английская пьеса «Money». В виде сюрприза в антракте опустился занавес, нарисованный для данного случая одной дамой. В натуральную величину он изображал нас, короля Георга и меня, верхом подъезжающими друг к другу и по-военному салютующими. Картина, выполненная с большой экспрессией, вызвала громкие аплодисменты публики. Игра актеров и актрис в «Money» была образцовой, так как каждый из них в совершенстве играл свою роль, даже самую маленькую. Это было действительно классическое представление.

На другой день были продемонстрированы на Олимпийском ристалище спортивные состязания британской армии и флота. Они показали выдающееся спортивное искусство и отдельных лиц, пеших и конных, и целых сомкнутых войсковых частей. Описывая здесь открытие памятника, а еще раньше похороны Эдуарда VII, я намеренно остановился на

внешней напыщенности, обычной в подобных случаях в Англии. Как видно, в парламентской, так называемой демократической стране придают больше значения почти средневековым проявлениям помпезной пышности, чем в Германской империи.

Поведение французов в Марокко, не соответствовавшее постановлениям Алжирской конференции, снова привлекло к себе внимание дипломатов. Поэтому канцлер попросил меня, если представится случай, узнать мнение короля Георга о Марокканском вопросе. Я спросил короля, придерживается ли он того мнения, что образ действий Франции не расходится с постановлениями Алжирской конференции? Король ответил, что в действительности этих постановлений больше не существует и лучше всего совершенно предать их забвению. Французы в сущности сделали в Марокко то же самое, что в свое время англичане в Египте. Англия поэтому не будет ставить французам никаких препятствий на их пути. Надо примириться со свершившимся фактом занятия Марокко и договориться с Францией о коммерческих гарантиях. В общем наше посещение Лондона до конца прошло удачно. Лондонцы всех слоев населения, стоило им увидеть нас, гостей своего короля, всякий раз выражали нам свою симпатию.

Таким образом, германская императорская чета вернулась домой с наилучшими впечатлениями. Когда я поделился ими с канцлером, он остался очень доволен. Из замеча-

ний короля Георга он вывел, что Англия считает постановления Алжирской конференции уже не существующими и не будет чинить никаких препятствий занятию Марокко. В связи с этим он и наметил проводившуюся им и ведомством иностранных дел линию, приведшую к инциденту в Агадире, последнюю, снова оказавшейся неудачной попыткой сохранить наше влияние в Марокко. Положение особенно обострилось во время Кильской недели. Ведомство иностранных дел сообщило мне свое намерение послать в Марокко «Пантеру». Я испытал сильные колебания по поводу этого шага, но ввиду настойчивых представлений со стороны ведомства иностранных дел я был вынужден отложить свои сомнения в сторону.

Первая половина 1912 года ознаменовалась посланием сэра Эрнеста Касселя с вербальной нотой, в которой Англия предлагала свой нейтралитет в случае «неспровоцированного» нападения на Германию при условии, если последняя согласится на ограничение своего военно-морского строительства и на скрытый отказ от последнего законопроекта о флоте. После благожелательного ответа с нашей стороны в Берлин был послан лорд Гальдан для ведения переговоров. В результате переговоры потерпели крушение из-за поведения Англии (сэра Грея), взявшей обратно свою собственную вербальную ноту, так как Грей боялся задеть французов германо-английским соглашением и повредить англо-франко-русскому соглашению. В деталях обстоятельства дела были та-

ковы. 29 января 1912 года, перед обедом, ко мне во дворец в Берлине явился господин Баллин, прося об аудиенции. Я предположил, что речь идет еще об одном поздравлении с днем моего рождения, и поэтому был немало удивлен, когда Баллин после кратких поздравлений доложил, что он пришел ко мне в качестве посланца сэра Эрнеста Касселя, который только что прибыл в Берлин с особой миссией и просит о приеме. Я спросил, идет ли речь о политической миссии, и если это так, то почему посредником в этой аудиенции не явился английский посол. Из ответа Баллина выяснилось, что дело, по намекам Касселя, по-видимому, очень важное, и его решение в обход посла в данном случае объясняется тем, что в Лондоне было выражено особое желание не вмешивать в это дело официальные дипломатические инстанции как английские, так и германские. Я сказал, что готов тотчас же принять Касселя, но прибавил, что если поручение Касселя будет касаться политических вопросов, то я, как конституционный монарх, немедленно вызову канцлера, ибо не могу единолично, без канцлера, вести переговоры с представителем другой державы. Баллин привел Касселя, который передал мне документ, составленный «с одобрения и ведома английского правительства». Я прочел небольшой клочок бумаги и был немало удивлен, когда в моих руках оказалось формальное предложение нейтралитета на случай будущих военных столкновений Германии, но поставленное в зависимость от известных ограничений в области строительства

военного флота. Вопрос о таких ограничениях в развитии морских сил должен был стать предметом обоюдных переговоров и соглашений. Я вышел с Баллином в смежную комнату (комнату адъютантов) и показал ему документ. Когда он прочел бумаги, мы оба сразу выговорили: «Вербальная нота».

Было очевидно, что эта «вербальная нота» относилась к нашему законопроекту о флоте и появилась для того, чтобы каким-нибудь образом помешать проведению в жизнь этого законопроекта. Во всяком случае я находился перед странной ситуацией, вызвавшей удивление у Баллина. Это напоминало мне положение в Кронберг-Фридрихсгофе в 1908 году, когда я должен был отклонить обращенное лично ко мне требование английского помощника министра Гардинга прекратить наше военно-морское строительство. Теперь близкий соратник Эдуарда VII точно таким же образом, без предварительного доклада по официальной дипломатической линии, явился к германскому кайзеру с инспирированной английским правительством «вербальной нотой» и с определенной инструкцией обойти все дипломатические инстанции обеих стран. Он передал мне предложение английского правительства сохранять нейтралитет во время будущих военных осложнений при условии заключения соглашений об ограничении морских вооружений. И таким образом действовала Англия, эта родина «конституционализма»! Баллин, когда я ему указал на это, сказал мне: «Святой консти-

туционализм! Где ты? Это ведь личная политика чистейшей воды». Совместно с Баллином я решил, что надо немедленно вызвать фон Бетмана, для того чтобы и он был в курсе дела и занял определенную позицию в этом создавшемся странном положении. Бетман, вызванный по телефону, скоро явился. Сложившаяся ситуация сначала повергла и его в некоторое удивление. Было интересно наблюдать игру его лица, когда ему рассказали, в чем дело.

Канцлер предложил привлечь к обсуждению вопроса и начальника заинтересованного ведомства имперского статс-секретаря по морским делам адмирала фон Тирпица. Одновременно он посоветовал составить ответ на английское предложение на английском языке в таком же духе и в такой же форме, как и переданная Касселем нота, и отослать его в Лондон с сэром Эрнестом, собиравшимся вечером уехать обратно. Английский язык при составлении текста ответа был избран потому, что боялись неясностей и недоразумений при переводе его в Лондоне. Так как английский язык я знал лучше всех, канцлер попросил меня составить ноту. После некоторого сопротивления я все же решил заняться ремеслом канцеляриста. Вскоре составила следующая картина. Я сидел в адъютантской комнате за письменным столом, остальные стояли вокруг меня. Я прочитывал каждое предложение английской ноты, набрасывая тут же ответ, который потом тоже прочитывался. Затем начиналась критика справа и слева. Одному ответ казался слишком мягким,

другому слишком резким. Поэтому ответ облекался в определенную форму, исправлялся и оттачивался.

Канцлер со своим философским анализом, глубокой и пытливой основательностью взвешивал каждое слово, чтобы оно, освещенное со всех сторон, не могло потом дать повод к критике. Это доставляло мне особенно много грамматических и стилистических терзаний. После нескольких часов работы редакция ответа, наконец, удалась, и нота, перейдя несколько раз из рук в руки, была затем еще раз шесть прочитана мною и только затем подписана.

Прощаясь с сэром Эрнестом, канцлер между прочим спросил, кого надо ждать из Англии для переговоров. Кассель ответил, что во всяком случае будет послан министр, но, кто именно, он точно не знает. Может быть, это будет Уинстон Черчилль теперешний морской министр, так как речь идет о флоте. Канцлер договорился далее с сэром Эрнестом, что и впредь будет сохранен неофициальный путь переговоров и что Баллин возьмет на себя передачу всех связанных с переговорами известий из Англии. Сэр Эрнест выразил живейшую благодарность за оказанный ему любезный прием и свое глубокое удовлетворение тоном нашей ответной ноты. Позже Баллин из отеля сообщил мне, что Кассель вторично высказал свое удовлетворение успехом своей удавшейся во всех отношениях миссии, причем он обещал донести своему правительству о вынесенном им хорошем впечатлении.

Когда несколько позже мы говорили об этом деле с адми-

ралом Тирпицем, мы сошлись на том, что законопроекту о флоте грозит опасность, и поэтому надо проявлять наибольшую осторожность.

Втихомолку был приведен в порядок материал, который адмирал фон Тирпиц должен был представить на переговорах: небольшой исторический обзор развития флота и расширения круга его задач; первый закон о флоте с его целями и основными принципами; проведение этого закона в жизнь и дополнения к нему; наконец, последний законопроект, его значение и способ его выполнения. Канцлер просил, чтобы переговоры велись главным образом во дворце в моем присутствии. С Тирпицем я договорился, чтобы он, насколько сумеет, говорил по-английски, причем в трудные моменты я буду его переводчиком.

Пока не стало известно, кого Англия пошлет для ведения переговоров, строились самые разнообразные предположения. Баллин сообщал о возможных комбинациях, причем среди других имен предполагаемых английских уполномоченных называлось даже имя Грея. Наконец, через Баллина пришло известие, что вести переговоры поручено бывшему адвокату, а теперь военному министру Гальдану и что последний в скором времени прибудет в Германию. Все были поражены. Можно представить, как было бы странно, если бы Германия вместо адмирала фон Тирпица послала бы в Лондон для обсуждения вопроса о флоте военного министра. Обсуждая это назначение, Бетман и Тирпиц высказы-

вали различные предположения. Канцлер объяснял назначение Гальдана тем, что Англия, желая сделать приятное Германии, остановила свой выбор именно на нем, как на исследователе Гёте, знатоке немецкой философии, хорошо знающем немецкий язык. Тирпиц же заметил, что Гальдан еще прежде жил некоторое время в Берлине, где он, работая в военном министерстве у генерала фон Эйнема, ознакомился с местными условиями. Я подтвердил, что все это надо принять во внимание. Однако Англия, по моему мнению, назначением Гальдана, который может знать дела флота только поверхностно, придала переговорам чисто политическую окраску. Очень возможно, что в целом этот акт направлен против морской политики Германии вообще и нового законопроекта о флоте в частности. Надо поэтому ничего не упускать из внимания, чтобы из всей этой аферы неожиданно не выкристаллизовалось иностранное посягательство на наше право самостоятельно принимать решения по организации своей военной обороны.

Гальдан, наконец, приехал и был принят как гость кайзера. Баллин, на основании информации, полученной им из Англии, решил в конце концов загадку назначения Гальдана. Когда Кассель, вернувшись в Лондон, донес правительству об оказанном ему приеме и передал ответную ноту, там в связи с этим создалось такое благоприятное впечатление, что в Лондоне уже не сомневались в удовлетворительном ходе переговоров. И вот между министрами, особенно между

Черчиллем и Греем, завязалось благородное состязание, кто из них должен поехать в Берлин, чтобы поставить свое имя на этом важном историческом документе, если только удастся заставить Германию совершенно отказаться от дальнейшего увеличения ее флота. Черчилль считал себя наиболее подходящим для этого человеком, так как он ведаёт морскими делами. Но Грей и Асквит завидовали своему коллеге, и поэтому долгое время на первом плане стоял Грей новое доказательство того, что главную роль здесь играла политика, а не количество судов. Но спустя некоторое время решили, что будет достойнее для личности и положения Грея, если он появится только к концу переговоров, чтобы поставить свое имя под соглашением и чтобы, как передавала английская информация Баллина, «получить свой праздничный обед у кайзера и принять участие в празднествах и фейерверке»; иначе говоря, чтобы воспользоваться «бенгальскими огнями». Так как последние ни в коем случае не должны были выпасть на долю Черчилля, то следовало выбрать для переговоров лицо, близкое к Асквиту и Грею, пользующееся полным их доверием, готовое взять на себя труд по переговорам вплоть до начала «бенгальских огней», и притом уже известное в Берлине и не чужое для Германии. Черчилль, правда, тоже был знаком Германии, так как он несколько раз присутствовал в качестве гостя на императорских маневрах в Силезии и Вюртемберге. Баллин ручался за достоверность своей лондонской информации. Еще до начала переговоров я меж-

ду прочим обратил внимание статс-секретаря фон Тирпица на то, что Гальдан, хоть и занимавший в тот момент пост военного министра, несомненно хорошо подготовится к предстоящей ему задаче и получит, конечно, подробные инструкции от английского адмиралтейства, где властвует дух Фишера. Фишер в своем руководстве для английских морских офицеров поместил среди других достойных внимания инструкций и следующий тезис, характерный для этого адмирала, его ведомства и царившего в нем духа и гласящий буквально: «Если ты говоришь ложь, то стой на этом твердо». Кроме того, сказал я Тирпицу, не надо забывать, какой сказочной способностью приспосабливаться к обстоятельствам обладают англосаксонцы. Это дает им возможность занимать посты, далекие от их жизненных путей и их образования. Помимо того, общий интерес к флоту в Англии настолько велик, что почти каждый образованный человек до известной степени сведущ в морских делах.

Во время переговоров Гальдан выказал себя превосходно осведомленным человеком, умеющим искусно и решительно вести дебаты, в которых проявляются его блестящие качества адвоката.

Беседа продолжалась несколько часов и привела в общем к разъяснению вопроса и к предварительному соглашению относительно отсрочки постройки флота. Подробности этой беседы можно найти в документах имперского морского ведомства. Тирпиц был великолепен. После нескольких бесед,

происходивших при участии Баллина, Гальдан уехал. Баллин донес мне, что Гальдан высказал ему свое полное удовлетворение результатами своей миссии, выразив мнение, что приблизительно через 8-14 дней можно будет переслать нам проект соглашения.

Между тем время проходило, и приближался момент внесения законопроекта. Тирпиц предложил в случае, если до этого момента соглашение будет заключено, соответствующим образом изменить законопроект, а в противном случае внести его в неизменном виде. Наконец, получил, правда, не проект соглашения, а содержащую всякого рода вопросы бумагу, ответ на которую потребовал много совещаний и длительного обсуждения. Постепенно во мне укреплялось подозрение, что англичане не думают серьезно о соглашении: они нанизывали вопрос на вопрос и выискивали детали, не имевшие прямого отношения к соглашению. Англия шаг за шагом отказывалась от своих предложений и обещаний, и проект соглашения так и не выходил.

В Берлине между тем и со стороны Министерства иностранных дел, и со стороны призванных и не призванных инстанций началась ожесточенная кампания и против законопроекта о флоте, и против Тирпица и меня. Канцлер, питавший надежду, что ему удастся достигнуть соглашения и увековечить свое имя в акте, который должен был освободить Германию от «окружения» и принести с собой урегулирование и улучшение отношений с Англией, также выступил за

отказ от законопроекта: ведь это означало бы не что иное, как предоставление иностранной державе возможности чудовищно влиять на вопросы германской обороны, подвергая таким образом опасности право на самоопределение нашей нации и нашу боеспособность, в случае если бы нам была навязана война. Этим Германия, сама не получавшая никаких гарантий от своего злейшего противника, давала бы ему возможность предписывать ей то, что он найдет нужным в его собственных интересах. В связи с создавшимся положением возникли споры и напряженная борьба. Особенно резко и не всегда деловито она велась как раз теми кругами, которые в действительности были мало знакомы с вопросами морской обороны.

В течение этой зимы, столь тяжелой и для меня, и для фон Тирпица, адмирал, хорошо разглядев положение своим пронизательным взором и видя насквозь противника, держался в разгоревшейся борьбе как настоящий офицер, любящий свое отечество, и встречал с моей стороны искреннюю и всемерную поддержку. Все официальные инстанции были согласны с тем, что никакая чужая страна не имеет права решать вместе с нами, что мы имели право и что не должны делать для нашей обороны.

Надежда на заключение соглашения все уменьшалась. Англия выказывала к нему все меньший интерес и постепенно отказывалась от многих существенных пунктов своей «вербальной» ноты. Таким образом, адмирал Тирпиц и я ви-

дели, что все английское предложение было лишь маневром.

Борьба за законопроект о флоте становилась все ожесточеннее. Как-то я встретил в Куксгафене президента Гамбургского сената д-ра Бурхарда, которого я уважал как образец аристократического гражданина Ганзейского города, часто привлекая его в качестве советника и к обсуждению политических проблем. Я обрисовал ему весь ход дела и борьбу в Берлине по поводу законопроекта и попросил его высказать свое откровенное мнение, как он считает наиболее правильным для интересов государства поступить в данном случае, так как мне важно слышать объективное суждение, свободное от влияния борющихся в Берлине сторон.

Доктор Бурхард ответил с резкой подчеркнутостью, убедительно и ясно, что мой долг по отношению к народу и отечеству не отказываться от законопроекта о флоте.

Кто высказывается против внесения этого законопроекта, тот грешит против своего народа и отечества. То, что мы считаем необходимым для своей обороны, безусловно, должно быть сделано. Прежде всего, однако, нельзя терпеть, чтобы иностранное государство осмеливалось иметь желание вмешиваться в наши дела. Английское предложение является простой «уловкой», чтобы заставить нас отказаться от законопроекта о флоте. Этого не должно случиться ни при каких обстоятельствах. Немецкий народ никогда не поймет, почему отказались от его права на самоопределение. Законопроект во что бы то ни стало должен быть внесен в рейхстаг. При

этом Бурхард подчеркнул, что в союзном совете он выступит за его принятие (он это и сделал впоследствии в своей блестящей увлекательной речи) и будет вообще действовать в этом направлении в Берлине. Англичане, правда, будут ругаться, но это безразлично они уже давно это делают, а войны из-за этого они, конечно, не начнут. Адмирал фон Тирпиц исполняет лишь свой долг, и я должен всецело помогать ему. Канцлеру следует отказаться от противодействия законопроекту, иначе он рискует, что ему в конце концов еще выбьют окна за его «англофильство».

Таково было мнение представителя большого торгового города, которому в случае войны с Англией грозила наибольшая опасность. В нем говорил дух настоящего ганзейца. Поразительное подтверждение мнения д-ра Бурхарда об английском предложении я недавно получил в Голландии в разговоре с одним голландцем, которому англичане в свое время сообщили об английских планах. Тирпиц и я поняли правильно: предложение нейтралитета было лишь политическим маневром.

Вскоре пришли также известия и от Баллина о том, что в Англии дела обстоят не совсем благополучно. По полученным оттуда сведениям, там в связи с соглашением возник спор. В Лондоне недовольны Гальданом и утверждают, что он дал себя околпачить Тирпицу. Это, разумеется, свидетельствовало о гневе англичан по поводу того, что Тирпиц, не отказавшись от законопроекта о флоте, сам не попался

на удочку и что Гальдан не сумел преподнести английским министрам отданный им в жертву немецкий законопроект о флоте. Об «околпачивании» со стороны Германии не может быть и речи. Но упреки по адресу Гальдана позволяют подзреть: данные ему инструкции клонились к тому, что он должен был «околпачить» немцев. Если его соотечественники придерживались того взгляда, что произошло как раз обратное, то можно только горячо благодарить адмирала фон Тирпица за правильное понимание и отстаивание немецкой точки зрения на благо нашего отечества.

Около середины марта борьба за законопроект о флоте обострилась в такой степени, что 22 марта при выходе моем из Шарлоттенбургской усыпальницы в парке канцлер, наконец, попросил у меня отставки. После долгих объяснений канцлер взял просьбу об отставке обратно, причем я сообщил ему мнение д-ра Бурхарда.

Посетив спустя некоторое время господина фон Бетмана в его саду, я нашел его совершенно разбитым с телеграммой из Лондона в руках. В ней содержался совершенный отказ от предложения нейтралитета и всяких других предложений, а в заключение ко мне обращались еще с увещанием оставить фон Бетмана на посту рейхсканцлера, так как он пользуется особым доверием британского правительства. Слезы негодования блестели на глазах глубоко разочарованного в своих надеждах канцлера. Похвала иностранного правительства, только что явившегося причиной тяжких испы-

таний для Германии и для него самого, глубоко оскорбила канцлера. Он вторично попросил отставки. Я не принял ее и попытался его утешить. В то же время я приказал запросить германского посла в Лондоне, каким образом он вообще принял такую телеграмму и решился переслать ее в Берлин.

Теперь уже канцлер был согласен с законопроектом о флоте. Из-за лояльности, однако, последний был проведен с теми ограничениями, которые были предусмотрены на случай заключения соглашения. В Англии же, напротив, военно-морская программа была выполнена целиком. Этот «эпизод» с Гальданом характерен для политики Англии. Весь этот широко организованный маневр был устроен исключительно с целью воспрепятствовать развитию германского флота. Проведение огромной судостроительной программы в Америке, ранее обладавшей едва достойным упоминания торговым флотом, во Франции, военный флот которой превосходил по численности германский, в Италии и в России, строившей суда и за границей, все это не вызывало, однако, ни малейшего протеста со стороны Англии. А между тем и Германии, ущемленной между Францией и Россией, следовало быть вооруженной по меньшей мере так, чтобы она, обороняясь от этих стран, могла держать в своих руках свое море. Для этой цели постройка нами флота была необходима. Последний ни в коем случае не был направлен против в четыре-пять раз более сильного английского флота, обеспечивавшего превосходство и безопасность Англии в такой

степени, что никакой разумный человек в Германии не мог и мечтать, чтобы германский флот сравнился с ним по силе. Флот был нам необходим для защиты наших берегов и нашей торговли. Для этого недостаточны такие средства обороны, как подводные лодки, миноносцы и мины. К тому же береговые батареи на Балтийском море так устарели и были так мизерны, что при ураганном огне тяжелой артиллерии с больших современных военных судов они были бы сметены в 48 часов. Таким образом, наши берега у Балтийского моря были почти беззащитны. Для их обороны необходим был флот. Скагеррак доказал значение и ценность флота в современной войне. Битва закончилась бы для Англии уничтожающе, если бы в рейхстаге не отклонялись все представлявшиеся до 1900 года предложения об усилении флота. Эти 12 потерянных лет уже нельзя было наверстать.

Прежде чем расстаться с Гальданом, необходимо указать еще на один эпизод из его деятельности. В 1906 году он, с разрешения германского правительства, приехал в Берлин, чтобы получить сведения об организации прусской обороны, о рекрутском наборе, Генеральном штабе и т. д. Он занимался в военном министерстве, где его лично осведомлял военный министр генерал фон Эйнем. Поработав там 2-3 недели, он, очень довольный, вернулся в Англию.

Когда после начала мировой войны поклоннику Гёте Гальдану как германофилу, был объявлен бойкот, отчего он даже не мог показываться в обществе, Гальдан для своей

реабилитации поручил известному литератору и журналисту мистеру Бегби написать апологию о деятельности Гальдана как военного министра. В этой книге под названием «Vindication of great Britain» выставлены заслуги Гальдана в формировании правильно функционирующего Генерального штаба и подготовке британской армии к мировой войне.

В книге о Гальдане между прочим особо отмечается, как ловко Гальдан использовал в свое время разрешение поработать в прусском военном министерстве, чтобы изучить военное дело в Германии и подготовить до мелочей по нашему образцу реорганизацию британской армии и Генерального штаба для предстоящей борьбы против оказавших ему гостеприимство немцев. Здесь целиком выявляется хитрый и ловкий адвокат, который под защитой гостеприимства чужой страны изучает ее военные учреждения, для того чтобы из приобретенных таким образом материалов и познаний выковать оружие против этой страны. Характерно, что книга посвящена памяти короля Эдуарда VII, доверенным посланцем и орудием которого Гальдан был. В Берлине тогда видели в миссии Гальдана «сближение» с Англией, к которому там всегда стремились; в действительности же это была лишь разведка короля Эдуарда VII в доме своего германского кузена. Англия отблагодарила Германию мировой войной, которую Гальдан помог подготовить. Тут уж действительно Гальдан околпачил немцев.

Таков был подлинный характер миссии Гальдана. Впо-

следствии всякого рода политиканы в прессе и обществе утверждали без всяких сомнений, что предпринятое Гальданом многообещающее «сближение» Англии с Германией потерпело крушение из-за упрямства кайзера и адмирала фон Тирпица и из-за их упорного отстаивания законопроекта о флоте вопреки желанию всех «разумных советников».

В описываемое время встал затронувший и меня вопрос об образовании самостоятельного Албанского государства. Многие жаждавшие короны кандидаты уже предстали перед ареопагом европейских держав, не будучи, однако, приняты последними. Некоторые намеченные державами кандидаты были отклонены албанцами. Я проявлял индифферентное отношение к этому вопросу, считая, что, как и при всяком «образовании государства», здесь по возможности надо считаться с историческим развитием; особенно же со своеобразными географическими условиями страны и нравами народа.

Единого государства с государем и династией во главе у этого удивительного народа никогда не было. Албанские племена живут крайне обособленно, в долинах, огороженных и замкнутых высокими горными хребтами. Их политическое управление похоже на управление шотландских кланов. Христиане и магометане представлены среди них в одинаковой степени. Испокон века укоренившаяся у них кровавая месть, как и конокрадство, являются там освященными временем обычаями. Сельское хозяйство развито очень

слабо, земледелие находится в зачаточном состоянии, причем применяемые для этой цели орудия крайне примитивны. Суд творится главой племени на открытом воздухе под деревом, как это некогда было у древних германцев.

Каждый мужчина носит оружие; большинство из них прекрасные стрелки. Когда вождь племени, объезжая округ, показывается в каком-нибудь селении, население ждет от него даров в виде звонкой монеты, которая порой и кидается им в толпу с высокого коня. При вступлении вождя в управление таких подарков, естественно, ждут еще больше; а если их нет, то это считается крайне предосудительным. До балканской войны многие албанцы поступали на турецкую службу, где они могли достигать высоких чинов, так как их очень ценили за их прилежание, острый ум и большую энергию. Они поставляли турецкому государству большое число чиновников, пополняя также в известной мере и дипломатию, и армию. Знатные молодые албанцы с честью служили в великолепной гвардейской дворцовой части султана, которая комплектовалась из солдат такого роста, воинственного вида и мужественной красоты, как они. Они отчасти являлись родственниками султана, так как последний имел в своем гареме знатных албанок из лучших племен; такими кровными узами султан стремился обеспечить себя от кровавой мести албанских племен, попутно узнавая все, что волновало сердца албанских князей. При этом все доходившие таким образом до султана желания албанцев, как, например, посылка ору-

зия и военного снаряжения, постройка училищ, проведение дорог и т. п., выполнялись потом как бы незаметно и случайно. Таким образом, султану удавалось «родственным» путем удерживать вообще очень беспокойных албанцев в спокойствии и преданности к себе.

На основании этого знакомства с местными условиями я старался повлиять, чтобы албанским государем по возможности был избран магометанский князь или египетский принц, который должен обладать и полным кошельком, особенно нужным в Албании. Мой совет не был одобрен «ареопагом держав», которые, ничуть не считаясь с интересами албанцев, заботились лишь о том, чтобы иметь возможно больше шансов ловить в Албании рыбу в мутной воде.

Я нашел поэтому очень мало утешительного в том, что выбор пал на принца Вильгельма Вида. Я высоко ценил его как благородную рыцарскую отзывчивую натуру, но считал его не подходящим для этого поста. Принц был слишком мало знаком с балканскими делами, чтобы взять на себя эту тернистую задачу. Мне было вообще нежелательно, чтобы немецкий принц там осрамился. Ибо с самого начала было ясно, что Антанта будет ему чинить всяческие препятствия. Поэтому на запрос *со* стороны принца я откровенно высказал своему кузену все свои сомнения, подчеркнув те затруднения, которые его ожидали, и настойчиво советуя ему не принимать албанского трона. Приказывать ему я не мог, так как последнее слово принадлежало князю Виду, как главе

дома.

После принятия принцем предложения держав я принял его на аудиенции в присутствии канцлера. Определенная нерешительность, сквозившая в поведении принца, смотревшего на предстоящую ему задачу без всякого энтузиазма, подкрепила меня и канцлера в желании еще раз убедительно отсоветовать молодому кандидату вступить на вновь изобретенный албанский трон.

Но все было напрасно. Честолюбивая, мистически настроенная супруга принца видела в албанском троне осуществление своих желаний. А ведь «чего хочет женщина, того хочет Бог». Кармен Сильва также немало способствовала приему принцем албанской короны. Ею даже была опубликована по этому поводу статья в прессе, начинавшаяся словами: «Сказочная страна хочет иметь своего государя».

Таким образом, все предостережения, несмотря на их благожелательный характер, несколько не помогли. Я, между прочим, настойчиво советовал принцу не вступать на албанский престол до урегулирования финансового вопроса. Ибо те сомнения, какие побуждали меня предложить избрать на албанский престол богатого князя, теперь оправдались. Принц был не очень состоятелен, и державы вынуждены были предоставить ему субсидию, вокруг которой завязались малоотрадные передряги. Субсидия была в конце концов выплачена принцу в уменьшенном размере.

Наибольшая опасность для нового государя и его систе-

мы таилась в личности Эссад-паши, ненадежного интригана и корыстолюбивого ландскнехта, который сам домогался положения владетельного князя и располагал известной силой в виде своих вооруженных приверженцев. С самого начала он стал противником нового государя и тайно конспирировал с Италией. Было бы вполне естественно и целесообразно, если бы новый государь окружил себя знакомыми, преданными ему людьми из Германии. Но этого не произошло. Один англичанин и один итальянец были приставлены к его персоне в качестве «секретарей». Они действовали в ущерб его интересам, давая ему плохие советы и интригуя против него.

Во время приготовлений принца к вступлению на албанский престол появилась превосходно написанная брошюра австрийского офицера Генерального штаба о его путешествии по Албании. Живо и картинно рисовал офицер страну с ее географическими и климатическими условиями, население и его нравы, отмечая большую бедность и отсталость страны. Он указывал на то, что будущий государь ни в коем случае не может оставаться жить на берегу, а должен разъезжать по стране и показываться населению. При примитивных путях сообщения государю этой страны необходимо, оставаясь целые дни на коне, разъезжать верхом по стране с пресловутым «мешком цехинов», знакомым по всем восточным легендам и сказаниям, чтобы повсюду, где он находится, золотым дождем всех располагать к себе. Из всего насе-

ления страны он должен всеми способами особенно крепко связаться с некоторыми племенами, чтобы в его распоряжении была вооруженная сила, на которую он мог бы опереться. Только тогда он сможет диктовать свою волю и бороться с противниками, которые захотели бы восстать против него. При совершенном отсутствии армии в европейском смысле этого слова, писал автор брошюры, такая тактика была бы единственно целесообразной.

На первое время князь, как видно, должен был вести жизнь кочевника и кавалериста, образовав для этой цели походный лагерь из шатров со всеми необходимыми принадлежностями и лошадьми. Подходящих для этого людей можно было найти в достаточном количестве в находившемся раньше под командой принца эскадроне 3-го гвардейского уланского полка, ибо многие из улан этого полка, очень привязанные к принцу, выразили готовность сопровождать его в Албанию в качестве добровольцев. Они, несомненно, сослужили бы ему лучшую службу и принесли бы ему больше пользы, чем враждебные стране приготовления к захвату власти.

Я посоветовал моему кузену самым тщательным образом проштудировать брошюру австрийского офицера и последовать ее указаниям, особенно в отношении выбора резиденции, которая должна быть расположена по возможности дальше от места стоянки военных судов великих держав, чтобы албанский король не оказался под их гнетом и не воз-

будил у албанцев подозрения, будто он нуждается в защите иностранных держав против своих подданных. Читал ли Вид брошюру? Во всяком случае все его дальнейшее поведение находилось в резком противоречии с ее указаниями и с моими советами.

Королевская чета уехала в Албанию, и очень скоро произошло то, что я предвидел. Согласно сообщениям о прибытии государя в Албанию, королева, будучи сама немкой, обратилась с балкона к собравшимся албанцам с приветствием по-французски, так как по-немецки албанцы, видите ли, не понимают. «Двор» остался в Дураццо под защитой пушек с иностранных судов. Король не разъезжал верхом по стране, не разбрасывал с балкона цехинов даже в день своего прибытия в Албанию, не отстранил своевременно Эссада. В результате все приключение с албанским престолом закончилось так, как можно было ожидать.

Я несколько дольше остановился на описании моего поведения в процессе избрания албанского короля потому, что в связи с этим событием про меня с разных сторон распространялись ложные слухи, приписывающие мне в этом деле мотивы, от которых я был очень далек. И в данном случае я ответил на обращенный ко мне запрос лишь честным советом, продиктованным мне здравым смыслом.

Еще 1912 год ознаменовался для меня свиданием с русским царем в Балтийском порту, куда я, по приглашению Николая II, поехал на своей яхте. Обе наши яхты бросили якорь

друг около друга, так что сообщение между ними было очень легкое. Царь, его дети и все его приближенные состязались в проявлениях любезности и гостеприимства по отношению ко мне. Мы вместе осматривали русские и немецкие суда и обедали то у царя, то у меня. Одно утро мы провели на берегу Балтийского порта. На лугу выстроился 85-й Выборгский пехотный полк, шефом которого я был; полк был выстроен для парада. Затем были продемонстрированы батальонные упражнения, прошедшие так же хорошо, как и прохождение полка церемониальным маршем в конце. Полк, состоявший из 4 батальонов, производил превосходное впечатление. Он был в походном обмундировании; на солдатах были коричнево-серые рубашки и фуражки, причем последние были у всех молодцевато сдвинуты набок, что придавало загорелым воинственным лицам здоровых молодых солдат отважное выражение, которое должно было радовать каждый солдатский глаз.

Несмотря на оказанный мне прекрасный и необыкновенно любезный прием, мне, однако, не было сделано ни малейшего намека о заключенном незадолго до того балканском союзе. Это было мое последнее посещение России перед началом войны.

VI. Мои сотрудники в области управления

Не хочу скрывать, что сотрудничество со мной его превосходительства фон Стефана и общение с ним доставляли мне особую радость. Это был человек старой школы, очень хорошо ужившийся со мной. Поэтому все мои мысли и побуждения всегда находили у него живой отклик, и он проводил их в жизнь с той силой, которая характеризовала его убежденность в правильности того, что он делал. Человек железной энергии, неутомимой работоспособности, полный к тому же здорового юмора, наделенный зорким глазом в отношении оценки новых возможностей, очень сведущий в области политики и техники, он был как бы создан для творческого сотрудничества со мной. Я питал к нему безграничное доверие, которого он никогда не обманул. Я многому научился при общении с этим инициативным умным советником.

Почтовое дело достигло при нем небывалой высоты и вызвало изумление всего мира. Великое изобретение последнего столетия телефон было в широких масштабах использовано и приспособлено к обслуживанию и облегчению взаимных сношений. В области строительного дела Стефан также сделал решительный шаг вперед, встретив мое одобрение и поддержку.

Все большие государственные сооружения подлежали санкции Академии строительного дела, которая контролировала всякое строительство и являлась тогда медленно работающим, тормозящим любое дело отсталым учреждением. Я сам на личном опыте имел случай познакомиться с ним.

«Белый зал», сначала сооруженный на скорую руку как временное помещение для индийского маскарада «Lallah Rokh» в честь дочери Фридриха Вильгельма III принцессы Шарлотты и ее супруга, впоследствии царя Николая I, был совершенно бесстилен. Предпринятое, по моему приказанию, обследование выяснило, что материалы, из которых был сделан этот зал, поддельные и негодные. Зал в высшей степени обветшал и был сильно поврежден, так что требовалось отстроить его заново.

При участии и содействии вдовствующей императрицы возникли по этому поводу разные проекты и планы. Наконец, архитектор Ине представил мне проект здания, встретивший общее одобрение. Лишь строительная Академия долго противилась осуществлению проекта, считая, что надо сохранить «Белый зал» во всей его старинной «исторической красоте» и что он не нуждается в перестройке. Когда реконструкция его все же была закончена, она в конце концов понравилась и критически настроенным до тех пор господам из строительной Академии.

С Академией строительного дела вступил в конфликт и фон Стефан. Он задался целью перестроить или выстроить

заново целый ряд почтовых зданий, особенно в больших городах. Между тем при ужасающей медлительности и волоките, царившей в Академии строительного дела, он или вообще не получал оттуда ответа, или получал отрицательный ответ. В Академии господствовал схематизм. А фон Стефан придерживался того взгляда, что молодая германская империя и в своих постройках должна вызывать впечатление мощи, и потому почтовые здания должны воздвигаться в соответствующем духе. Почтовые здания, помимо того, должны были, по его мнению, подходить к общему стилю того или иного города или по крайней мере к стилю наиболее старинных и значительных зданий в городе. Я мог только высказать солидарность с этими принципами.

В конце концов дело дошло до разрыва с Академией строительного дела. Его превосходительство фон Стефан потерял терпение и доложил мне, что освободил свое ведомство и свои постройки от влияния Академии, составил сам особую комиссию из собственных архитекторов и чиновников и просит меня, чтобы и я со своей стороны контролировал все наиболее важные строительные планы. Я с этим охотно согласился.

Стефан был страстным охотником, и на дворцовых охотах я находил удовольствие в общении с этим бодрым, всегда уравновешенным, преданным чиновником и советником.

Из министров, которых я особенно высоко ценил, больше всех выделялся его превосходительство фон Микель. Бу-

дучи министром финансов в Пруссии, он провел там крупную финансовую реформу, поставившую страну на здоровый фундамент и содействовавшую ее расцвету. Общение с этим тонким политиком доставляло мне огромное наслаждение и богатый опыт. Осведомленность Микеля в самых разнообразных вопросах была поразительна. Его беседы были всегда оригинальны, остроумны и остры и по освещению, и по обоснованию затрагиваемых им тем. При этом через его изложение при освещении той или иной темы красной нитью проходила резко проявлявшаяся линия исторического анализа. Его познания по истории и древним языкам были прямо-таки легендарны. В докладах он мог, например, возвращаясь к временам римлян, черпать из сокровищницы своих знаний латинские цитаты для освещаемого предмета. Даже когда у него проскальзывал поучительный тон, он при своей блестящей диалектике никогда не был скучен и всегда до последнего момента приковывал к себе внимание слушателей.

Именно Микель, между прочим, поощрял меня к осуществлению грандиозных проектов проведения каналов и оказал мне содействие, когда прусские консерваторы, вступив в борьбу с проектом проведения внутреннего срединного канала, провалили его. Он поддерживал короля и уговорил его не уступать, пока не была, наконец, одержана победа. Он, как и я, знал, какое благодеяние принесли Голландии и Франции их каналы и как велико значение этих каналов в разгрузке железных дорог, к которым предъявляются все

большие требования. Во время мировой войны мы имели прекрасную восточно-западную водную транспортную линию для переправки вооружения, раненых, осадных орудий, продовольствия и т. п. Это позволяло частично разгруженному таким образом железнодорожному транспорту произвести в более широких размерах переброску солдат и уменьшило проблемы от недостатка угля. Но и в мирное время, для которого канал был предназначен, он приносил очень большие выгоды.

Микель был пламенным поклонником идеи германского кайзеризма и императорского величия Гогенцоллернов. Его глубокие рассуждения на эту тему находили во мне внимательного слушателя. Это был человек, который, опираясь на старые традиции, мыслил пангермански и по-кайзеровски и в то же время дорос до полного понимания требований нового времени, и в каждый данный момент он правильно оценивал их значение.

С самого начала я заботился о расширении железнодорожной сети. Из докладов об обороне страны, из жалоб Генерального штаба, как и из собственных наблюдений, я хорошо знал совершенно неслыханную отсталость Восточной Пруссии в отношении железных дорог. Это положение стало прямо-таки угрожающим в связи с постепенным, но не прекращающимся усилением русских войск у нашей границы и расширением русской железнодорожной сети.

В течение последних лет царствования императора Виль-

гельма Великого русские войска под влиянием Франции все более заметно стягивались к восточной границе Прусского королевства. Собранные там большие массы русской кавалерии заставляли бояться вторжения русских в Пруссию, Познань и Силезию. Император в связи с этим приказал фельдмаршалу Мольтке сделать ему доклад о положении. Генерал-квартирмейстер граф Вальдерзее и я присутствовали на этом докладе, результатом которого было решение передвинуть на восток прусские войска и взяться там за расширение железнодорожной сети, находившейся до того времени в пренебрежении.

Начатые по приказанию кайзера Вильгельма I работы в этом направлении требовали много времени, тем более что новые постройки, в особенности новые большие железнодорожные мосты через Вислу и Ногат, проводились военным ведомством лишь после долгой борьбы и при сильном противодействии со стороны железнодорожного ведомства Майбаха. На железные дороги смотрели как на «государственный кошелек», и всем хотелось строить лишь «прибыльные» участки. К затратам, обусловленным военными требованиями, направленными на оборону отечества, относились поэтому не слишком доброжелательно, ибо из-за них уменьшалась доходность железных дорог, чему придавалось такое большое значение. Намеченные императором Вильгельмом I мероприятия в отношении расширения железнодорожной сети были полностью осуществлены лишь в течение

моего царствования. Кто возьмет в руку карту железных дорог 1888 года, тот будет крайне изумлен недостатком железнодорожных сообщений в восточной части страны и особенно в Восточной Пруссии. Это особенно бросается в глаза, если сравнить эту карту с картой 1914 года, свидетельствующей о том, как много было сделано в области железнодорожного строительства за этот промежуток времени. Имея старую железнодорожную сеть, Восточная Пруссия погибла бы в 1914 году.

Министр фон Майбах, бесспорно, имеет большие заслуги перед железнодорожным ведомством. Он должен был считаться с желаниями и требованиями быстро развивающегося промышленного Запада, причем, конечно, по возможности принимались во внимание и военные интересы. Но восточная часть страны при этом министре терпела недостаток и в железнодорожных линиях, и в мостах, и в подвижном составе. В случае мобилизации на восток требовалось отправить сотни локомотивов, чтобы тамошние дороги могли хоть сколько-нибудь отвечать требованиям Генерального штаба. Для сообщения с востоком существовали лишь два устаревших решетчатых моста у Диршау и у Мариенбурга. Генеральный штаб стал настойчиво требовать улучшения положения, и в конце концов дело дошло до конфликта между ним и Майбахом. Лишь министр Тилен своей достойной признательности самоотверженной деятельностью произвел настоящий переворот в этом деле и, правильно оце-

нивая требования военного ведомства, содействовал сооружению дорог на востоке. Тилен был дельный, старательный, в высшей степени преданный мне и высоко ценимый мною старопрусский чиновник. Вместе с Микелем он вел борьбу за внутренний срединный канал, всегда находясь на стороне своего государя. Характерны для него слова, сказанные им в моем присутствии на многолюдном торжестве открытия Эльба-Травского канала в Любеке: «Срединный канал должен быть сооружен и будет сооружен». Отношения между мной и им до самого конца ничем не омрачились.

Несмотря на насыщенность запада железными дорогами, и там еще с точки зрения готовности железнодорожной сети к мобилизации были важные пробелы, которые уже давно следовало устранить. Рейн до Майнца можно было пересечь лишь по одному железнодорожному мосту; пересечь Майнц можно было исключительно у Франкфурта. Генеральный штаб давно требовал устранения этого дефекта. Это было тем более необходимо, что военные интересы вполне совпадали с общими потребностями сообщения. Если, например, кто-нибудь с запада хотел отправиться на Таунусские курорты или на правый берег Рейна, он должен был сначала проехать до Франкфурта, а оттуда снова в обратном направлении, хотя у Майнца он проезжал почти мимо Висбадена.

Министр Будде был призван для реорганизации железнодорожного дела в стране. Как бывший начальник железнодорожного отдела Генерального штаба, отличавшийся необык-

новенной работоспособностью, упорной энергией и быстро находивший решение любых вопросов, он уже давно был мне знаком. Он неоднократно докладывал мне о пробелах нашего железнодорожного дела, которые особенно скажутся, если необходимо будет быстро выступить сразу на двух фронтах. Постоянно указывая на русские и французские приготовления, он подчеркивал, что в интересах обороны страны мы должны противопоставить им такие же приготовления и с нашей стороны. Железнодорожное строительство, естественно, всегда имело прежде всего в виду подъем и совершенствование промышленности и торговли. Однако все возрастающая безграничная потребность последних в транспорте это строительство еще не могло удовлетворить, так как не хватало сети каналов, дополняющей железные дороги. Одновременно все возрастающая угроза войны на два фронта, для которой у нас по финансово-техническим причинам не было достаточных железнодорожных технических средств, заставляла нас в области железнодорожного строительства считаться в большей степени, чем раньше, с военными интересами. Россия с помощью французских миллиардов выстроила против нас громадную железнодорожную сеть. Во Франции железнодорожная сеть проектировалась с учетом нападения на Германию и беспрестанно расширялась проведением новых трех- и четырехколейных дорог, что для нас было еще совершенно незнакомо.

Министр Будде немедленно взялся за дело. Были соору-

жены второй большой железнодорожный мост через Рейн у Майнца и, помимо того, мост через Майн у Костгейма. Специально проведенные ветки установили сообщение с линией правого берега Рейна и с Висбаденом. Кроме того, был обеспечен железнодорожным сообщением треугольник у Бибрих-Мосбаха. Таланты министра блестяще выявились и в организации и дисциплинированности железнодорожного персонала, выросшего в целую армию, а также и в его предусмотрительных заботах о своих подчиненных.

Я искренно уважал этого полного сил деятельного человека. И когда коварная болезнь преждевременно унесла его в могилу, я глубоко сожалел о постигшей меня потере. В его превосходительстве фон Брейтенбахе я приобрел нового активного помощника и сотрудника в моих железнодорожных планах. В течение нескольких лет этот деятель вырос в выдающуюся личность. Мне был близок этот благородный и обязательный человек с разносторонними знаниями и широким политическим кругозором, одаренный к тому же большой работоспособностью. Его совместная работа с Генеральным штабом в военных делах базировалась на твердом убеждении в необходимости укрепить наши средства обороны против возможных нападений со стороны наших врагов. При нем была начата постройка трех новых мостов через Рейн у Рюдесгейма, Нейвида и Лореляй; закончить их удалось лишь во время войны, причем названы они были именами кронпринца, Гинденбурга и Людендорфа. На востоке были соору-

жены новые станции, мосты и линии; некоторые из них уже во время войны.

На западе Брейтенбахом был осуществлен еще целый ряд других крупных начинаний: большой мост через Рейн у Кельна взамен старого решетчатого моста, затем новый мост у Байертурма для товарных поездов и новые дороги в Эйфеле. По моей инициативе была также сооружена линия прямого сообщения от Гиссена до Висбадена с перестройкой Гамбургского и Висбаденского вокзалов и проведением ветки на Франкфурт и Гехст. Далее было установлено прямое сообщение из Флиссингена в Таунус. Но никогда нельзя угодить всем, и поэтому, как я хочу здесь вскользь упомянуть, мы подверглись резким нападкам со стороны владельцев франкфуртских гостиниц. Они, естественно, были не слишком рады тому, что уничтожались прежние пересадки, и Франкфурт терял свое значение перевалочного пункта, так как в связи с этим они лишились многих клиентов, прежде вынужденных проводить ночь во франкфуртских гостиницах.

Особенно энергично стали эти круги в оппозицию против Гехтской окружной ветки. В споре относительно внутреннего срединного канала выбор, наконец, был решен в пользу моих планов. Проведение его в жизнь производилось при Брейтенбахе по частям и с большим успехом. В той степени, в какой это сооружение уже тогда могло быть использовано, оно вполне оправдало наши ожидания.

Одновременно был расширен и углублен канал импера-

тора Вильгельма, что по своей сложности было равносильно почти проведению нового канала. У Эмдена был, помимо того, построен большой морской шлюз. Все эти сооружения в области строительства шлюзов и мостов являлись необыкновенными достижениями, возбуждавшими удивление во всем мире, ибо, что касается шлюзов, они, например, далеко превосходили Панамский канал. Трудные задачи были целиком и блестяще выполнены чиновниками. Поскольку строителем являлось в данном случае государство, все работы проводились большей частью под руководством прусского Министерства путей сообщения.

Я часто бывал в доме Брейтенбаха, где нередко велись беседы на хозяйственные и политико-экономические темы и где я имел возможность входить в общение с целым рядом выдающихся людей и обсуждать важные проблемы.

Планы всех больших вокзалов, шлюзов и мостов предварительно представлялись министром на мое рассмотрение и утверждение.

Я намеренно несколько дольше остановился на этой теме, чтобы показать: во-первых, какое влияние монарх может и должен оказать своей личной деятельностью на развитие своей страны; во-вторых, как его свободный от всяких партийных соображений выбор может поставить во главе ведомств дельных людей; в-третьих, какие блестящие достижения были сделаны при честном сотрудничестве этих людей с монархом, полным доверием которого они пользовались. В

нашей совместной работе все было ясно и честно.

Для нас имело значение только дело. Мы считались лишь с благом и развитием отечества, его укреплением и усилением для состязания на мировом рынке.

С Министерством просвещения я, как это и понятно, находился в постоянной и тесной связи. Господина фон Госслера и господина фон Тротта следует считать самыми значительными и выдающимися руководителями этого ведомства, в лице директора Альтгофа обладавшего почти исключительно в своем роде сотрудником.

Из собственного опыта моих школьных лет я знал теневые стороны гимназического воспитания. Преимущественно филологический характер образования приводил к известной односторонности всего воспитания. С 1874 по 1877 год я мог наблюдать в Кассельской гимназии, как молодежь, хоть и охваченная энтузиазмом в связи с событиями 1870 1871 годов и образованием новой империи, все же совершенно не была проникнута подлинной идеей германизма и чувством «*civis germanus sum*», к которому я впоследствии, при закладке Зальцбурга, призывал свой народ. Создать такое настроение и разбудить его в подрастающем поколении, заложить твердый фундамент таких убеждений и чувств в молодых сердцах эта задача едва ли была по силам нашим педагогам при господствовавшем в нашей школе учебном плане с несколько окостеневшим античным филологическим уклоном. Преподавание отечественной истории, которая в

особенности должна заставить пламенеть молодые сердца и укреплять в них любовь к родине, ее будущности и величию, находилось в совершенном загоне. С историей новейшего времени, начиная с 1815 года, учащихся знакомили очень мало. Школа воспитывала молодых филологов, а не пригодных к практической работе на пользу расцветающего молодого государства немецких граждан; другими словами, *из школ не выходили сознательные немцы*. В небольшом кружке моих одноклассников я часто пытался говорить о пангерманской идее, чтобы бороться с сепаратистскими и другими враждебными пангерманизму веяниями. «Книга о германском флоте» адмирала Вернера была одной из немногих книг, которая могла бы зажечь в сердцах юношества огонь живой любви к Германской империи.

Наряду с односторонностью школьного образования мне особенно бросались в глаза житейские планы тогдашнего юношества. Молодежь того времени преимущественно занимала мысль, как бы сделать карьеру в качестве чиновника, причем достичь звания юриста или асессора всегда считалось самой достойной целью. Это объясняется тем, что быт старой Пруссии еще давал себя чувствовать и в молодой Германской империи. Пока государство состояло преимущественно из правительства и чиновничьего аппарата, стремление немецкого юношества к чиновничьей карьере было понятно и обосновано: в чиновничьем государстве это и был для молодого человека настоящий путь к служению

отечеству. Уверенные в себе, сильные благодаря спорту британские мальчишки, с которыми я познакомился в Итоне, конечно, уже тогда говорили о колониальных завоеваниях, об экспедициях для исследования новых земель, о распространении британской торговли. Они стремились увеличить и укрепить Великобританию в качестве пионеров своего великого отечества посредством практической свободной деятельности, а не в качестве государственных служащих. Англия давно уже была мировым государством, в то время как мы еще были чиновничьим. Поэтому английская молодежь могла себе ставить более крупные и далеко идущие цели. Но, после того как Германия также вступила в качестве ценного фактора в мировое хозяйство и мировую политику, круг идей немецкого юношества должен был бы видоизмениться несколько более быстрым темпом. Поэтому я в позднейшие годы моего царствования с беспокойством сравнивал гордых молодых британцев, изучавших латинский и греческий языки гораздо меньше, чем это требовалось у нас, с бледными, переучившимися детьми моей страны. Конечно, и тогда уже в Германии были предприимчивые люди, в доказательство чего можно привести ряд блестящих имен. Но мысль о том, что можно служить отечеству не по определенному официальному, проторенному пути, а свободным соревнованием, еще не укрепилась у всех в достаточной степени. Я привел английский пример потому, что мне кажется более правильным брать без предубеждения все хорошее, где бы его ни

находили, чем ходить с шорами на глазах.

Именно поэтому я, будучи кайзером, повел борьбу за школьную реформу для моего немецкого юношества, встретив отчаянное сопротивление и со стороны филологии внутри министерства и вне его, и со стороны педагогических кругов. К сожалению, реформа вышла не такой, какую я задумывал, и привела не к тем результатам, на которые я надеялся.

Идея германизма во всем ее величии была разъяснена изумленному немецкому народу только Чемберленом в его книге «Основные черты XIX столетия». Но, как показывает гибель немецкого народа, это было напрасно. Немцы распевали, правда, «Германия превыше всего», но вместе с тем они, по приказанию врагов, позволили свергнуть кайзера, уничтожить империю, подчинившись руководству русских преступников, в культурном отношении стоявших неизмеримо ниже их, и вонзив таким образом кинжал в спину собственной тягостно борющейся армии. Если бы немцы всех сословий и всех званий были воспитаны на чувстве гордости своим отечеством, такое самоуничтожение большого народа было бы немислимо. Это унижение, происшедшее, несомненно, при особых, в высшей степени тяжелых обстоятельствах, является тем менее понятным, что в мировой войне немецкое юношество, хоть и переучившееся и не столь закаленное спортом, как английское, совершило поистине неслыханные деяния. 1914 1918 годы показали, чем мог бы

стать немецкий народ, если бы он правильно развивал свои превосходные качества. 4 августа 1914 года, герои Лангемарка, бесчисленные великолепные фигуры немцев всех сословий в нужде и смертельных опасностях долгой войны все это показывает, на что способен немец, когда он отбрасывает в сторону филистерство и с воодушевлением, которое у него так редко открыто проявляется наружу, берется за великое дело. Пусть немецкий народ никогда не забудет об этих воплощениях своего лучшего национального «Я» и всеми силами стремится им подражать, навсегда восприняв их подлинно немецкий дух.

На посту министра юстиции я застал уважаемого друга моего отца его превосходительство фон Фридберга, которого еще со времен моей юности я знал как желанного гостя в родительском доме. Я питал к нему такое же глубокое уважение, каким этот простой общительный человек пользовался у моих родителей.

В последние годы я охотно и часто бывал у его превосходительства Безелера. В его доме я имел возможность слышать из уст собиравшихся у него знаменитых юристов непринужденное обсуждение многих интересных правовых проблем и входить в общение с юридическими авторитетами. К юристам самим по себе я не чувствовал особого влечения, так как, по моему мнению, в юриспруденции часто проявляется слишком много педантизма, оторванности от жизни и доктринерства. Однако составление гражданского уло-

жения очень интересовало меня. Я принимал участие в заседаниях, связанных с этим вопросом, и гордился тем, что это фундаментальное немецкое творение было закончено в мое царствование. Когда во время моего пребывания в Англии я встретился однажды на завтраке у лорда Гальдана с верховным судьей Англии, я спросил великого юриста, каково он мнения о германском суде. Его ответ гласил: «Вы судите по букве закона; мы же судим по смыслу и содержанию закона». Я часто подчеркивал, как печально то, что у нас не может быть введено быстрое судопроизводство английской «Police Court» при правонарушениях полицейского характера, нарушениях правил сообщения и т. п. В Англии наказания в таких случаях объявляются уже на следующий день, тогда как в Германии в собирании материала, допросах свидетелей проходят часто месяцы, и в конце концов нередко незначительное наказание налагается тогда, когда сам проступок уже давно забыт. Тяжелые наказания, которые налагаются в Англии за клевету в печати, я охотно ввел бы и в Германии.

У министра финансов фон Шольца я, еще будучи принцем, был некоторое время как бы вольнослушателем, принимая участие в заседаниях, в которых играл большую роль знаменитый Мейнеке. Он был помощником статс-секретаря в Министерстве финансов, и поэтому ему приходилось часто иметь дело с другими министрами, ибо финансы имели одинаково важное значение для всех. Он достиг некоторой попу-

лярности тем, что, постоянно улыбаясь, всегда находил наилучший, как он уверял, выход из всех затруднительных положений. Шольц был толковый и преданный долгу чиновник, но ему не удавалось заинтересовать меня скучной материей о налогах и т. п. Иначе было при опытном Микеле, в руки которого министерство перешло после Шольца. Я уже говорил об этом талантливом человеке. Представив доклад о прусской финансовой реформе, он предложил мне три проекта: небольшой, средний и предусматривающий широкие финансовые реформы. К радости министра, я без колебаний высказался за последний. Государь и министры с большим удовлетворением встретили осуществление реформы. Министр внутренних дел фон Путткамер во время 99 дней царствования моего отца был вынужден, к большому огорчению тогдашнего кронпринца, подать в отставку. Это был дельный, испытанный старопрусский чиновник и преданный королю истый померанец, джентльмен до мозга костей. О нем ходила молва, что своим падением он был обязан интригам императрицы Виктории, супруги Фридриха III. Но это неверно. Императрица, сочувствуя английскому либерализму, правда, не терпела старопрусского консервативного министра, но виновницей его отставки она не была. Возможно, что князь Бисмарк устранил его, считаясь с нелюбовью к нему императрицы.

Лесное хозяйство и практическое содействие его развитию всегда были близки моему сердцу, тем более что лесо-

водство могло доставить государству новые денежные ресурсы.

Наряду с господином фон Подбельским барон фон Шорлемер был самым дельным министром земледелия. Фон Подбельский стремился организовать на востоке в крупном масштабе лесоводство с целью защиты этих областей лесной преградой от восточного ветра и улучшения, таким образом, климата, стараясь в то же время создать естественную преграду против русского вторжения. В то же время Шорлемер благодаря сооруженным им большим дорогам существенно содействовал облегчению вывоза леса из восточных лесных округов и увеличению конкурентоспособности с русским лесом. Оба министра в союзе со мной стремились поднять наш прекрасный прусский персонал, работающий в лесном хозяйстве, и улучшить условия его существования, чего эти особенно близкие мне, всегда работающие, преданные королю чиновники вполне заслуживали. От честности этих чиновников, их усердия и преданности делу зависел и приток больших сумм в государственную казну. От политического такта и способности г-на фон Шорлемера, всегда ясно знающего свои цели, я жду еще многого для восстановления нашего отечества. Его недавняя смерть в расцвете его плодотворной деятельности является тяжелой потерей для отечества.

В области лесоводства я многому научился от знатоков лесного дела барона фон Гевеля и барона Шпека фон Штерн-

бурга во время моих охотничьих поездок с этими великолепными охотниками и администраторами.

Интересно привести здесь один характерный русский курьез. Царю, часто слышавшему о крепких рогах роминтенских оленей, захотелось иметь таких же оленей и в Спале (Польша). Для инструктирования в этом направлении летом был послан в охотничий замок в Спале барон фон Штернбург. В замке его очень предупредительно встретил генерал, которому тамошняя охота была подчинена. Штернбургу бросилось в глаза, что все помещения, даже необитаемые покои, постоянно отапливались. Когда он обратил внимание генерала на огромный расход дров, тот, пожав плечами, сказал, что никогда нельзя знать заранее, не приедет ли в Спалу царь. К Штернбургу был приставлен специалист-немец, так как сам генерал не был знаком с округом и ничего не понимал в вопросах разведения зверей.

Во время поездок Штернбург нашел много мест, где можно было устроить хорошие луга или специальные площади для откорма животных. Он обратил внимание на необходимость подобных мероприятий, так как звери начали уже обдирать кору, нанося этим большой вред деревьям. Немец, печально покачав головой, рассказал, что он уже Докладывал об этом, но безрезультатно, ибо сено для зверей нужно получать по железной дороге с Черного моря. Сено часто либо вовсе не прибывает, либо прибывает с сильным запозданием или в испорченном виде. Это положение, однако, изменить

нельзя, ибо слишком много людей зарабатывают на этих поставках, за которые платят громадные деньги. Помимо этого, он обратил внимание чиновников на многочисленные древесные остатки, которые при вскрытии находили во внутренностях животных, что свидетельствовало о недостаточном их питании и подтверждало необходимость устройства пастбищ. По этому поводу была вызвана из Петербурга специальная комиссия ветеринарных врачей. В течение многих недель комиссия эта жила на царский счет в Спале. Застрелив многих зверей, она их исследовала и устраивала заседания. Результат был такой: найдя у зверей в желудке древесные остатки, ветеринары решили, что животные могут этим жить и что устройство пастбищ поэтому излишне; поэтому доставляемого с Черного моря сена как добавочной пищи вполне достаточно. Так осталось и в дальнейшем, несмотря на посещение Спальского замка Штернбургом.

Когда я услышал эту историю, то невольно вспомнил об анекдотичном случае, о котором князь Бюлов любил вспоминать, рассказывая о периоде своего пребывания в Петербурге. Он там часто бывал в салоне мадам Дурново, где собиралось высшее общество. Однажды один высокопоставленный генерал пожаловался хозяйке, что он попал в какую-то «денежную историю», причинившую ему большие неприятности «сверху». Генерал, по-видимому, хотел своим рассказом возбудить сочувствие к своему несчастью, но мадам Дурново коротко и с обычной своей резкостью бросила ему:

«Мой дорогой генерал, когда делают нечистые дела, надо по крайней мере иметь при этом счастье».

В качестве статс-секретаря по делам почт и телеграфов фон Подбельский, которого я сам выбрал после отклонения целого ряда кандидатур, умело следуя по стопам Стефана, успешно выполнял возложенные на него задачи. Человек очень практичный, прекрасно знающий свое дело, опытный и сведущий в финансовых вопросах, с прирожденным административным талантом и к тому же находчивый и одаренный едким остроумием, хороший оратор, он часто с большой энергией и ловкостью действовал там, где нужно было впервые проложить себе путь, особенно в вопросах международного почтового сообщения, радиотелеграфа и т. п. Этот бывший гусарский полковник на службе своему отечеству составил себе имя, которое никогда не забудется. Забавный контраст с его карьерой составляет карьера одного русского гусарского полковника при Николае I. Сильно разгневавшись однажды на святейший синод, царь прогнал его председателя. Спустя некоторое время он осматривал лейб-гвардии гусарский полк, находившийся под командой полковника графа Протасова. Высочайшее удовлетворение царя превосходным видом и прекрасной маршировкой полка нашло себе совершенно неожиданное выражение в словах царя, обращенных к командиру: «Ты превосходно провел свой полк. В знак того, что я доволен тобой, назначаю тебя прокурором святейшего синода. Ты приведешь мне его в порядок».

Здесь, между прочим, необходимо упомянуть и о превосходном, достойном уважения человеке министре Меллере. Будучи, как и Гинцпетер, родом из Билефельда, он был в дружеских отношениях с моим старым воспитателем. Являясь одним из корифеев национал-либеральной партии, он пользовался в рейхстаге большим уважением со стороны всех партий за свой прямой, благородный характер вестфальца и большой опыт в вопросах торговой политики. Когда рейхсканцлер князь Бюлов предложил мне назначить Меллера министром торговли, я обратил его внимание на то, что тот член партии и депутат. Канцлер по этому поводу сказал, что национал-либералы будут приятно изумлены назначением Меллера. Я, однако, заметил, что кабинет министров прусского короля не может и не должен быть партийным, а обязан быть независимым от каких бы то ни было партий и стоять выше их. Персонально я очень ценю Меллера, прибавил я, но если он станет министром, то скоро на такую же должность станет зариться каждый парламентарий. В связи с назначением Меллера и в других партиях разгорятся аппетиты к министерским портфелям, последствий чего нельзя даже и предвидеть.

Кроме того, отсутствие Меллера будет сильно ощущаться в парламенте, где я как раз не хочу его лишиться из-за его популярности у всех партий. Несмотря на мои возражения, Бюлов настоял на своем. Меллер стал министром и в качестве такового был в очень хороших отношениях со мной. Срав-

нительно скоро, однако, произошло то, что я предсказывал: по разным обстоятельствам, имевшим значение и внутри его партии, министр Меллер вынужден был уйти с министерского поста.

VII. Наука и искусство

С живым интересом я всегда следил и всячески старался содействовать решению вопросов науки, искусства, открытий, врачебного дела и т. п., входящих в широкую и многостороннюю область, заботы о которой лежат на обязанности Министерства просвещения.

Особое удовлетворение доставляло мне содействовать развитию высших технических школ. Возрастающее значение техники привлекало в эти учебные заведения все больше даровитой молодежи, а достижения работавших там преподавателей, как и выходивших оттуда молодых инженеров, приносили немецкому имени все большую славу во всем мире.

Профессор Слаби, имевший мировое имя, был одним, из самых выдающихся ученых среди шарлоттенбургских преподавателей. До самой своей смерти он находился в живом общении со мной, своими увлекательными речами вводя меня в курс всех новейших изобретений. Наши беседы происходили не только в лаборатории, но и в тихом охотничьем домике в лесу, где я вместе с императрицей в небольшом кругу лиц с напряженным интересом внимал словам Слаби. Он был мне близок и как человек, неоднократно доставляя мне подлинное духовное наслаждение своим простым и ясным отношением к самым разнообразным вопросам, кото-

рые он всегда умел освещать в увлекательной и захватывающей форме. Слаби имел для меня большое значение, и я навсегда сохранил благодарное расположение к этому умному человеку.

Под впечатлением достижений высших технических школ и таких людей, как Слаби, Инце и др., я решил пожаловать этим школам такое же право представительства в верхней палате, каким обладали университеты. Но университеты заявили министру просвещения энергичный протест против этого. Завязалась жестокая борьба с тщеславием ученых-классиков, длившаяся до тех пор, пока я, наконец, соответствующим указом не добился своей цели. Слаби получил мое телеграфное сообщение об указе, находясь в лаборатории на лекции, и тут же сообщил об этом студентам, встретившим радостную новость восторженными криками. Высшие технические школы оказались достойными оказанной им чести.

При ожесточавшейся борьбе за мировой рынок и районы сбыта повелительно выдвигалась необходимость использовать в этих целях знания корифеев немецкой науки, предоставив им больше свободы, покоя, возможности работать и материальных средств. Многим выдающимся талантам учебная деятельность мешала в их исследовательской работе, и для нее в их распоряжении оставались только каникулы. Это положение создавало переутомление и переобремененность работой, которые необходимо было устранить. В первую оче-

редь нужно было оказать содействие развитию химии. Ясно учитывая создавшееся положение, министр фон Тротт и директор департамента Альтгоф помогли мне основать «Общество императора Вильгельма» и набросали его устав. За короткое время своего существования общество сделало много полезного и дало мне возможность познакомиться во время общих собраний с выдающимися учеными в разных научных дисциплинах, с которыми я потом регулярно поддерживал сношения. Я посещал и научные лаборатории и мог таким образом следить за ходом их работы. Был основан ряд новых лабораторий, а некоторые старые получали материальную поддержку благодаря взносам членов Общества. Я был горд своим созданием, ибо оно оказалось полезным для отечества: изобретения исследователей членов Общества послужили на пользу всему народу. Это начинание с мирными целями и многообещающим будущим находилось в опытных руках г-на фон Тротта. К сожалению, война наряду со всеми другими радостями похитила у меня и эту. Я не могу теперь поддерживать общение с учеными из организованного мной Общества, что для меня очень тяжело. Пусть это мое начинание продолжает жить и работать на пользу науки и на благо отечества.

Тяжелую борьбу пришлось мне выдержать, когда я вызвал в Берлин профессора Гарнака. Правее стоящие теологи и ортодоксы резко протестовали против назначения Гарнака профессором в Берлине. После того как я еще раз посо-

ветовался с Гинцпетером, высказавшимся в том смысле, что для Берлина и Пруссии будет чрезвычайно печально, если я уступлю в этом вопросе, я настоял на назначении Гарнака, и оно состоялось. В настоящее время тогдашнее противодействие назначению Гарнака является совершенно непонятным такой крупной личностью является Гарнак, такое господствующее положение он завоевал себе в духовном мире. Сколько пользы и знаний я извлек из живого интимного общения с этим великим талантом. Как много сделал он, став руководителем королевской библиотеки и деканом правления «Общества императора Вильгельма», в качестве которого он, будучи сам теологом, произносил самые вдохновенные и содержательные речи о точных науках, об исследованиях и изобретениях в области химии и т. п. Я всегда охотно буду вспоминать о личности Гарнака и о его деятельности.

Профессор Эрих Шмидт из Берлинского университета был тоже близок мне и часто у меня бывал. Талантливым речам этого подлинного немца я обязан многими приятными вечерами.

Моим особым доверием пользовался профессор Шиман прямолинейный балтиец и передовой борец за германизм в противовес панславизму, проницательный политик и блестящий историк и писатель. Я постоянно привлекал его в качестве советника *in rebus politicis* и в вопросах, связанных с историей. Ему я обязан многими ценными сведениями, особенно в области ориентирования в восточных делах. Он

часто бывал у меня в доме и, как, например, при посещении Танжера, неоднократно сопровождал меня в поездках. В беседах я делился с ним, между прочим, важными секретными материалами о неизвестных еще никому политических событиях. Его непоколебимая скрытность оправдывала мое доверие. Для меня было большим удовлетворением, когда после освобождения Балтики я мог назначить этого испытанного человека попечителем Дерптского университета. Совпадение наших политических взглядов на Россию хорошо иллюстрирует следующий факт. После Портсмутского мира, заключенного в 1905 году между Россией и Японией при посредничестве моем и президента Рузвельта, в Берлине и с официальной стороны (со стороны Министерства иностранных дел), и с неофициальной строилось много предположений о том, какой политической линии будет придерживаться Россия в дальнейшем. В общем преобладал тот взгляд, что озлобленная своим поражением Россия склонится на сторону Запада, стало быть Германии, чтобы найти здесь те связи и подкрепления, с помощью которых она могла бы нанести ответный удар Японии, снова отвоевав потерянные области и восстановив таким образом свой престиж. Я придерживался совершенно иного мнения, которое, однако, официально не мог закрепить. Я подчеркивал, что русские одновременно и азиаты, и славяне. Как азиаты, они, несмотря на свое поражение, питают расположение к Японии; как славяне, они охотно вступят в союз с теми, кто по-

казал уже однажды им свою силу. Поэтому я пришел к заключению, что, несмотря на соглашение в Бьёрке, Россия через некоторое время пойдет не с Германией, против которой она позже даже обратит свои силы, а с Японией. И в официальных, и в неофициальных кругах меня открыто осмеивали за подобные фантазии. Я вызвал Шимана и, не высказывая ему своей точки зрения, спросил его мнение по этому поводу. И был очень удовлетворен, когда в ответ Шиман изложил именно мои мысли. Долгое время Шиман и я оставались почти одиноки в своих взглядах по этому важному вопросу внешней политики. События доказали впоследствии нашу правоту. Берлинские так называемые знатоки России ошиблись, а с ними и другой официальный мир.

Уже в первые дни царствования передо мной встал вопрос о необходимости некоторых художественных построек. Прежде всего надо было воздвигнуть достойный моего деда и бабушки надгробный памятник. Старый мавзолей в Шарлоттенбурге был уже недостаточен, и требовалась пристройка к нему. К сожалению, денежные средства, отложенные для таких «экстренных сооружений» императором Вильгельмом Великим, так называемый чрезвычайный строительный фонд, были израсходованы на другие нужды во время 99 дней царствования Фридриха III. Таким образом, я вынужден был обременить казну непредвиденными расходами. Мавзолей моих родителей в Марли, на который я также должен был предоставить средства, был сооружен Импера-

трицей Викторией, вдовой Фридриха III, по ее собственным рисункам и планам. Подробный осмотр королевских дворцов в столице и в провинции обнаружил, особенно в Берлинском дворце, в их состоянии санитарном, жилищном и т. д. такие серьезные дефекты, что нельзя было дольше откладывать их устранение. С большим трудом и терпением, но вместе с тем и с радостью я в течение моего 30-летнего царствования с помощью архитекторов, художников и т. п., уважая старые традиции моих предшественников, снова привел в порядок дворцы, руководствуясь при этом заботливо составленными сметами, лично проверенными и исправленными мной.

При перестройке Берлинского дворца много помогли тонкий вкус вдовствующей императрицы и ее прекрасное знакомство со стилями. Особый интерес имеет следующее суждение моей матери: «Каждый стиль хорош, пока он чист». Эkleктизм 90-х годов архитектор Ине называл «стиль à peu près». Последним творением господина фон Ине, к сожалению, слишком рано скончавшегося, была реставрация картинной галереи, законченная лишь в начале войны. С трудом восстановленный дворец моих отцов, которым я так гордился, был впоследствии обстрелян, взят приступом, разграблен и опустошен революционными бандами. Подобные художественные сооружения, как произведенные мной постройки и упомянутая уже реставрация Белого зала, лежат на попечении каждого государства, будь оно абсолютистским, кон-

ституционным или демократическим. Они являются мериллом культурного уровня страны и содействуют расцвету искусства. В часы отдыха я занимался археологией и раскопками. При этом я стремился установить корни, из которых развилась эллинская античная культура, и отыскать нити влияния Востока на Запад в культурном отношении. Особенно важной мне казалась ассириология, ибо от нее можно было ожидать освещения и разъяснения Ветхого Завета. Поэтому я с радостью принял предложенное мне председательское кресло в немецком обществе изучения Востока и углубился в его работы, успеху которых я по мере своих сил содействовал. Я никогда не пропустил ни одного из публичных докладов этого общества. Я поддерживал оживленную связь с правлением общества и просил постоянно докладывать мне о раскопках в Ниневии, Ассуре, Вавилоне, Египте и Сирии. Для защиты и облегчения этих раскопок я часто лично входил в сношения по этому поводу с турецким правительством. Член общества изучения Востока профессор Делич прочел свой известный, вызвавший много возражений доклад на тему «Вавилон и Библия», нашедший, к сожалению, еще слишком несведущую и почти неподготовленную аудиторию и давший повод к разного рода ложным толкованиям и нападкам, исходившим, между прочим, и из церковных кругов. Всеми силами я старался помочь выяснению этих недоразумений. Сознывая, что широкие круги еще недостаточно понимают и оценивают значение ассириологии,

занимавшей умы многих выдающихся людей, в том числе и духовных лиц обоих вероисповеданий, я распорядился через моего испытанного друга и блестящего театрального деятеля графа Гюльзен-Гезелера поставить в театре пьесу «Ашшур-банипал», которая и была показана после долгой подготовки под наблюдением немецкого общества изучения Востока. На генеральную репетицию были приглашены ассириологи всех стран. В ложах были видны пестрые группы профессоров, протестантских и католических духовных лиц, евреев и христиан.

Многие благодарили меня за то, что этим представлением я показал, как далеко продвинулась уже археологическая наука, и вместе с тем раскрыл перед широкой публикой значение ассириологии.

Пребывание на Корфу также доставило мне приятный случай послужить археологии и лично заняться раскопками. Случайная находка рельефного изображения головы Горгоны вблизи города Корфу побудила меня самого приняться за работу по раскопкам. Я вызвал на помощь авторитетного археолога и знатока греческих древностей профессора Дерпфельда, который и взял на себя руководство этими раскопками. Профессор, будучи, как и я, восторженным поклонником эллинской культуры, с течением времени стал моим преданным другом и неоценимым источником познаний по строительному искусству, вопросам стиля древних греков и ахейян.

Было настоящим наслаждением слушать, как Дерпфельд читает и объясняет стихи Гомера, смотреть, как он восстанавливает на карте, по намекам и описаниям поэта, древние ахейские поселения, разрушенные в эпоху переселения дорян. Названия древних селений, по-видимому, часто переносились переселявшимися обитателями их на свои новые места, что значительно затрудняет точное установление местоположения древних селений. Несмотря на это, Дерпфельд с Гомером в руках в качестве «Бедекера» разыскал целый ряд их, узнавая местность по точным географическим описаниям поэта. Это так меня заинтересовало, что я вместе с императрицей и в сопровождении Дерпфельда предпринял поездку по морю, чтобы самому посмотреть на открытия профессора. Мы поехали в Лейкас (Итака) и одно за другим посетили там известные по «Одиссее» места, причем Дерпфельд прочитывал соответствующий текст из Гомера, описывающий данное место. Пораженный, я должен был согласиться с тем, что в каждом отдельном случае местность вполне соответствовала описанию ее Гомером. Начатые мной под руководством Дерпфельда раскопки на Корфу дали весьма важные результаты для археологии, доказав крайне древний возраст самого раннего дорического искусства. Уже найденное рельефное изображение Горгоны дало повод к многочисленным гипотезам, правдоподобным и неправдоподобным, к сожалению, связанным с излишней полемикой. По-видимому, здесь наметилась та нить между Азией и Европой, которую

я искал. Я регулярно посылал доклады в археологическое общество, привлек к сотрудничеству и известного профессора Каро из Афин и был занят приготовлениями к докладам, которые намечалось прочесть перед обществом зимой 1914-1915 годов. После этого предполагалось открыть широкую дискуссию по многим спорным вопросам из докладов, в решении которых *sine ira et studio* («без гнева и пристрастия») я надеялся быть полезным. Я имел удовольствие почти регулярно принимать в Корфу английских и американских археологов, бывших учеников Дерпфельда, принимавших горячее участие в освещении часто возникавших сложных проблем. Они работали в Малой Азии. И для меня было крайне интересно слышать, какое важное значение они, на основании своих изысканий, придавали влиянию Азии на происхождение раннего эллинского искусства, находя следы Востока в раскопках на Корфу. В 1914 году профессор Дун из Гейдельберга посетил место раскопок на Корфу и после их подробного изучения согласился с выводами Дерпфельда и моими. О результатах моих раскопок на острове Корфу я расскажу подробнее в особом произведении.

Таковы были весной 1914 года занятия германского кайзера, который, кровожадно думая о грабеже и завоеваниях, якобы начал мировую войну. Пока я в Корфу занимался раскопками и спорил о Горгонах, дорических колоннах и Гомере, на Кавказе и в России уже начали мобилизацию против нас. Еще в начале года царь на вопрос о том, куда он намерен

в этом году поехать, ответил: «Я останусь в этом году дома, потому что у нас будет война».

VIII. Мое отношение к церкви

О моем отношении к церкви много писали и говорили. Еще будучи принцем и учась в Бонне, я имел случай наблюдать вредные последствия так называемой «культурной борьбы» в ее последней стадии. Религиозная пропасть действовала так разъединяюще, что, например, на одной охоте меня прямо бойкотировало рейнско-вестфальское ультрамонтанское высшее дворянство. Уже тогда я в национальных интересах решил действовать в том направлении, чтобы создать *modus vivendi*, который должен был сделать возможным мирное сожительство обоих вероисповеданий. Культурная борьба как таковая окончилась еще до моего восшествия на престол.

Я всегда терпеливо и заботливо стремился сохранить хорошие отношения с епископатам и с отдельными князьями церкви. Особенно в хороших отношениях я был с кардиналом Коппом, архиепископом Симаром, д-ром Шульте, епископом Бертрамом, епископом Тилем и last not least с архиепископом Фаульгабером и кардиналом фон Гартманом. Все они люди, высоко возвышающиеся над средним уровнем, краса германского епископата, патриотизм которых по отношению к кайзеру и государству проявился в полной мере во время войны. Именно это последнее обстоятельство свидетельствует о том, что мне удалось снова рассе-

ять туман «культурной борьбы» и, следуя принципу «suum cuique» («каждому свое»), сделать возможным и в подданных католиках вызывать чувство любви к своему государству. Особенно тесно я был всю жизнь связан с епископом Бреславльским кардиналом Коппом. Он всегда лояльно служил мне; мое отношение к нему было преисполнено доверия. Для меня было очень ценно его посредничество между мной и Ватиканом, где он пользовался большим уважением, несмотря на то, что всецело отстаивал при этом германскую точку зрения. Обществу мало известно о дружески доверчивых отношениях, существовавших между папой Львом XIII и мной. Какой-то близкий к папе прелат впоследствии рассказывал мне, что уже при первом моем посещении я завоевал доверие папы абсолютной откровенностью, с которой я подошел к нему и с которой между прочим сказал ему такие вещи, какие обычно от него утаивались.

Приемы у папы были обставлены необычайно пышно. Папская гвардия в блестящих мундирах, служители, камергеры и многочисленные духовные сановники в большом числе все это отражало в миниатюре подлинную картину мощи римско-католической церкви. Пройдя через дворы, покои и залы, где выстроились все эти люди, я, наконец, очутился в небольшом с одним окном рабочем кабинете папы. Почтенный старик со своей благородной седой головой и тонким лицом с большими умными глазами, которые насквозь пронизывали посетителя, произвел на меня сильное впечатление.

Мы обсудили много стоявших на очереди вопросов. Я сердечно радовался тому, что папа с признательностью и благодарностью отметил благоприятное положение католической церкви и ее сторонников в Германии, присоединив к этому свои заверения в том, что и он, со своей стороны, постарается, чтобы немецкие католики не отставали от других немцев в любви к отечеству и преданности ему.

Папа Лев XIII, где только мог, оказывал мне всяческие любезности. Так, например, при одном из моих посещений Рима он отметил мою свиту и моих служителей, удостоив их особой аудиенции. На освящение выстроенного мной портала Мецского кафедрального собора он послал в качестве папского легата епископа Коппа и выказал мне особое внимание, дав знать о назначении в ознаменование этого дня, архиепископа Фишера (из Кельна) кардиналом. К 25-летию юбилею папы (в 1903 году) я передал мои поздравления Льву XIII через особую миссию, во главе которой находился генерал-адъютант барон фон Лоэ, в продолжение многих лет стоявший близко к папе.

Вскоре после этого за несколько месяцев до смерти папы я нанес ему третий и последний по счету визит. Несмотря на свою сильную слабость, 93-летний старик пошел ко мне навстречу, протягивая обе руки. По поводу этого визита, отличавшегося большой сердечностью с обеих сторон, я тогда же сделал себе заметки, недавно снова попавшие мне в руки.

Папа между прочим сказал мне тогда, что он вполне при-

знает и одобряет принципы, которыми я руководствуюсь в управлении страной. Он с интересом следит, прибавил он, за моим правлением и с радостью убедился в том, что я построил свое царствование на твердой христианской основе. Мое управление зиждется на таких высоких религиозных принципах, что он не может сделать ничего иного, как призвать благословение неба на меня, на династию и на германское государство, посылая свое апостольское благословение. Крайне интересными показались мне при этом слова папы о том, что Германия должна стать мечом католической церкви. Я возразил, что Священной Римской империи немецкой нации уже больше не существует и что условия изменились. Но он остался при своем. Папа далее заявил, что должен снова высказать мне горячую благодарность за то, что я неустанно пекусь также и о благе моих католических подданных. Он-де так много слышал об этом с разных сторон, что считает необходимым сказать мне лично, как благодарны мне за это попечение и он, и германские католики. Он может меня заверить, что мои католические подданные и в хорошие, и в плохие минуты всегда останутся всецело преданными мне. «Они останутся абсолютно и непоколебимо верными», буквально сказал папа.

Я был сердечно рад этому признанию, исходившему из уст такого авторитетного лица, и заметил, что считаю долгом христианского государя заботиться по мере сил о своих подданных без различия вероисповеданий. Я могу заверить,

сказал я, что в мое царствование каждый может беспрепятственно исповедовать свою религию и исполнять свои обязанности по отношению к своему церковному главе. Это мой жизненный принцип, от которого я никогда не отступлю.

Поскольку я с самого начала доказал своим католическим подданным, что не намерен посягать на их свободу вероисповедания, в стране вскоре создалось более спокойное настроение, и дурные последствия «культурной борьбы» постепенно исчезали. Однако я не скрывал от себя, что, несмотря на всю вежливость и предупредительность по отношению ко мне, князя церкви, за исключением кардинала Коппа, все же видели во мне еретика. И я должен был считаться с тем, что на католическом юге и западе страны это отношение ко мне никогда не изменится полностью. Мне неоднократно с признательностью говорили о том, что католикам в мое царствование жилось так хорошо, как только они сами могли бы себе пожелать. Однако поведение церкви в вопросах о смешанных браках, как и поведение католического центра в области политики, указывали на то, что под спокойной поверхностью продолжали проявляться тенденции к борьбе с «еретиками».

Тем интенсивнее занимала меня мысль о тесном объединении протестантских церквей сначала в Пруссии, затем в Германии и, наконец, во всей Европе. Чтобы найти путь к этому объединению, я поддерживал очень оживленные сношения с верховным церковным советом, генерал-суперин-

тендантами и т. д. Эйзенахскую конференцию я горячо приветствовал, с интересом следил за ее ходом. На освящении церкви в Иерусалиме, на котором я собрал всех генерал-суперинтендантов, я имел возможность также приветствовать прибывшие туда делегации из Швеции, Норвегии и т. д. На освящении Берлинского собора наряду с многими другими делегациями была представлена и англиканская церковь в лице епископа Рипонского Бойда Карпентера духовника английской королевы Виктории, известного писателя и проповедника. В каждом отдельном случае я стремился к примирению, сближению и объединению. Однако это не дало никаких положительных результатов. Хотя в Пруссии уния показала себя с наилучшей стороны, в других частях отечества лютеране и реформисты были чужды друг другу. Иные влиятельные особы держались крепко за свои права по отношению к своим церквам и были поэтому не расположены к более тесному объединению церквей всей страны. Таким образом, несмотря на мои старания, германская протестантская церковь долго не могла прийти к объединению и к общему противодействию враждебным ей силам. Только тяжелое положение, в которое церковь попала после политического переворота, привело к церковному объединению. В 1922 году в день Вознесения в дворцовой церкви в Виттенберге, к великой моей радости, произошло торжество в честь основания «Германского евангелического церковного союза».

В первое время своей военной службы в Потсдаме я силь-

но ощущал дефекты проповедей, часто обсуждавших лишь сухую догматику и отодвигавших на второй план фигуру Христа. В Бонне я познакомился в дальнейшем с Д. Дриандером, который произвел на меня глубокое впечатление, сохранившееся на всю мою жизнь. Его проповедь была свободна от догматизма, личность Христа стояла у него в центре внимания, и «практическое христианство» выдвигалось им на первый план.

Впоследствии я вызвал Дриандера в Берлин и вскоре назначил проповедником в соборе и в моей дворцовой церкви. С тех пор он духовно близкий мне человек, в течение многих лет был моим преданным спутником, духовно поддерживая меня до самого 9 ноября. Мы часто обсуждали между собой церковные дела и подробно беседовали о задачах и будущем протестантской церкви. Гуманные и в то же время полные силы, ясные и проникнутые истинно евангельским духом взгляды Дриандера делали его опорой и красой своей церкви и преданным, искренно привязанным к своему кайзеру соратником его в деле укрепления и преуспeyания церкви. После 9 ноября Дриандер тоже стал подвергаться преследованиям, которые он спокойно переносил. Надежда, вера и упование его короля идут вместе с ним и с евангелической церковью. Церковь должна снова внутренне выпрямить раздавленный народ своим старым догматом: «Наш Бог наша мощная крепость».

Я хотел бы упомянуть о влиянии переведенного на немец-

кий язык по моей инициативе сочинения английского миссионера Бернарда Лукаса «Conversations with Christ». Должен также отметить то значение, которое имели для меня проповеди пастора Шреллера (Иерусалим) и сборники молитв «Der alte Gott lebt noch» и «Aus tiefer Not» консисторского советника Конрада. Эти сочинения своим живым изложением, захватывающим и пленяющим слушателя и читателя, доставили императрице и мне возможность много раз переживать большой подъем и просветление. Своему прекрасному воспитателю профессору Гинцпетеру, вестфальскому кальвинисту, я обязан тем, что мог относиться к религиозным и церковным вопросам с полной объективностью *sine ira et studio* (без гнева и пристрастия). Он воспитал своего воспитанника на Библии, оставив в стороне все догматически полемические вопросы. Поэтому полемика в религии осталась мне чужда, и такие понятия, как самодовлеющая «ортодоксальность», отталкивают меня.

Мою собственную точку зрения на религию я в свое время изложил в письме, ставшем уже тогда известным обществу и адресованном моему другу Гольману (частично оно приводится в конце этой главы).

В 1898 году я порадовал моих католических подданных, подарив по случаю моего пребывания в Иерусалиме тамошним немецким католикам приобретенный мной у султана участок земли «Dormition». Почтенный и преданный мне пастер Шмидт, представитель католического ферейна в Иеру-

салиме, на этом месте на торжественном празднике в честь передачи этого земельного участка в сердечных словах принес мне благодарность от имени немецких католиков. Когда я говорил с ним о предстоящей застройке и заселении нового немецкого поселения, опытный старый знаток Иерусалима посоветовал мне не передавать его в руки ни одного из тамошних монашеских орденов, ибо все они в большей или меньшей степени замешаны в интриги и борьбу за «*loci Sacri*» (святые места).

После моего возвращения домой ко мне явилась депутация от немецких мальтийских рыцарей во главе с графом Прашмой, чтобы со своей стороны тоже принести мне благодарность.

Вскоре мне был представлен на рассмотрение составленный одним очень талантливым кельнским архитектором чертеж церкви в «*Dormition*», искусно разработанный в стиле страны. По окончании постройки этой церкви я решил передать «*Dormition*» в руки бейронских бенедиктинцев. В 1906 году они переселились в построенный вместе с новой церковью монастырь св. Марии.

С бенедиктинцами бейронской конгрегации, с настоятелем которой Вольтером я познакомился в Сигмарингене, я в течение долгих лет поддерживал близкие отношения. Орден этот в средние века всегда был в хороших отношениях с германскими императорами, и ни один из них не упускал случая при поездках в Рим посетить и живописное Монте-Кас-

сино. Когда бенедиктинцы попросили дать им возможность поселиться на Рейне, я позаботился о том, чтобы ордену был передан великолепный пустовавший тогда романский монастырь «Мария Лаах». Орден, имевший среди своих монахов тонких художников и между ними патера Дезидериуса, привел в цветущее состояние запущенный и полуразрушенный монастырь, украсив его прекрасной внутренней живописью. Я часто посещал его, радуясь тому, что он все в большей степени отстраивается, и наслаждаясь общением с умными аббатами и простым сердечным приемом со стороны верных братьев.

В лице настоятеля монастыря Монте-Кассино монсеньера Круга я познакомился с человеком необыкновенной духовной одаренности и всестороннего образования, много разъезжавшим по свету. Он умел так же бегло изъясняться по-итальянски, по-английски и по-французски, как и на своем родном немецком языке.

В приветствии, обращенном к итальянскому королю Виктору Эммануилу и ко мне при посещении нами монастыря, он между прочим упомянул, что почти все германские императоры, а до них лонгобардские короли посетили Монте-Кассино. Он передал мне великолепную коллекцию копий хранившихся в библиотеке ордена грамот Фридриха II. В ответ на этот подарок я в свою очередь подарил ордену произведения Фридриха Великого. В окрестностях монастырей ордена процветает земледелие, причем монахи зна-

комьят неповоротливых земледельцев со всеми нововведениями и усовершенствованиями в этой области. В сельских и городских общинах с любовью культивировались церковное пение и игра на органе, которые братья ордена довели до степени высокого искусства. В ордене процветает также и ювелирное искусство, и художественная вышивка у бенедиктинок. Labagum (штандарт) императора Константина Великого, рисунок которого был реставрирован монсеньером Вильпертом, я приказал изготовить в натуральную величину. Один экземпляр я подарил папе, другой моей дворцовой капелле в Берлине. В революционные дни штандарт был украден из капеллы чернью. Все металлические части штандарта были превосходно выполнены братьями, а вышивка сестрами ордена. В 1917 году я посетил сестер в их монастыре св. Гильдегардис выше Рюдесгейма.

Поводом для моего письма адмиралу Голльману послужило возбуждение, вызванное докладом профессора Делича на тему «Вавилон и Библия», прочитанным им в «Немецком обществе изучения Востока», членом правления которого был и Голльман. Перепечатывая ниже это письмо, я пропускаю первую часть его, детально трактующую выводы профессора Делича в связи с его докладом.

15 февраля 1903 г.

Мой милый Голльман!

Я хотел бы здесь еще раз вернуться к моей личной точке зрения на учение или идею об откровении, которую я ча-

сто объяснял уже Вам, мой милый Гольман, и другим лицам. Я различаю двоякого рода откровения: преходящее, в известной мере историческое, и чисто религиозное откровение, подготавливающее путь к грядущему пришествию Мессии.

Относительно первого надо сказать: у меня нет ни малейшего сомнения в том, что Господь всегда являет себя в созданном им человеческом образе. Он вдохнул свой дух в человека, т. е. дал ему часть себя самого, дал ему душу. С отеческой любовью и интересом следит он за развитием человеческого рода. Чтобы вести дальше и развивать человеческий род, он «являет себя» в лице того или другого великого философа, либо пастыря, либо короля, будь то у язычников, евреев или христиан. Такими избранниками были Хаммурапи, Моисей, Авраам, Гомер, Карл Великий, император Вильгельм Великий, Лютер, Шекспир, Гёте, Кант. Удостоив их своей милости, он избрал этих людей для того, чтобы они на благо своих народов создали по Его воле прекрасные и нетленные духовные ценности. Как часто мой дед настойчиво подчеркивал, что он лишь орудие в руках Господних. Дела великих людей являются дарами Божиими народам, для того чтобы последние с их помощью могли совершенствоваться и дальше находить себя на земле в запутанных и еще не исследованных явлениях мира. Конечно, Господь Бог в зависимости от положения и культурного уровня народов в каждом отдельном случае «явил себя» им в различных фор-

мах. Так поступает Он и сейчас. Ибо, подобно тому как при виде покоряющих нас красоты и мощи мироздания мы восхищаемся проявляющимся в нем величием Божиим, точно так же мы можем с благодарным благоговением усматривать во всех подлинно великих и прекрасных деяниях отдельных людей или целых народов чудесное откровение Творца. Он непосредственно действует над нами и под нами.

Второй род откровения, более религиозного характера, это откровение, ведущее к непосредственному явлению Господа Бога на земле. Медленно, но непреложно и премудро готовится это явление Господне, начиная с Авраама, ибо, не будь этого, человечество погибло бы. И тут начинается самое чудесное проявление Господнего откровения.

Колено Авраамово и развившийся из него народ с железной прямолинейностью считают самым священным для себя веру в Единого Бога. Эту веру они призваны беречь и лелеять. Рассеянный в египетском пленении отдельными частями народ израильский, все же стремившийся сохранить свой «монотеизм», был снова спаян Моисеем. То, что Бог дал этому народу возродиться, является прямым вмешательством Господним в судьбы человечества. Так продолжалось в течение столетий, до тех пор, когда, наконец, появился Мессия, предсказанный и возвещенный пророками и псалмопевцами, величайшее откровение Господа на земле, ибо это он сам явился в сыне своем. Христос есть Бог, Бог в человеческом образе. Он явился нашим Спасителем, он воспламеня-

ет нас, заставляя следовать за собой. Мы *чувствуем*, что Его огонь горит в нас, что Его сострадание нас подкрепляет, Его недовольство уничтожает, а Его заступничество спасает. Уверенные в конечной победе, полагаясь лишь на Его *слово*, мы идем через труд, оскорбления, несчастья, печали и смерть, ибо в Нем мы имеем открытое нам слово Божье. Господь же никогда не обманывает.

Таков мой взгляд на этот вопрос. Слово Божье для нас, евангелистов, благодаря Лютеру имеет особое значение, и Делич, как хороший теолог, не должен был забыть, что наш великий Лютер учил нас верить и петь «Слово Божье неприкосновенно». Мне представляется само собой понятным, что Ветхий Завет содержит большое число глав, которые имеют чисто исторический характер, а не являются «словами и откровениями Божиими». Это исторические описания всякого рода событий из жизни израильского народа политической, религиозной, нравственной и духовной. Так, например, акт вручения Моисею заповедей на Синае можно только символически рассматривать как инспирированный Богом. Моисей должен был прибегнуть к обновлению, вероятно, уже давно известных законов, берущих свое начало, быть может, еще из кодекса Хаммурапи, чтобы объединить и связать шаткую и мало способную к сопротивлению организацию своего народа. Здесь, возможно, историк и может найти по общему смыслу или буквальному тексту связь с законами Хаммурапи, друга Авраама, связь, логически, быть может, и

вполне правильную. Но это нисколько не противоречило бы тому факту, что именно Господь побудил к этому Моисея, явившись таким образом народу израильскому.

Мое мнение поэтому таково, что наш добрый профессор должен впредь избегать затрагивать и обсуждать в своих докладах в нашем обществе религию как таковую, но может в то же время спокойно описывать то, что религия, нравы и т. п. вавилонян и других народов внесли в Ветхий Завет.

Из всего этого я делаю следующие заключения:

я верю в Одного, Единого Бога;

мы, люди, чтобы почитать Его, нуждаемся в *форме*, особенно важной для наших детей;

этой формой до сих пор был Ветхий Завет в его теперешнем виде. В связи с исследованиями и раскопками эта форма в дальнейшем непременно и существенно изменится. Но это не играет роли. Несущественно, если при этом улетучится многое из того, что окружает нимбом избранный народ. Суть и содержание Господь и Его дела – все же останутся неизменными. Религия никогда не была результатом поисков науки, а всегда исходила из сердца и бытия человека благодаря его общению с Богом.

С сердечной благодарностью и искренним приветом всегда пребывающий Вашим верным другом.

Подпись Вильгельм.

IX. Армия и флот

Моя тесная связь с армией общеизвестна. В этой области я следовал традициям моего дома. Прусские короли не гнались за космополитическими фантазиями, а считали, что страна может благополучно преуспевать лишь тогда, когда реальная сила защищает ее промышленность и торговлю. Если я во многих приказах призывал держать «порох сухим» и «меч наготове», то это было направлено в равной степени и по адресу врагов, и по адресу друзей. Враг должен был три раза подумать, прежде чем осмелиться напасть на нас. В немецком народе я хотел укрепить дух мужества. Только сильное поколение должно было встретить тот час, когда мы будем вынуждены защищать от вражеских завоевательных поползновений плоды нашего труда.

Кроме того, я высоко ценил воспитательные задачи армии. Всеобщая воинская повинность действует в социальном смысле больше, чем все остальное. Она сводит вместе богатых и бедных, сыновей деревни и города. Она заставляет молодых людей, жизненные дороги которых вообще расходятся далеко, знакомиться и понимать друг друга. Сознание, что они служат *одной* идее, объединяет их. А что мы делали из нашей мужской молодежи! Бледные городские парни превращались в бравых, здоровых, закаленных спортом мужчин; неповоротливые до армии, они становились гибки-

ми и ловкими.

Употребляя известное выражение короля Фридриха Вильгельма III, я сразу же из бригадного командира стал королем. Но прежде я прошел всю лестницу офицерской карьеры. Я еще сегодня с удовольствием вспоминаю, с какой гордостью 2 мая 1869 года, во время весеннего парада, впервые стоял в строю перед моим дедом. Общение с отдельными людьми было для меня всегда заманчиво. И поэтому я особенно ценил те служебные положения, при которых мог поддерживать такое общение. Я никогда не забуду своей деятельности в качестве начальника эскадрона и батареи, как и на посту командира полка.

Среди своих солдат я чувствовал себя, как в родном кругу. Я питал к ним неограниченное доверие, которое не уменьшилось и теперь, несмотря на печальный опыт осени 1918 года. Я не забываю, что часть немецкого народа после 4 лет неслыханных подвигов и лишений настолько изболелась, что не могла противостоять козням внешних и внутренних врагов. К тому же лучших из народа покрывал зеленый надмогильный дерн. Остальные были так подавлены неслыханными, казавшимися невозможными революционными событиями, что не могли подняться для активных действий.

Всеобщая воинская повинность была лучшей школой для поднятия физического и нравственного уровня нашего народа. Она создала нам свободных, знающих себе цену людей, которые пополняли наш превосходный унтер-офицер-

ский корпус. Последний в свою очередь доставлял нам чиновников, равных которым по деловитости, неподкупности и верности долгу не было ни у одного народа в мире. Как раз из этих кругов я и теперь получаю доказательства преданности мне, неизменно приносящие мне отраду. Моя 2 я рота 1-го гвардейского полка и в хорошие, и в плохие дни принимала участие в судьбе своего старого командира. В последний раз я видел ее в строю в составе 125 человек под командой бравого фельдфебеля Гартмана еще в 1913 году во время 25-летнего юбилея моего царствования. Офицерский корпус, выполняя высокую воспитательную задачу руководства вооруженным народом, занимал в государстве особое положение. Самопополнение офицерского состава, переданное с введением офицерских выборов в руки отдельных офицерских корпусов, обеспечивало их необходимую однородность. Связанные с кастовым духом вредные наросты стали единичными явлениями, причем там, где они все же давали себя чувствовать, их тотчас устраняли. Я охотно поддерживал тесную связь с офицерским корпусом, чувствуя себя по-товарищески в его среде. Конечно, материалистическое направление нашей эпохи не прошло бесследно и для офицеров. Но в общем надо сказать, что ни в одном другом сословии внутренняя дисциплина и преданность долгу, соединенные со скромностью, не поддерживались в такой степени, как в офицерском корпусе.

Испытания, каких не было ни в какой другой профессии,

позволяли достигать руководящих постов только самым способным и лучшим из офицеров. Командующие генералы обладали большими знаниями и талантами и, что еще важнее, сильным характером. Из числа этих высоко стоящих генералов трудно выделить кого-то особо.

Если фронтовой солдат и был особенно близок моему сердцу, то все же я должен отметить ту школу, какой является для офицерского корпуса Генеральный штаб. Я уже упомянул о том, что генерал-фельдмаршал граф Мольтке умел заботливо воспитывать людей, стоящих на высоте своего положения не только в техническом смысле, но и способных к ответственной, самостоятельной, дальновидной деятельности. «Будь больше, чем ты кажешься», так написано в предисловии к «Карманной книжке для офицеров Генерального штаба». Фундамент военного образования заложил фельдмаршал граф Мольтке. Его преемники граф Вальдерзее, гениальный великий граф Шлиффен и генерал фон Мольтке в дальнейшем продолжали строить уже на этом фундаменте. В результате был создан Генеральный штаб, совершивший во время войны непревзойденные подвиги, на которые с изумлением смотрит весь мир.

Я рано осознал, что максимальное совершенствование нашей высокоразвитой техники является необходимым вспомогательным средством, которое поможет нам сберечь много драгоценной крови. Где только мог, я работал над совершенствованием нашего вооружения и заставил машины слу-

жить армии.

Из моих достижений в этой области на первом плане стоит тяжелая походная артиллерия, при создании которой мне в свое время пришлось преодолеть сильное противодействие, исходившее, как это ни странно, главным образом из рядов артиллеристов. Я испытываю большое удовлетворение от того, что все же создал эту тяжелую походную артиллерию. Она заложила фундамент для ведения военных операций в крупном масштабе. Прошло много времени, прежде чем наши противники смогли догнать нас и достигнуть нашего уровня в этой области.

Далее следует упомянуть о пулеметах, находившихся вначале по своему значению в зачаточном состоянии и ставших впоследствии основным стержнем всей боевой мощи пехоты. Замена ружья пулеметом увеличила во много раз силу огня при одновременном уменьшении потерь с нашей стороны. Не могу не напомнить и о введении передвижной походной кухни, которую я впервые увидел на маневрах русской армии. Она имела чрезвычайно большое значение для поддержания боеспособности армии, ибо своевременное и достаточное питание сохраняло нашим солдатам бодрость и здоровье.

Всякое человеческое дело несовершенно. Все же можно сказать без преувеличения, что германская армия, выступившая в поход в 1914 году, представляла собой инструмент, не имевший себе равного.

Если при моем вступлении на престол я нашел армию в таком положении, что надо было только строить ее дальше на имевшемся уже фундаменте, то флот находился тогда еще в первоначальной стадии своего развития.

Статс-секретарь адмирал Голльман попросил у меня отставки, так как не желал оставаться на своем посту после того, как потерпели крушение все его попытки побудить упрямый рейхстаг к медленному, но систематическому усилению германских морских сил. Особенную роль здесь сыграли дешевые лозунги депутата Рихтера и близорукость ослепленных им левых либералов. Я с сожалением дал ему отставку, ибо мне был дорог этот простой, привязанный ко мне и преданный человек, сын хорошей берлинской бюргерской семьи, с искренним характером и глубоким сознанием долга. Моя дружба с адмиралом, покоившаяся на глубоком уважении к нему, продолжалась еще многие годы вплоть до внезапной его смерти. Я часто посещал этого преданного мне человека, отличавшегося великолепным, чисто берлинским юмором. В его доме я встречался с членами правления немецкого общества изучения Востока; приглашал его к себе в интимном кругу и брал с собой в качестве ценного спутника в своих поездках. Он был одним из самых верных и преданных мне людей, который всегда оставался неизменным в своем бескорыстии и никогда ничего не просил для себя. Счастлив тот город, в котором рождаются такие граждане. Я сохраняю благодарную память об этом испытанном друге.

Адмирал Тирпиц стал преемником Гольмана. В своих первых докладах, которые легли в основу первого законопроекта о флоте, он был совершенно согласен со мной в том, что морскую строительную программу никак не удастся провести в рейхстаге теми способами, какими это пытались сделать до сих пор. Как уже было сказано, оппозиция была непоколебима. Дебаты под руководством Рихтера велись в недостойном тоне. При этом надо отметить, что корвет, постройка которого был проведена поляками во главе с фон Косциельским, был в шутку прозван в палате «Koscielska» не стыдились оперировать насмешками, в то время как дело шло о будущем отечества. Такое положение следовало изменить. Представитель флота должен был иметь за собой и в правительстве, и в рейхстаге сплоченную фалангу, которая убежденно и энергично стала бы на его защиту и твердо отстаивала интересы флота. Поэтому было необходимо, чтобы еще совершенно несведущие в морских делах представители страны, наконец, были детально ознакомлены с предстоящими великими задачами. Надо было возбудить общее движение в народе, заинтересовать морскими вопросами еще равнодушную к ним «широкую публику», для того чтобы сам народ оказал давление на депутатов. С этой целью необходимо было организовать энергичную пропаганду в хорошо инспирированной и руководимой прессе с помощью выдающихся людей науки из университетов и высших технических школ.

Все отношение к этому вопросу со стороны рейхстага следовало в корне изменить. Споры из-за отдельных судов и доков должны были замолкнуть. Ведь при рассмотрении военного бюджета не обсуждается состав армии, если только не стоит вопрос о новых формированиях. Точно так же и состав флота нужно было раз навсегда зафиксировать в законодательном порядке, чтобы его право на существование было, таким образом, признано и гарантировано. При постройке отдельных морских единиц надо было освободиться от дебатов. Кроме того, чтобы быть в состоянии обслуживать новые суда, требовалось усиление офицерского и унтер-офицерского корпуса. В начале моего царствования ежегодно поступали в морские корпуса не более 60 80 кадетов; в последние же годы перед войной желающих поступить туда были многие сотни. Двенадцать драгоценных лет были потеряны из-за бездействия рейхстага. Их нельзя было уже наверстать, потому что флот еще в большей степени, чем армия, не может быть создан по мановению руки. Цель, к осуществлению которой надо было стремиться, заключалась в параграфе закона, выражавшем «мысль о риске». Суть ее в том, что даже и наисильнейший неприятельский флот должен серьезно призадуматься, прежде чем решиться вступить в борьбу с германским в предвидении неизбежных тяжелых потерь и с риском того, что он будет ослаблен в этой борьбе и окажется, таким образом, не способным для выполнения других задач. При Скагерраке эта «мысль о риске» блестяще оправдалась.

Неприятель, несмотря на свое огромное превосходство, не отважился на второе сражение. Блеск Трафальгара уже потускнел, но его лавры не должны быть вконец растоптаны.

В основу закона о флоте было положено число имеющихся судов (дело шло главным образом о линейных судах), хотя они, за исключением 4 единиц из Бранденбургской группы, представляли собой немногим большую ценность, чем старое железо.

Закон о флоте рассматривался многими профанами, судившими о нем по количеству судов как о средстве увеличения мощи флота. На самом деле это был ложный вывод. Ибо так называемый существующий флот вообще уже не был флотом. Он медленно умирал от старческой немощи, как выразился Голльман накануне своей отставки. В сравнении со всеми европейскими флотами германский состоял из самых старых боевых судов.

Когда закон о флоте стал постепенно осуществляться, когда закипело оживленное морское судостроительство и начался уже спуск новых судов, несведущие люди, охваченные «rage du nombre», обрадовались возрастающему количеству судов. Но они были разочарованы, когда им потом разъяснили, что как только новые суда будут готовы, старые суда немедленно выйдут из строя, так что фактически число боеспособных судов сначала не увеличится. Если бы в течение потерянных 12 лет своевременно была выполнена необходимая судостроительная программа, то законопроект

о флоте нашел бы совершенно другую, более благоприятную почву. Но вследствие действительного положения дела речь фактически шла о создании совершенно нового германского флота. Высокие цифры количества судов, в число которых вошли и старые, выбывающие из строя суда, были лишь фикцией. Именно поэтому англичане, которые для пропаганды против Германии занимались подсчетом наших судов, не принимая, однако, во внимание ни возраста, ни типа их, насчитали такое большое количество морских единиц, что ввели в заблуждение всех и искусственно сеяли так называемую тревогу по поводу роста германского флота.

Адмирал Тирпиц приступил к делу по одобренной мной программе. Вложив в это дело всю свою железную энергию, силы и здоровье, он быстро сдвинул с места вопрос о флоте. По моему приказанию, он поехал с проектом закона о флоте в Фридрихсру к князю Бисмарку, чтобы убедить и его в необходимости увеличения германских военно-морских сил.

Пресса также повела энергичную кампанию в пользу внесения законопроекта о флоте. Экономисты, специалисты по вопросам торговой политики отдали свои перья на службу великому национальному делу, необходимость которого постепенно все же стала сознаваться в самых широких кругах. В то же время и англичане, конечно, совершенно не желая этого, неожиданно увеличили шансы принять законопроект. Началась бурская война, вызвавшая в немецком народе большие симпатии к маленькому государству и воз-

мушение насилием над ним. Как раз тогда пришло известие о незаконном захвате английскими военными судами двух германских пароходов на восточно-африканском берегу. Возмущение было всеобщим. Известие о захвате второго парохода статс-секретарь граф Бюлов получил как раз в тот момент, когда Тирпиц и я случайно были у него. Когда Бюлов прочитал нам полученную им телеграмму, я привел старую английскую поговорку: «Ни один ветер не бывает настолько плох, чтобы не принести чего-то хорошего», а Тирпиц воскликнул: «Теперь мы имеем тот ветер, который нам нужен, чтобы привести наш корабль в гавань. Законопроект о флоте теперь пройдет. Вашему Величеству следовало бы даже пожаловать орден английскому командиру в благодарность за проведение законопроекта о флоте». Канцлер потребовал шампанского, и мы пили втроем, преисполненные благодарности к английскому флоту, оказавшему нам такую помощь, радуясь законопроекту, его неизбежному теперь проведению в жизнь и будущности германского флота.

Много лет спустя я был на охоте с лордом Лонсдейлом. На обратном пути по приглашению лорда Росбери, крупного либерального политика и бывшего министра иностранных дел, известного исследователя наполеоновской эпохи, я обедал в его прекрасной, расположенной у моря усадьбе Далмени-Касл.

Среди гостей находились известный по бурской войне генерал сэр Джон Гамильтон (шотландец), с которым я по-

знакомился на маневрах в Германии, лорд-провост (городской голова) Эдинбурга и капитан английского флота, начальник тамошней морской станции. Последний сидел наискосок против меня, рядом с адмиралом бароном фон Зенденом. Мне бросилось в глаза его странно смущенное лицо во время его беседы вполголоса с адмиралом. После обеда барон фон Зенден представил мне капитана, причем тот от смущения держал себя еще более неловко, обратив на себя мое внимание беспокойным выражением глаз на бледном лице. По окончании беседы с капитаном, затронувшей различные морские вопросы, я спросил барона фон Зендена, что случилось с этим человеком. Адмирал рассмеялся и сказал, что за столом узнал от своего соседа, что тот и есть тот командир, который во время бурской войны захватил два немецких парохода; теперь этот капитан боится, чтобы я не узнал об этом. Но Зенден ему возразил, что он зря опасается: если Его Величество узнает, кто он, то капитан может смело рассчитывать на хорошее отношение к себе со стороны кайзера и даже на благодарность. «Благодарность? За что?» спросил британец. «За то, что вы так облегчили кайзеру принятие законопроекта о флоте».

Самым существенным вопросом при проведении первого закона о флоте, всех позднейших морских законопроектов и вообще в развитии флота был вопрос о том, будет ли германская судостроительная индустрия в состоянии следовать за судостроительной программой и провести ее целиком в

жизнь. И в этом отношении адмирал фон Тирпиц работал с неутомимой энергией. Немецкие верфи, поддержанные и поощряемые им, с чисто немецкой смелостью взялись за великую задачу, которую они выполнили прямо-таки блестяще, далеко обогнав при этом своих заграничных конкурентов. Превосходные технические познания немецких инженеров, как и наилучшая квалификация немецких рабочих, выявились здесь полностью. Совещания, конференции, доклады мне, служебные поездки по всем верфям все это целиком заполняло дни неутомимого Тирпица. Но его огромные усилия и труды были хорошо вознаграждены. Народ проснулся, стал ценить значение колоний (обеспечение собственным сырьем без иностранного посредничества) и торговых сношений, увлекся торговой деятельностью, судоходством и т. д. Падкая до насмешек оппозиция прекратила, наконец, свои остроты. Не позволяя себе шутить и не допуская шуток по отношению к себе, Тирпиц в этом сражении пустил в ход острый клинок своей находчивости, и у противников смех вскоре исчез. Особенно плохо пришлось депутату Рихтеру, когда Тирпиц блестяще отделал его и посадил в калошу, процитировав произнесенные еще в 40-е годы патриотические слова старого Гаркорта, избирательный округ которого Рихтер представлял, о необходимости поддержания германского флота. Тогда уже наступила очередь смеяться другой части палаты.

Настал великий день. Законопроект после борьбы и пре-

ний был принят значительным большинством. Состав и строительство германского флота были гарантированы.

Благодаря строительству новых судов и повышенному сроку плавания их вскоре составила эскадра. Для руководства ею необходимы были новый устав и новая система сигнализации, которые при моем вступлении на престол были разработаны лишь для одного дивизиона четырех кораблей, ибо большее количество морских единиц в Германии тогда одновременно не находились в плавании. И даже эти суда осенью расформировывались, так что зимой германского флота в сущности вообще не существовало, за исключением, конечно, крейсеров, отправлявшихся в заграничное плавание. Все усилия, затраченные летом и на обучение экипажа офицеров, унтер-офицеров, машинистов и кочегаров, и на оснастку и оборудование судов, как бы совершенно пропадали из-за расформирования их осенью. Весной приходилось все начинать сызнова. В результате невозможно было вообще сохранить непрерывность в отношении обучения и более тесную связь экипажа между собой и с судном; словом, нельзя было сохранить «дух корабля». Исключением в этом смысле были лишь находившиеся на стоянке крейсера для заграничного плавания. Ввиду этого я приказал после установления необходимого отопления содержать корабли в готовности и зимой, что было подлинным благодеянием для развития флота.

Чтобы собрать воедино необходимое для выработки но-

вого устава число судов, адмирал Тирпиц ввиду недостатка линейных кораблей уже раньше приказал собрать все имевшиеся суда всех типов, включая канонерские лодки и вестовые суда, составив из них как бы дивизион и производя на них разные улучшения. Таким образом, когда впоследствии число линейных кораблей действительно увеличилось, основа для нового устава была уже создана. При содействии всех заинтересованных инстанций он постоянно и очень тщательно совершенствовался, не отставая от роста флота. Много внимания уделялось и созданию столь важных в военном отношении миноносцев. В свое время нас наполнило гордостью то обстоятельство, что германский дивизион миноносцев был первой сомкнутой цепью миноносцев, пересекавшей Северное море; дивизион этот под командой моего брата принца Генриха отправился на торжества по поводу 50-летнего юбилея царствования королевы Виктории (в 1887 году).

Возведенные на Гельголанде государственными органами защитные сооружения, необходимые для безопасности острова и возбудившие немало ссор между Пруссией и всей империей, завершили оборудование и укрепление острова, что позволяло сделать его опорным пунктом для небольших крейсеров и миноносцев, а впоследствии и для подводных лодок.

В связи с ростом флота возникла необходимость расширения канала кайзера Вильгельма. После энергичной борьбы

мы, считаясь с неизбежным развитием в дальнейшем дредноутов, в максимальной степени углубили новые шлюзы.

В этом мероприятии блестяще обнаружилась мудрая предусмотрительность адмирала, нашедшая себе неожиданное подтверждение и со стороны одного иностранца. Полковник Гетальс, строитель Панамского канала, попросил через американское правительство разрешение осмотреть канал императора Вильгельма и его новые шлюзы. Такое разрешение ему с готовностью дали. После обеда у меня присутствовавший на нем адмирал фон Тирпиц спросил восхищавшегося нашими сооружениями американского инженера о глубине Панамских шлюзов. Оказалось, что шлюзы Панамского канала имели глубину гораздо меньшую, чем шлюзы канала императора Вильгельма. Когда я, крайне удивленный, спросил, как это могло случиться, Гетальс ответил, что при сооружении шлюзов он руководствовался полученными им официальными указаниями департамента по морским делам о размерах линейных кораблей. Адмирал фон Тирпиц тут же заметил, что эти размеры на будущее время окажутся далеко не достаточными и что новейшие дредноуты и «сверхдредноуты» не смогут пройти эти шлюзы; канал, таким образом, скоро окажется не пригодным для американских и других больших военных судов.

Полковник подтвердил, что это уже и случилось со спущенными кораблями новейших типов, и поздравил его превосходительство с тем, что у адмирала хватило мужества от-

стоять и осуществить устройство больших шлюзов на канале императора Вильгельма, и он смотрел на них с изумлением и завистью.

Точно также крайне отсталые технически и устаревшие императорские верфи, которые Тирпиц называл старыми «мастерскими жестяных изделий», были перестроены в современные образцовые предприятия, в которых, между прочим, как нельзя лучше были проведены и социальные мероприятия по охране труда на благо рабочих. Лишь тот, кто, как я, с самого начала следил, переживая, за возникновением и развитием всех факторов, содействовавших совершенствованию в сущности вновь создаваемого германского флота, может составить себе хоть сколько-нибудь верное представление об огромном труде адмирала фон Тирпица и всего его ведомства.

Имперское морское ведомство было также совершенно новым учреждением. Со времени уничтожения старого «верховного командования» обе главные отрасли управления флотом адмиральский штаб и имперское морское ведомство, будучи совершенно самостоятельными, подчинялись, как и армия, непосредственно верховному главнокомандующему. Таким образом, между кайзером и его флотом больше не было никаких промежуточных инстанций.

Когда, поразив весь мир, адмирал Фишер изобрел для английского флота совершенно новый тип судов дредноуты, думая при их помощи окончательно закрепить за Англией

такой недостижимый перевес, против которого все остальные державы никогда не сумеют бороться, то все знатоки флота, естественно, пришли в большое волнение. На самом же деле мысль о постройке дредноута зародилась впервые в голове Фишера, а исходила главным образом в форме совета судостроителям от знаменитого итальянского инженера Куниберти, опубликовавшего в иллюстрированном флотском атласе Fred Jane эскиз проекта. При первом обсуждении вопроса о постройке Англией новых больших военных судов типа дредноута я тотчас же сошелся с адмиралом фон Тирпицем на том, что благодаря этим судам все прежние типы судов теряют свое значение и в дальнейшем неизбежно будут выведены из строя. В первую очередь это относится к германским судам, которые в связи с незначительной глубиной наших старых шлюзов были относительно гораздо меньших размеров, чем суда других флотов, особенно английского. Адмирал фон Тирпиц обратил внимание на то, что в случае если другие государства последуют примеру Фишера, то создавшееся положение, естественно, коснется и самого английского флота. Постройкой дредноута Англия сама как бы обесценила огромное число своих прежних судов, на которых базировалось ее мощное превосходство на море. Конкурируя со всем миром, который, следуя ее примеру, также бросится строить дредноуты, Англия вынуждена будет начать сызнова строить совершенно новый флот из крупнейших морских единиц. Это ей обойдется чрезвычайно дорого.

Во имя сохранения пресловутого английского принципа, что английский флот всегда должен быть сильнее флотов двух сильнейших держав, вместе взятых, Англии придется затратить огромные средства. В связи с этим она еще более завистливо, чем раньше, будет смотреть на судостроительство в тех государствах, к которым она настроена недоброжелательно, агитируя против усиления их морской мощи. Это особенно касается нас. Тем не менее мы с этим не можем считаться. С нашими судами старых типов нельзя бороться с дредноутами, и мы, волей-неволей, принуждены следовать в этой области за Англией. Война вполне оправдала мнение адмирала фон Тирпица. Все небольшие военные суда во время войны оказались несостоятельными и были выведены из строя. Когда был спущен первый немецкий дредноут, в Британии поднялся большой шум. Постепенно стало известно, что Фишер и его помощники твердо рассчитывали на то, что Германия не сможет построить дредноуты. Тем более велико было их разочарование. Непонятно, на чем основывались их расчеты. Ведь уже тогда германские верфи построили большие быстроходные пароходы, далеко превосходившие по тоннажу наши линейные суда и весьма успешно конкурировавшие с английскими пароходными линиями. Наши дредноуты при Скагерраке не только показали себя равноценными своим английским противникам, но и обнаружили свое несомненное превосходство.

Строительство подводных лодок перед войной, к сожалению,

нию, не могло продвинуться вперед в такой степени, как я того хотел. С одной стороны, при проведении закона о флоте нельзя было чрезмерно обременять смету морского ведомства, а с другой мы в этом отношении нуждались в более значительном опыте.

Тирпиц полагал, что те типы подводных лодок, с которыми проводили испытания другие государства, слишком малы и годятся лишь для защиты берегов. Германия же должна построить такие подводные лодки, которые смогут и «шнырять по морю», и долго держаться в открытом море. Для этого необходим более усовершенствованный тип подводной лодки, но сначала его нужно было систематически разрабатывать, что требовало много времени и многочисленных длительных испытаний с моделями. Этим и объясняется то, что в 1914 году, в начале войны, имелось лишь ограниченное число готовых к плаванию лодок. Все-таки и с имеющимися уже силами можно было сделать еще больший нажим на Англию, если бы канцлер слишком не беспокоился, как бы не раздражить Англию. Количество и боеспособность подводных лодок во время войны быстро возросли. При оценке их числа следует, однако, учитывать, что во время войны одна треть их находится в бою, одна треть в крейсеровании туда и обратно, а остальная треть в ремонте. Подвиги подводных лодок вызвали удивление всего мира и заслужили горячую признательность отечества.

Незабываемы заслуги адмирала фон Тирпица и в де-

ле крайне успешного создания торговой колонии Циндао. Здесь всесторонне выявил себя его блестящий талант администратора и организатора. Благодаря ему он из почти неизвестного до сих пор и совершенно незначащего места создал торговый пункт, где в течение немногих лет торговый оборот достиг размеров от 50 до 60 миллионов марок. Вызванное его служебным положением общение с парламентариями, прессой и деловыми кругами крупной индустрии и мировой торговли со временем увеличило интерес адмирала к политическим вопросам, в особенности к вопросам внешней политики. Ясный и широкий кругозор моряка, знающего за границу по своим путешествиям, делал Тирпица способным к быстрым решениям, которые он в связи со своим огненным темпераментом всегда хотел бы видеть немедленно претворенными в дело.

Противодействие и медлительность чиновников всегда сильно раздражали адмирала. Известная склонность к недоверию, быть может, подкрепленная горьким опытом, часто склоняла его к основательным и неосновательным подозрениям по отношению к отдельным лицам. Это делало Тирпица каким-то очень сдержанным и «подавляло всякое движение сердца» и у других. Если на основании новых размышлений или новых фактов он менял свою прежнюю точку зрения, то очень решительно проводил в жизнь свои новые взгляды. В результате совместная работа с ним не всегда была согласованной и легкой. Его огромные успехи и достиже-

ния, которыми он справедливо гордился, давали ему сознание мощи своей личности, иногда ощущаемое на себе и его друзьями.

Во время войны политическая жилка стала настолько преобладать у Тирпица, что в конце концов дело дошло до серьезных разногласий, которые в конечном счете привели к его уходу. И рейхсканцлер фон Бетман все время требовал отставки адмирала, указывая на то, что имперские статс-секретари подчинены ему и политика должна вестись им одним.

С тяжелым сердцем я расстался с этим энергичным властным человеком, гениально осуществившим мои планы и являвшимся для меня примером неутомимого сотрудника. Тирпицу навсегда обеспечена моя благодарность как кайзера. Остается лишь пожелать, чтобы эта сила вскоре опять могла прийти на помощь бедному германскому отечеству, находящемуся в затруднительном и бедственном положении. Эта сильная личность сумеет и осмелится сделать то, на что многие другие не отважатся. Во всяком случае к адмиралу фон Тирпицу можно отнести слова поэта: «Высшее счастье детей земли все же индивидуальность».

Критика, направленная адмиралом против меня в его интересной книге, не может изменить мое мнение о нем.

Х. Начало войны

Получив известие об убийстве моего друга эрцгерцога Франца Фердинанда, я покинул «Кильскую неделю» и поехал домой, намереваясь отправиться на похороны в Вену. Но из Вены меня, однако, попросили отказаться от этого намерения. Позже я слышал, что в этом между прочим сыграли роль и соображения о моей личной безопасности, что я, понятно, отклонил бы. Глубоко обеспокоенный возможным серьезным оборотом дел, я решил отказаться от предполагавшейся поездки на север и остаться дома. Рейхсканцлер и Министерство иностранных дел держались, однако, противоположного мнения и как раз настаивали на моей поездке, ибо это, по их мнению, успокаивающим образом действовало бы на всю Европу. Из-за неясности положения я долго не соглашался покинуть свою страну. Но рейхсканцлер фон Бетман коротко и ясно заявил мне, что если я теперь откажусь от поездки, о которой уже стало известно, то положение может показаться более серьезным, чем оно есть на самом деле. А это, возможно, будет способствовать возникновению войны, за которую на меня тогда смогут взвалить всю ответственность. Все-де только и ждут спасительного известия о том, что я, несмотря на создавшееся положение, спокойно отправился путешествовать. Я советовался об этом и с начальником Генерального штаба. Когда и он обнаружил спо-

койное отношение к положению вещей и сам попросил отпуск, чтобы съездить на лето в Карлсбад, я с тяжелым сердцем решился уехать. Состоявшееся якобы 5 июля заседание так называемого Потсдамского коронного совета, о котором столько говорили, в действительности никогда не имело места. Это лишь выдумка наших недругов. Перед моим отъездом я, само собой разумеется, принял по обыкновению отдельных министров, докладывавших мне о положении дел в их ведомствах, но заседания совета министров не было. И ни в одной из бесед с министрами не было речи о военных приготовлениях.

Мой флот расположился, как всегда во время моих летних поездок, в норвежских фиордах. Находясь в Бальгольме, я получал лишь скудные известия от Министерства иностранных дел, черпал информацию главным образом из норвежской прессы и видел, что положение становится все более серьезным. Я многократно телеграфировал канцлеру и в Министерство иностранных дел, что считаю нужным вернуться домой, но каждый раз меня просили не прерывать свою поездку. Узнав, что английский флот после смотра в Спайтгеде не разъехался, а сконцентрированный в одном месте остался в боевой готовности, я еще раз телеграфировал в Берлин, что считаю мое возвращение необходимым. Там, однако, не разделяли моего взгляда. Но когда мне не из Берлина даже, а из норвежской прессы стало известно сначала об австрийском ультиматуме Сербии, а потом о сербской ноте в адрес Ав-

стрии, я без дальнейших колебаний отправился домой, отдав приказание флоту отбыть в Вильгельмсгафен. При отъезде я узнал из норвежского же источника, что часть английского флота тайно отплыла в Норвегию, чтобы захватить меня (еще во время мира).

Характерно, что 26 июля английскому послу сэру Эдуарду Гошену в Министерстве иностранных дел объяснили, что к предпринятому мной по собственной инициативе возвращению домой там относятся с сожалением, ибо в связи с этим могут возникнуть тревожные слухи.

Прибыв в Потсдам, я застал канцлера и Министерство иностранных дел в конфликте с начальником Генерального штаба, так как генерал фон Мольтке придерживался мнения, что война безусловно начнется, в то время как канцлер и Министерство иностранных дел твердо настаивали на том, что до этого дело не дойдет и войны можно будет избежать, если только я не объявлю мобилизацию. Этот спор продолжался все время. Когда генерал фон Мольтке донес, что русские уже подожгли караульные помещения своей пограничной стражи, взорвали пограничные железнодорожные пути и расклеили объявления о мобилизации, лишь тогда, наконец, прозрели и дипломаты с Вильгельмштрассе. Только тогда они перестали сопротивляться и сдали свои позиции. Раньше они *не хотели* верить в возможность войны.

Из этого ясно видно, как мало мы в июле 1914 года думали о войне, не говоря уже о том, чтобы готовиться к ней.

Когда весной 1914 года гофмаршал царя Николая II спросил его о планах на весну и лето, тот ответил: «Я останусь в этом году дома, так как у нас будет война». Об этом факте сообщили рейхсканцлеру фон Беттману. Я о нем тогда ничего не слышал, а узнал об этом разговоре лишь в ноябре 1918 года. И так поступил тот самый царь, который дважды, в Бьерке и Балтийском порту, совершенно неожиданно для меня дал мне свое торжественное честное слово, подкрепленное рукопожатиями и объятиями, что он в благодарность за верное и дружественное соседское поведение германского кайзера в русско-японской войне, в которую Россия была вовлечена исключительно Англией, в случае возникновения европейской войны никогда не поднимет меча против кайзера, особенно в качестве союзника Англии. Он ненавидит Англию, сказал тогда царь, ибо она причинила ему и России слишком много зла, натравив в свое время на Россию Японию.

В то время как царь предрекал к лету войну, я занимался в Корфу археологическими раскопками, затем поехал в Висбаден и, наконец, в Норвегию. Монарх, который думает напасть на своих соседей, желает войны и занимается ее подготовкой, требующей долгих тайных приготовлений к мобилизации и концентрации войск, не остается месяцами вне пределов своей страны и не дает летнего отпуска в Карлсбад начальнику своего Генерального штаба. Враги же, наоборот, планомерно готовились к нападению.

Вся дипломатическая машина у нас оказалась несостоя-

тельной. У нас не видели надвигающейся войны, ибо Министерство иностранных дел со своим принципом «только без историй» было настолько загипнотизировано идеей мира «любой ценой», что оно совершенно исключало из своих расчетов войну как возможное средство политики Антанты и недооценивало признаков грядущей катастрофы, становившихся все более явными. Впрочем, и здесь мы имеем доказательства миролюбия Германии. Точка зрения Министерства иностранных дел стояла в известном противоречии с точкой зрения Генерального штаба и адмиралтейства, которые по долгу службы предостерегали правительство и желали подготовить страну к обороне. Последствия этих разногласий еще долго давали себя чувствовать. Армия не могла забыть Министерству иностранных дел того, что по его вине она была застигнута врасплох. Дипломаты, в свою очередь, были уязвлены тем, что, несмотря на их искусство, война все же разразилась. Поистине неисчислимы доказательства того, как весной и летом 1914 года, когда у нас еще никто не думал о нападении Антанты, в России, Франции, Бельгии и Англии война уже подготавливалась. Я хотел бы здесь остановиться лишь на некоторых из этих многочисленных доказательств, важнейшие из которых перечислены в составленных мной «Сравнительных исторических таблицах». Если при этом я называю не все имена, то это происходит по вполне понятным причинам. Весь этот материал, естественно, стал мне известен впоследствии частично во время войны, но глав-

ным образом, после нее.

Уже в апреле 1914 года началось накопление золотого запаса в английских банках. Германия же, наоборот, вывозит еще в июле золото и хлеб, даже в страны Антанты.

В апреле 1914 года германский морской атташе в Токио капитан фон Кнорр доносит, что «он прямо-таки поражен той уверенностью, с какой там все считают неизбежной в ближайшее время войну Тройственного союза с Германией...» «В воздухе носится что-то вроде соболезнования по поводу еще не произнесенного смертного приговора».

В конце марта 1914 года генерал Щербачев, начальник военной академии в Петербурге, произнес речь перед своими офицерами, в которой между прочим сказал: «Война с державами Тройственного согласия стала неизбежной из-за направленной против интересов России балканской политики Австро-Венгрии... В высшей степени вероятно, что война разразится еще этим летом. России выпала честь броситься в наступление».

В донесении бельгийского посла в Берлине о прибывшей из Петербурга в апреле 1914 года японской военной миссии между прочим сказано: «В России японские офицеры слышали совершенно открыто разговоры о предстоящей близкой войне с Австро-Венгрией и Германией. При этом говорилось, что армия готова выступить в поход и что момент так же благоприятен для русских, как и для их союзников французов».

Согласно опубликованным в «Revue de deux Mondes» в 1921 году запискам тогдашнего французского посла в Петербурге господина Палеолога, великие княгини Анастасия и Милица сказали ему 2 июля 1914 года в Царском селе, что их отец, король Черногории, сообщил им шифрованной телеграммой: «У нас еще до конца месяца (русского стиля, следовательно до августа нового стиля) начнется война... От Австрии ничего не останется... Вы отвоюете обратно Эльзас-Лотарингию... Наши войска встретятся в Берлине... Германия будет уничтожена».

Бывший сербский поверенный в делах в Берлине Богичевич в своей появившейся в 1919 году книге «Причины войны» передает слова, сказанные ему 26 или 27 июля 1914 года тогдашним французским послом в Берлине Камбоном: «Если Германия хочет войны, то она будет иметь против себя, помимо других, и Англию. Английский флот будет форсировать Гамбург. Мы разобьем немцев наголову». Богичевич же из этого разговора вынес уверенность, что война была решена еще при встрече Пуанкаре с русским царем в Петербурге, если не раньше.

Один высокопоставленный русский, член Думы и хороший знакомый Сазонова, рассказывал мне впоследствии о тайном совещании под председательством царя в феврале 1911 года, что было подтверждено и другими русскими источниками, приведенными мной в моих «исторических таблицах»: на этом совещании Сазонов прочитал доклад, в ко-

тором он предлагал царю взять Константинополь. Так как Тройственное согласие на это не согласится, то возникнет война против Германии и Австрии. При этом Италия отпадет от последних, на Францию можно рассчитывать безусловно, поддержка Англии вероятна. Царь согласился с мнением Сазонова и отдал приказ начать необходимые подготовительные работы. Русский министр финансов граф Кокковцев, напротив, подал записку царю, содержание которой мне сообщил после Брестского мира граф Мирбах и в которой Кокковцев советовал царю тесно связаться с Германией, предостерегая против войны, которая будет неудачной и приведет к революции и гибели династии. Царь не последовал этому совету и начал войну.

Тот же господин рассказал мне следующее: через 2 дня после начала войны он был приглашен на завтрак к Сазонову. Тот пошел ему навстречу, сияя от радости, и, потирая руки, спросил его: «Ну, милый барон, теперь вы должны признать, что я выбрал превосходный момент для войны». Когда барон несколько озабоченно спросил, как отнесется к этому Англия, министр, смеясь, ударил себя по карману и, лукаво подмигнув, прошептал барону: «У меня есть кое-что в кармане, что в ближайшие дни обрадует всю Россию и повергнет в изумление весь мир: я получил от Англии обещание, что она пойдет вместе с Россией против Германии».

Русские военнопленные из Сибирского корпуса, захваченные в Восточной Пруссии, показали, что они летом 1913

года были отправлены по железной дороге в окрестности Москвы на царские маневры. Маневры не состоялись. Однако войска не отправили обратно, а разместили на зиму в окрестностях Москвы. Летом 1914 года они были передвинуты в окрестности Вильно, где должны были состояться большие маневры в присутствии царя. Их расквартировали в Вильно и окрестностях. Неожиданно им выдали боевые патроны (военное снаряжение) и сообщили, что началась война против Германии. Почему и для чего этого они не могут сказать.

Зимой 1914 1915 года в прессе был опубликован рассказ одного американца о его поездке весной 1914 года на Кавказ. Когда он в начале мая 1914 года приехал туда, ему по дороге в Тифлис встречались длинные колонны войск всех родов оружия в боевом снаряжении. Он испугался, не произошло ли на Кавказе восстание. Осведомившись об этом у властей при проверке документов в Тифлисе, он получил успокоительный ответ, что на Кавказе все спокойно и что он может ехать, куда угодно; происходят лишь военные упражнения и маневры. По окончании своего путешествия в конце мая 1914 года американец хотел сесть на пароход в одной кавказской гавани, но все корабли были в такой степени нагружены солдатами, что он с трудом мог получить каюту для себя и жены. Русские офицеры сообщили ему, что они высадутся в Одессе и оттуда отправятся на большие маневры в Украину.

Князь Тундутов, атаман калмыцких казаков, живущих

между Царицыном и Астраханью, бывший до войны и во время войны личным адъютантом великого князя Николая Николаевича, приехал летом 1918 года в главную квартиру в Босмоне, чтобы искать сближения с Германией, так как казаки, по его словам, не славяне и являются несомненными врагами большевиков. Он, между прочим, рассказывал, что перед началом войны он был послан Николаем Николаевичем в Генеральный штаб, чтобы держать великого князя в курсе тамошних событий. И здесь он был свидетелем пресловутого разговора по телефону между царем и начальником Генерального штаба генералом Янушкевичем. Царь под глубоким впечатлением от решительной телеграммы германского кайзера решил приостановить мобилизацию. По телефону он приказал Янушкевичу не проводить ее сейчас или отменить вовсе. Но Янушкевич не выполнил этого ясного приказа, а спросил мнение министра иностранных дел Сазонова, с которым он в течение многих недель находился в постоянных сношениях, вместе с ним интригуя и подстрекая к войне. Сазонов на это ответил, что приказ царя бессмыслица. Пусть только генерал проводит мобилизацию, а он, Сазонов, завтра же снова уговорит царя и разъяснит ему глупую телеграмму германского кайзера. После этого Янушкевич донес царю, что мобилизация уже в полном ходу и отменить ее нельзя. «Это была ложь, прибавил в заключение к своему рассказу князь Тундутов, так как я сам видел приказ о мобилизации у Янушкевича на его письменном столе. Приказ,

следовательно, еще не был отослан по назначению».

В этом эпизоде психологически интересно то, что царь Николай, помогавший готовить мировую войну и уже издавший приказ о мобилизации, в последний момент хотел повернуть обратно. По-видимому, моя решительная, предостерегающая телеграмма заставила его впервые ясно понять ту чудовищную ответственность, которую он берет на себя своими военными приготовлениями. Именно поэтому он и хотел приостановить ту человекоубийственную военную машину, которую сам же только что привел в движение. Это было еще возможно, положение можно было еще спасти, если бы Сазонов не воспрепятствовал выполнению царского приказа.

На мой вопрос князю Тундутову, подстрекал ли к войне великий князь Николай Николаевич, который был известен как ненавистник немцев, Тундутов ответил, что великий князь, конечно, энергично агитировал за войну, но подстрекательство вообще было излишне, так как все равно во всем офицерском корпусе царило сильное милитаристское настроение против Германии. Этот дух был перенесен из французской армии на русских офицеров. Войну, собственно, хотели затеять еще в 1908 1909 годах (из-за боснийского вопроса), но Франция тогда еще не была готова. В 1914 году и Россия в сущности еще была не совсем готова; Янушкевич и Сухомлинов намечали войну только на 1917 год. Но Сазонова и Извольского, как и французов, нельзя было больше

удержать. Сазонов и Извольский боялись революции в России и влияния германского кайзера на царя, которое могло бы отвлечь царя от мысли о войне. Французы же, уверенные тогда в поддержке Англии, боялись, что последняя позже сможет войти в соглашение с Германией в ущерб их интересам. На вопрос, знал ли царь о господствовавшем среди офицеров милитаристском настроении и допускал ли он его, князь Тундутов ответил: характерно, что царь из осторожности раз навсегда запретил приглашать немецких дипломатов и военных атташе к устраиваемым офицерством обедам или ужинам, на которых он лично присутствовал.

При наступлении в 1914 году наши войска нашли в Северной Франции и на бельгийской границе большие склады английских солдатских шинелей. По словам жителей, эти шинели были сложены здесь еще в последние предшествовавшие войне годы. Английские пехотинцы, взятые нами в плен летом 1914 года, большей частью не имели шинелей и на вопрос «почему?» отвечали довольно наивно: «Мы должны были найти свои шинели на складах Мобежа, Ле-Кенуа и т. д. в Северной Франции и Бельгии». Так же обстояло дело с картами. Мы нашли в Мобеже массу английских военных карт Северной Франции и Бельгии; некоторые экземпляры были мне представлены. Названия мест были напечатаны по-французски и по-английски, и на полях все обозначения были переведены для удобства солдат, например: moulin – mill, pont – bridge, maison – house, ville – town, bois – wood и т. д.

Эти карты были изданы в 1911 году и отпечатаны в Саутгемптоне. Англия открывала свои склады во Франции и в Бельгии с разрешения французского и бельгийского правительств еще до войны. Какая буря негодования разразилась бы в Бельгии, этой «нейтральной стране», и какой шум подняли бы Англия и Франция, если бы мы захотели в мирное время устроить в Спа, Люттихе, Намюре склады немецких военных шинелей и карт.

Среди государственных деятелей, которые наряду с Пуанкаре особенно много способствовали возникновению пожара мировой войны, на первом месте должна стоять группа Сазонова – Извольского. Извольский, как говорят, заявил в Париже, гордо бия себя в грудь: «Это я сделал войну. Я отец этой войны». Делькассе несет большую долю вины за мировую войну, еще больше доля Грея, как духовного руководителя «политики окружения», которую он добросовестно проводил, выполняя «завет» своего покойного короля.

Как мне сообщили, важную роль в подготовке мировой войны, направленной против монархических центрально-европейских держав, сыграла долголетняя, упорно стремившаяся к своей цели политика интернациональной масонской «Ложы Великого Востока».

Германские ложи не имеют никакой связи с «Ложей Великого Востока», за исключением двух из них, в которых преобладают немецкие финансисты и которые находятся в тайных сношениях с парижской «Ложей Великого Востока».

Германские ложи, как меня уверял один уважаемый немецкий масон, сообщивший все эти до сих пор не известные мне факты, были вполне лояльны. В течение 1917 года в Париже, по рассказам этого масона, состоялось международное совещание «Лож Великого Востока», за которым последовало еще одно совещание в Швейцарии. На нем была установлена следующая программа: раздробление Австро-Венгрии, демократизация Германии, устранение Габсбургского дома, отречение германского кайзера, возвращение Эльзас-Лотарингии Франции, объединение Галиции с Польшей, устранение папы и католической церкви, как и вообще всякой государственной церкви в Европе. Я здесь не имею возможности проверить сделанные мне вполне добросовестно сообщения об организации и работе «Лож Великого Востока». Тайные и явные политические организации играли в жизни народов и государств важную роль с тех пор, как существует человечество. Иные из них действовали плодотворно. Но большей частью они таят в себе разрушительные тенденции, служа тайным лозунгам, которые боятся дневного света. Самые опасные из подобных сообществ окружают себя покровом всяческих идеальных побуждений, вроде деятельной любви к ближнему, сострадания к слабым и бедным и т. д., чтобы под подобной маской добиваться своих подлинных скрытых целей. Во всяком случае необходимо следить за деятельностью «Лож Великого Востока», ибо окончательно можно будет занять ту или иную позицию по отношению к этой миро-

вой организации лишь тогда, когда она будет основательно исследована.

Чисто военных операций я в этих записках не хочу касаться. Эту работу я хочу оставить моим офицерам и историкам, тем более что я пишу без всяких документов и мог бы говорить здесь о военных операциях лишь в самых общих чертах.

Когда я вспоминаю о тяжелых четырех годах войны с ее надеждами и сомнениями, с ее блестящими победами и потерей драгоценной человеческой крови, меня прежде всего охватывает чувство горячей признательности и глубокого восхищения несравненными подвигами немецкого вооруженного народа. Эта признательность в первую очередь относится к гениальным вождям в ужасной борьбе; прежде всего к генерал-фельдмаршалу фон Гинденбургу, преданному Эккарту немецкого народа, и его неразлучному талантливому советнику генералу Людендорфу. Однако не меньше признательности я питаю и к каждому из моих храбрых солдат. Моя особая благодарность тем, кто своей кровью запечатлел свою преданность кайзеру и государству.

Никакие жертвы не были слишком тяжелы для нашей родины. Наша армия, обороняясь в навязанной преступно нам войне, не только отразила значительно превосходившие нас силы 28 враждебных государств, но и добилась на суше, на воде и в воздухе побед, блеск которых в тумане наших дней, быть может, и кажется несколько потускневшим, но тем ярче он будет некогда сиять в свете истории. И это еще не все. Вез-

де, где у наших союзников наступало замешательство, наши зачастую немногочисленные войска всегда восстанавливали положение и далее приносили с собой значительные успехи. Немцы сражались на всех боевых участках обширного поля мировой войны. Героическая храбрость немецкого народа поистине заслуживает лучшей участи, чем пасть жертвой предательского удара в спину. По-видимому, такова уж судьба немцев, что они всегда падают в борьбе с немцами же.

Недавно я прочел изречение, не лишнее, к сожалению, основания: «В Германии каждый Зигфрид имеет за собой своего Гедура».

В заключение еще одно слово о немецких «зверствах». Вот два примера их.

Заняв Северную Францию, я тотчас же приказал организовать охрану памятников искусства. К каждой армии были причислены особые историки искусства и профессора, которые, разъезжая по окрестностям, осматривали, принимали и описывали церкви, дворцы и т. д. Среди других особенно отличился профессор Клемен, который во время похода должен был докладывать мне о защите памятников искусства. Все коллекции в городах, музеях и замках были пронумерованы и занесены в особые каталоги. Там, где им угрожала опасность со стороны военных действий, они эвакуировались и были собраны в Валансьене и Мобеже в двух великолепных больших музеях, где их заботливо охраняли. Каждое произведение искусства было помечено именем его владель-

ца. Старые окна Сен-Кантенского собора под огнем английских гранат с опасностью для жизни были вынуты немецкими солдатами. История разрушения церкви англичанами описана и опубликована немецким католическим священником, снабдившим ее фотографиями, и переслана, по моему приказанию, папе.

В Пинонском замке, принадлежащем принцессе де Пуа, в свое время гостившей в Берлине у императрицы и у меня, расположилось главное командование III армейского корпуса. Я посетил этот замок и некоторое время жил там. До того там стояли англичане. Последствия их хозяйничанья в замке были ужасны. Командовавшему корпусом генералу фон Лохову с его штабом пришлось употребить много усилий, чтобы после английского опустошения привести замок хоть в некоторый порядок. Вместе с генералом я посетил собственные покои принцессы, порог которых не переступил еще ни один наш солдат. Я нашел весь гардероб принцессы выброшенным английскими солдатами из шкафов и раскиданным по полу вместе со шляпами. Я велел тщательно почистить все платья, развесить их в шкафах и запереть. Письменный стол принцессы также был взломан, и ее частная корреспонденция валялась тут же на полу. По моему приказанию все письма были собраны, запакованы, запечатаны, положены в письменный стол и заперты. Позже нашли все столовое серебро принцессы закопанным в парке. По словам обитателей деревни, это было сделано уже в начале июля. Следова-

тельно, принцесса имела сведения о предстоящей войне еще задолго до ее начала. Я приказал тотчас же составить список этого серебра, передать последнее на хранение в Аахенский банк и вернуть после войны принцессе. Через обергофмаршала барона фон Рейшаха я известил принцессу о Пинонском замке, ее серебре и моем попечении над ее имуществом. Ответа не последовало. Напротив, принцесса опубликовала во французской прессе письмо такого содержания: генерал фон Клук украл все ее серебро.

Благодаря моему попечению и самоотверженным трудам немецких знатоков искусства и солдат были сохранены для французских владельцев и французских городов, нередко и с опасностью для жизни, художественные сокровища, оценивавшиеся миллиардами. Так поступали гунны и «боши».

XI. Папа и мир

Летом 1917 года я принял в Крейцнахе папского нунция Почелли, явившегося ко мне на аудиенцию в сопровождении капеллана. Благородный, обаятельный, высокоинтеллигентный, с превосходными манерами, Почелли представлял собой типичную фигуру католического князя церкви. Он знал немецкий язык настолько, что мог хорошо следить за немецким разговором, но не в такой степени, чтобы бегло говорить на нем. Разговор велся поэтому по-французски, причем иногда нунций пользовался отдельными немецкими выражениями. Капеллан говорил по-немецки бегло и вмешивался в разговор всякий раз, как только опасался, что на нунция окажут слишком большое влияние мои выводы.

Очень скоро разговор стал вращаться вокруг вопроса о мирном посредничестве и достижении мира, причем в этом отношении затрагивались, обсуждались и забраковывались различного рода проекты и возможности. Наконец, я предложил, чтобы папа сделал попытку стать посредником, после того как мое мирное предложение от 12 декабря 1916 года было отклонено Антантой в такой неслыханной форме. Нунций сказал, что это будет очень затруднительно; папа неоднократно пытался возбудить вопрос о мире, но всякий раз получал отказ. С другой стороны, папа в совершенном отчаянии от этой бойни и непрестанно думает о том, как бы по-

мочь европейскому культурному миру освободиться от бича войны. Каждая попытка в этом отношении будет чрезвычайно цениться Ватиканом.

Я сказал нунцию, что папа, как верховный пастырь всех римско-католических христиан и церквей, должен в первую очередь попытаться побудить католическое духовенство во всех странах изгнать из человеческих душ ненависть, ставшую наибольшим препятствием для прокладывания пути к миру. К сожалению, именно духовенство в странах Антанты в ужасающей степени распространяет и раздувает повсюду дух ненависти и борьбы. Я привел многочисленные военные донесения первого периода войны, свидетельствовавшие о том, что аббаты и кюре были пойманы с оружием в руках. Я указал на махинации кардинала Мерсье и бельгийского духовенства, представители которого часто занимались шпионажем; на проповедь протестантского епископа в Лондоне, прославлявшего с высоты церковной кафедры убийц с «Баролонга»⁵, и т. п. Было бы поэтому хорошо, если бы папе удалось побудить римско-католическое духовенство всех участвующих в войне стран к общему осуждению ненависти и к призывам к миру будь то выступления с церковной кафедры или пастырские послания, какие уже составило немецкое духовенство. Почелли нашел эту идею безусловно разумной и

⁵ «Баролонг» английский вспомогательный крейсер. В августе 1915 года им была потоплена германская подводная лодка. Часть членов экипажа этой лодки, ища спасения, бросилась в воду, но с «Баролонга» по ним был открыт огонь, и все они погибли.

достойной внимания, полагая лишь, что будет трудно побудить к этому различные епископаты. Я возразил, что не могу себе представить при твердой дисциплине в иерархии римской церкви, чтобы епископат какой-нибудь страны отказался следовать директивам папы, если последний торжественно и публично призовет князей церкви к проповеди миролюбия и уважения к противнику. Положение епископата ведь таково, что он стоит над партиями и обязан сеять миролюбие и любовь к ближнему, являющиеся основами христианской религии.

Почелли согласился со мной и обещал эту мысль серьезно обсудить, сообщив о ней в Ватикан. Продолжая разговор, нунций затронул вопрос о том, каким образом возможно, помимо предлагаемого мной чисто церковного шага, участие папы в установлении мира. Я указал нунцию, что Италия и Австрия являются римско-католическими государствами, на которые папе нетрудно решительно повлиять. Первое из этих государств его родина и место его постоянного пребывания; итальянский народ почитает его, и на Италию он может оказать непосредственное влияние. Австрия же управляется государем, который даже носит титул «апостольского», находится, как и вся его династия, в непосредственных сношениях с Ватиканом и принадлежит к преданнейшим сынам римской церкви. Поэтому, продолжал я, мне кажется, что папе будет нетрудно по крайней мере попытаться положить начало мирному посредничеству хотя бы в этих двух

странах, побудив их вступить в мирные переговоры. Дипломатическое искусство и политическая дальновидность Ватикана известны всему миру. Если таким образом будет положено начало, имеющее хорошие шансы на успех, то остальные державы едва ли смогут отказаться от приглашения Ватикана к взаимному обмену мнениями, что вначале, понятно, никого ни к чему не обяжет.

Нунций снова возразил, что Ватикану будет трудно сговориться с итальянским правительством, так как он, Ватикан, не имеет с последним никаких прямых отношений и никаким влиянием на него не пользуется. Итальянское правительство никогда не пойдет на подобные переговоры, организованные через посредничество Ватикана.

Тут вмешался в разговор капеллан, заявив, что подобный шаг со стороны папы совершенно исключен, ибо это может вызвать последствия прямо-таки опасные для Ватикана. Правительство тотчас же мобилизует против Ватикана «пиаццу», (т. е. «улицу», собственно площадь), чего Ватикан не должен навлекать на себя.

Когда я не принял всерьез это возражение, капеллан стал горячиться. Он говорил, что я не знаю римлян, что, когда их подстрекают, они становятся ужасны. Как только «пиацца» приходит в волнение, положение становится угрожающим. Тогда можно быть готовым и к штурму Ватикана, при котором может подвергнуться опасности жизнь самого папы. На это я возразил, что тоже достаточно знаю Ватикан. Его не

может штурмовать никакая народная толпа или «пиацца». Папа, помимо того, имеет сильную партию и в обществе, и в народе, и она тотчас же станет на его защиту. С этим нунций согласился. Капеллан, однако, не смущаясь, продолжал рисовать ужасы «пиаццы» и изображать в самых мрачных красках угрожающие папе опасности. Я объяснил капеллану, что если бы кто-нибудь захотел взять штурмом Ватикан, то он должен был бы сначала привести батарею тяжелых мортир и гаубиц, а также войска для правильной осады его. Всего этого, конечно, нет в распоряжении «пиаццы». Поэтому крайне неправдоподобно, чтобы «пиацца» что-либо предприняла. Я упомянул также, что слышал, будто в Ватикане на случай нападения уже приняты меры предосторожности. На это капеллан промолчал. Нунций еще раз заметил, что папе будет трудно сделать что-либо практически ощутимое для мира, без того чтобы не натолкнуться на сопротивление со стороны светской Италии. Папа ведь, к сожалению, не свободен в своих действиях. Если бы он имел собственную страну или по крайней мере собственную область, где он мог бы автономно управлять и свободно распоряжаться по своему усмотрению, то положение было бы совершенно иным, а при теперешнем положении он слишком зависит от светского Рима и не всегда может поступать по своему желанию.

Тогда я подчеркнул, что цель принести мир народам настолько священна и велика, что папа никоим образом не может дать себя запугать этими чисто светскими соображениями.

ями, отказавшись от своей, как бы специально для него созданной задачи. Если ему удастся осуществить ее, то благодарные ему народы по заключении мира, конечно, охотно поддержат перед итальянским правительством его стремление к независимости. Последние мои слова произвели впечатление на нунция, и он сказал, что я все же прав и что папа должен что-нибудь сделать для заключения мира.

Вслед за тем я обратил внимание нунция на следующее обстоятельство. Нунций, вероятно, наблюдал, как энергично социалисты всех стран всеми способами стараются поддержать стремление к миру. Мы всегда давали германским социалистам разрешение ехать в нейтральные страны, где они на конгрессах обсуждали вопрос о мире, ибо я придерживался того мнения, что социалистам известны желания и взгляды народных масс. У нас не ставится никаких препятствий никому, кто честно и без задних мыслей намерен содействовать миру.

Подобное тяготение к миру распространено и среди народов Антанты, и среди их социалистов. Этим социалистам, однако, ставятся препятствия в их поездках на конгрессы в нейтральные страны, причем отказывают в выдаче заграничных паспортов. Стремление к миру растет во всех странах. Народы все больше проникаются жаждой мира, и если среди правителей не найдется никого, кто предложил бы для этой цели свою помощь моя попытка, к сожалению, потерпела крушение, то народы, наконец, сами возьмут дело в свои

руки. Это произойдет, как доказывает история, не без опасных потрясений и переворотов, которые затронут также римскую церковь и папу. Что должен думать солдат-католик, когда он постоянно слышит о стараниях в пользу мира со стороны социалистических вождей и в то же время никогда не видит попыток папы освободить его от бедствий войны. Если папа ничего не сделает в пользу мира, то возникнет опасность, что мир будет добыт усилиями социалистов, и тогда наступит конец господствующему положению папы и римской церкви даже среди католиков.

Этот аргумент подействовал на нунция. Он заявил, что немедленно доложит в Ватикан о моей точке зрения и сам выступит в пользу немедленных действий папы с целью добиться мира. Крайне взволнованный капеллан снова вмешался в разговор, заявив, что папа подвергнет себя опасности быть растерзанным «пиаццой». Я протестант и, следовательно, в глазах капеллана еретик, отпарировал я новое выступление капеллана, несмотря на это, я должен здесь констатировать следующее: папа считается католической церковью и всем миром «наместником Христа на земле». Изучая Священное писание, я серьезно и подробно занимался личностью Спасителя, стараясь углубиться в сущность ее. И для меня ясно, что Спаситель никогда не боялся «пиаццы», хотя в его распоряжении не было дворцов в виде крепости с гвардией и оружием. Спаситель всегда шел в эту самую «пиаццу», обращался к ней и, в конце концов, во имя этой враж-

дебной ему «пиаццы» пошел на крестные муки. И теперь я должен поверить тому, что Его «наместник на земле» только из-за распущенной римской «пиаццы» якобы боится стать по примеру Спасителя мучеником, чтобы принести мир истекающим кровью народам? Будучи протестантом, я, однако, слишком высокого мнения о римском пастыре, тем более о папе, чтобы поверить этим утверждениям. Для него не может быть ничего более прекрасного, чем всецело отдаться великому делу мира, не обращая внимания ни на что и не считаясь даже с опасностью, очень отдаленной в сущности, стать мучеником за это дело.

Нунций с сияющими глазами схватил мою руку и глубоко тронутый сказал: «Вы совершенно правы. Это долг папы. Он должен действовать. Через него народы снова должны получить мир. Я передам Ваши слова Его Святейшеству». Капеллан отвернулся, покачал головой и пробормотал про себя: «Ah, la Piazza, la Piazza».

ХII. Конец войны и отречение

Через несколько дней после 8 августа 1918 года я созвал коронный Совет, чтобы выяснить положение и, сделав соответствующие выводы, наметить те основные линии, по которым должна идти политика графа Гертлинга. Высшее военное командование одобряло мысль, что рейхсканцлер должен найти возможность какого-либо соглашения с неприятелем. Но в то же время оно подчеркивало необходимость сначала занять так называемую Гинденбургскую линию, основательно откинув врага; только после этого можно будет начать переговоры. Затем я приказал канцлеру обратиться к нейтральной державе Голландии, выяснив, готова ли она сделать подобный шаг к мирному посредничеству.

Обращение о мире через Голландию очень затрудняло то обстоятельство, что Австрию никак нельзя было побудить к четкому соглашению, и она без конца тянула с определенным выражением своей точки зрения по этому поводу. Даже устное соглашение между мной и императором Карлом вскоре под влиянием Буриана было им аннулировано. Нидерландское правительство, уже извещенное мною, изъявило свою готовность к посредничеству. Между тем Австрия без нашего ведома сделала свое первое сепаратное предложение о мире, сдвинув, таким образом, вопрос с места. Император Карл втайне от нас уже вступил в сношения с Ан-

тантой, давно уже решив оставить нас одних. Он поступал по плану, так изложенному им своим приближенным: «Когда я нахожусь у германцев, я во всем поддакиваю им; но когда я возвращаюсь домой, я делаю то, что хочу». Выходило так, что Вена постоянно обманывала мое правительство и меня. Причем мы ничего не могли предпринять против этого, ибо оттуда нам всегда давали понять: если вы будете чинить затруднения, то мы оставим вас на произвол судьбы, т. е. наша армия не будет больше сражаться на вашей стороне. А этого, конечно, необходимо было по возможности избегать как по военным, так и по политическим соображениям. Отпадение Австро-Венгрии и привело нас к катастрофе. Если бы император Карл еще только три недели мог сдерживать свои нервы, многое произошло бы иначе. Андраши, по его собственному признанию, уже давно вел в Швейцарии за нашей спиной переговоры с Антантой. Таким образом, император Карл надеялся обеспечить себе хорошее отношение со стороны Антанты.

После нашей неудачи 8 августа генерал Людендорф заявил, что не может больше ручаться за победу на фронте и поэтому необходимо подготовить путь к мирным переговорам. Так как дипломатии не удалось успешно завязать их, а военное положение между тем из-за революционной агитации все более ухудшалось, Людендорф 29 сентября вместо мирных переговоров потребовал начать переговоры о перемирии. В этот критический период на родине началось силь-

ное движение в пользу образования нового правительства для заключения настоятельно необходимого мира. Я не мог игнорировать это движение, потому что старому правительству в течение 7 недель, с 8 августа до конца сентября, не удалось наладить более или менее успешных мирных переговоров. Тогда же ко мне явились с фронта генералы фон Гальвиц и фон Мудра. Они набросали картину внутреннего положения в армии, упомянув о большом числе дезертиров, случаях неповиновения, появления красных флагов в поездах для отпускных, возвращающихся с родины, и т. п. Генералы видели главную причину всех зол в царившем на родине настроении, неблагоприятно отражавшемся на армии. Общее желание окончания войны и заключения мира перешло с родины на фронт и стало уже замечаться в отдельных войсковых частях. Генералы поэтому полагали, что армия немедленно должна быть отозвана за линию Антверпен – Маас.

В тот же день я по телефону дослал фельдмаршалу фон Гинденбургу приказ как можно скорее отступить за линию Антверпен – Маас. Отступление усталой, но не разбитой окончательно ни в одном месте армии означало лишь переход ее на значительно более сконцентрированную и более удобную позицию, которая, к сожалению, не была в достаточной степени укреплена. Мы должны были поставить себе цель снова завоевать свободу действий, что, по моему мнению, ни в коем случае не было безнадежно. Ведь мы во время войны неоднократно проводили отступление, чтобы занять

более удобные в военном отношении позиции. Конечно, армия была уже не та. Пополнения 1918 года были сильно заражены революционной пропагандой и часто пользовались темнотой ночи, чтобы скрыться от огня и исчезнуть с поста. Но большая часть моих дивизий до конца дралась безупречно, сохранив дисциплину и военный дух. Они все еще по своим внутренним достоинствам превосходили неприятеля. Ибо, несмотря на свой перевес как в численности солдат, так и в количестве артиллерии, амуниции, танков и аэропланов, неприятельские армии терпели неудачу всякий раз, когда наталкивались на серьезное сопротивление с нашей стороны. Союзы наших старых фронтовых солдат были правы, начертав на своем знамени гордое изречение: «Непобедимы ни на суше, ни на море».

То, что сделал в течение четырех лет войны на фронте немецкий воин, а следовательно, весь немецкий вооруженный народ выше всякой похвалы. Неизвестно, чему нужно больше удивляться: тому ли воодушевлению, с каким наша прекрасная молодежь в 1914 году шла в атаку против врага, не дожидаясь нашего артиллерийского огня, или той самоотверженной преданности долгу и стойкости, с какими наши солдаты, которых скудно кормили и редко заменяли новыми частями, которые ночью работали лопатой, а днем находились в окопах и разных убежищах или лежали в воронках от гранат, из года в год оказывали сопротивление ураганному огню вражеской артиллерии, ее танкам и самолетам. И эта

армия, уставшая до крайности почти после 4 лет войны, еще была способна к успешному наступлению. Несмотря на свое колоссальное превосходство, наши враги этим похвастаться не могли. И все же нельзя было требовать от нашей армии сверхчеловеческого. Мы должны были отступить, чтобы хоть немного передохнуть.

Фельдмаршал воспротивился приказу об отступлении. По его мнению, надо было еще остаться на месте по политическим соображениям (вести мирные переговоры и т. д.); надо-де раньше эвакуировать военные материалы и т. п.

В согласии с сообщенным мне желанием армии я решил тогда отправиться на фронт, чтобы быть вместе с моими ведущими тяжкую борьбу войсками и чтобы лично убедиться в их духе и состоянии. Я тем более мог осуществить свое решение, что после формирования нового правительства ни оно, ни рейхсканцлер не привлекали меня к делам, и мое пребывание дома было бесцельным. Ноты Вильсону обсуждались и составлялись на многочасовых заседаниях Зольфом, военным министерством и рейхстагом, причем я даже не был об этом осведомлен. Поэтому в конце концов при отправке последней ноты Вильсону я в очень ясной форме дал понять Зольфу, что желаю получить сведения об этой ноте до ее отправки. Зольф явился и прочел мне ее, гордый тем, что в ответ на требование Вильсона сложить оружие ему удалось найти выход в виде предложения Германии о перемирии. Когда я затем обратил внимание его на слухи об отре-

чении и потребовал, чтобы Министерство иностранных дел выступило в прессе против недостойной газетной полемики в связи с этими слухами, Зольф возразил, что об этом, совершенно не стесняясь, говорят на всех перекрестках даже и в лучших кругах. Видя мое негодование, Зольф в виде утешения сказал мне, что если Его Величество уйдет, то он тоже уйдет, ибо при таких условиях он дольше служить не может. (Когда я ушел, вернее, был свержен своим собственным правительством, господин Зольф все же остался.) Узнав о моем решении отправиться на фронт, рейхсканцлер принц Макс всеми способами пытался помешать этому. На вопрос, почему я хочу уехать, я сказал, что считаю свое возвращение на фронт почти после месячной разлуки с тяжело борющейся армией своим долгом верховного главнокомандующего. На возражение канцлера, что мое присутствие необходимо здесь, я в свою очередь ответил, что у нас еще война, и кайзер прежде всего должен быть там, где борются его солдаты. В конце концов я категорически заявил, что поеду. Когда придет нота Вильсона о перемирии, прибавил я в заключение, то ее, конечно, придется обсудить в главной квартире в армии, и канцлер придет тогда на совещание в Спа.

Я отправился на фронт во Фландрию, вторично отдав Генеральному штабу в Спа решительный приказ как можно скорее отступить на позицию Антверпен – Маас, чтобы войска, наконец, вышли из боевой линии на отдых. Несмотря на возражения, что это требует времени, что новые позиции

еще не готовы, что надо сначала эвакуировать военные материалы и т. п., я оставил свой приказ в силе. Отступление началось.

Во Фландрии я принимал делегации от различных дивизий, говорил с солдатами, раздавал ордена, и меня радостно приветствовали всюду и офицеры, и солдаты. Особым воодушевлением были охвачены солдаты одного саксонского королевского рекрутского батальона, встретившие меня на вокзале бурными приветствиями, когда я снова сел в свой поезд. Когда я раздавал ордена солдатам одной гвардейской дивизии, прямо над нами пролетал вражеский аэроплан, обстрелянный нашими пушками и пулеметами и бросивший бомбы вблизи особого поезда. Высшие командные лица в один голос доносили, что дух войск на передовых позициях хорош и стоек, но в задних войсковых колоннах это уже далеко не так. Худшими элементами являются отпускные. Очевидно, распропагандированные и зараженные на родине, они приносят с собой оттуда на фронт дух разложения и дезорганизации. Молодые рекруты, наоборот, вполне надежны.

В Спа, куда я затем отправился, приходили постоянные известия с родины об усиливающейся там агитации против кайзера, о растущей слабости и беспомощности правительства, которое, не имея инициативы и энергии, безвольно позволяло играть собой. В прессе правительство в насмешку называли «клубом для дебатов»; в руководящих газетах принца Макса именовали «канцлером революции». Как я впо-

следствии узнал, он из-за гриппа пролежал в постели более 10 дней, фактически не будучи, таким образом, в состоянии вести дела. Германским государством управляли его превосходительство фон Пайер и Зольф совместно с постоянно заседавшим так называемым военным кабинетом. В такое критическое время находящийся в опасности государственный корабль, по моему мнению, не должен был управляться заместителем рейхсканцлера. Заместитель, конечно, не может пользоваться таким авторитетом, как сам ответственный глава правительства. А между тем авторитет был тогда особенно необходим. Насколько мне известно, вице-канцлеру даже не были даны широкие полномочия. Правильным и наиболее целесообразным решением вопроса об управлении страной была бы отставка принца Макса и назначение на его место более сильной личности. Но так как у нас была парламентская система управления, то смена канцлера могла произойти лишь по инициативе партий, которые и должны были представить мне нового кандидата на пост рейхсканцлера. Этого, однако, не произошло.

И вот, в конце концов, начались попытки правительства рейхсканцлера побудить меня отречься от престола. По поручению канцлера, министр внутренних дел Дреус явился ко мне, чтобы ознакомить с царившим в стране настроением. Он обрисовал мне известные инциденты в прессе, в высших финансовых кругах и обществе, подчеркнув, что сам рейхсканцлер в вопросе об отречении от престола не занял

никакой определенной позиции и все же послал его ко мне. Дреус, следовательно, должен был побудить меня самому прийти к мысли о необходимости отречения, чтобы не создавалось впечатление, будто правительство оказало на меня давление. Я разъяснил министру те роковые последствия, к которым приведет отречение, и спросил его, каким образом он, будучи прусским чиновником, может согласовать требование о моем отречении с чиновничьей присягой своему королю. Дреус смутился и стал оправдываться тем, что его послал ко мне рейхсканцлер, который якобы не мог найти другого чиновника для выполнения этого поручения. Впоследствии мне сообщили, что Дреус был одним из первых чиновников, заговоривших об отречении своего государя и короля. Я отказался отречься от престола, заявив, что соберу войска и возвращусь с ними на родину, чтобы помочь правительству поддержать порядок в стране. После этого Дреус в моем присутствии был принят фельдмаршалом фон Гинденбургом и генералом Тренером. Передав им поручение канцлера, он получил очень резкий отпор от обоих генералов, говоривших от имени армии. При этом генерал Тренер дал принцу Максиму такую характеристику, что я даже вынужден был успокоить и утешить Дреуса. Фельдмаршал, между прочим, обратил внимание министра на то, что армия в случае моего отречения не станет больше сражаться и сама себя распустит, тем более что большинство офицеров, по всей вероятности, уйдет и армия останется без руководителей.

Вскоре я узнал от одного из моих сыновей, что рейхсканцлер пытался уговорить его выполнить поручение, которое затем взял на себя Дреус. Мой сын с негодованием отказался предлагать своему отцу отречься от престола. Между тем я послал в Берлин фон Дельбрюка, поручив ему передать канцлеру общее, предназначавшееся к опубликованию в прессе официальное разъяснение, которое должно было заменить и дополнить мое прежнее не опубликованное канцлером обращение к министрам и прояснить общественному мнению мое отношение к правительству и к новой ориентации. Канцлер сначала не опубликовал и этого разъяснения. Лишь через несколько дней он счел себя вынужденным опубликовать его в связи с письмом, написанным ему, как я после узнал, императрицей. Господин фон Дельбрюк донес мне, что в Берлине вообще и в прессе в частности мое разъяснение произвело хорошее впечатление, разрядило атмосферу и внесло успокоение. Так что мысль об отречении стала исчезать, и даже правые социалисты решили отложить переговоры по этому вопросу. В последующие дни стали расти известия о том, что социалисты готовят беспорядки в Берлине. Сообщали, что канцлер все более нервничает. Доклад Дреуса по возвращении его из Спа не остался без влияния на правительство. Эти господа хотели, правда, освободиться от меня, но боялись последствий. Их точка зрения оставалась неопределенной, как и их поведение. Они вели себя так, будто не хотели республики, совершенно не замечая при

этом, что их образ действий должен привести именно к республике. Их поведение и было многократно истолковано в том смысле, словно они и имели в виду эту цель. На основании загадочного поведения канцлера по отношению ко мне многие сделали заключение о том, что он стремится меня устранить, чтобы, предварительно пройдя промежуточную стадию правителя государства, впоследствии самому стать президентом Германской Республики.

Эти толки о принце Максе, несомненно, несправедливы. Подобного намерения не мог иметь член старого немецкого княжеского рода. Генерал Тренер, поехавший в Берлин, чтобы ознакомиться с положением дел, после возвращения в армию донес, что у него осталось крайне неутешительное впечатление о правительстве и о настроении в стране. Германия идет навстречу революции. Правительство лишь все разрушает, не создавая ничего положительного. Народ хочет мира во что бы то ни стало, совершенно не считаясь с тем, какой характер он будет носить. Авторитет правительства равен нулю; травля кайзера в полном ходу; отречения едва ли можно уже избежать. Войска ненадежны, в случае восстания можно ожидать неприятных сюрпризов. При задержании уголовной полицией курьерских сундуков русского большевистского посла были обнаружены компрометирующие материалы: оказалось, что русское посольство совместно со спартаковской группой уже давно и энергично организует в подполье большевистскую революцию по русскому об-

разу. Это происходило на глазах у полиции и с ведома Министерства иностранных дел, высмеивавшего все постоянно делавшиеся ему предостережения или отклонявшего их подтем предлогом, что нельзя раздражать большевиков. И полиция была бессильна, так как Министерство иностранных дел все время вмешивалось в ее действия. Через дезорганизованных отпускных солдат яд проник уже в армию. Она отчасти уже разложилась, и когда после перемирия освободится и вернется на родину, то откажется бороться с повстанцами. Поэтому всякое перемирие, как бы ни были тяжелы его условия, должно быть немедленно и безусловно принято; армия уже ненадежна, и родина находится накануне революции.

Утром 9 ноября рейхсканцлер принц Макс Баденский вторично сообщил мне (впервые об этом мне было сообщено 7-го), что социал-демократы, а также социал-демократические статс-секретари требуют моего отречения от престола. Того же взгляда придерживаются и остальные члены правительства, до тех пор бывшие еще против этого акта. Так же обстояло дело и с партиями, составлявшими большинство в рейхстаге. Он просил меня поэтому немедленно отречься от престола, ибо в противном случае в Берлине можно ожидать кровопролития и настоящих уличных боев; небольшие стычки уже начались.

Я тотчас же вызвал к себе фельдмаршала фон Гинденбурга и генерал-квартирмейстера генерала Тренера. Последний

доложил еще раз, что армия не может больше сражаться и хочет прежде всего покоя. Поэтому необходимо во что бы то ни стало заключить перемирие, и притом как можно скорее, ибо армия имеет продовольствие лишь на 6-8 дней и отрезана от всякого подвоза мятежниками, занявшими наши продовольственные склады и мосты через Рейн. Посланная во Францию из Берлина комиссия по заключению перемирия, как дальше докладывал мне генерал Тренер, в составе Эрцбергера, посла графа Оберндорфа и генерала фон Винтерфельда прошла третьего дня вечером французские линии, но до сих пор по непонятной причине ничего не давала знать о себе в главную квартиру. Кронпринц со своим начальником штаба графом Шуленбургом также прибыли в главную квартиру и приняли участие в нашем совещании. Одновременно рейхсканцлер неоднократно говорил по телефону с главной квартирой, настойчиво торопя меня и сообщая, что социал-демократы вышли из правительства и дальше медлить опасно. Военный министр доносил: «Полная неуверенность в войсковых частях в Берлине. 4-я Егерская, 2-я рота Александровского полка, 2-я Ютеборгская батарея перешли на сторону восставших; уличных боев нет». Я хотел избавить свой народ от гражданской войны. Если мое отречение было действительно единственным средством избежать кровопролития, то я был готов отказаться от звания германского кайзера, но не хотел отречься от прусской короны. Я желал остаться прусским королем и быть по-прежнему среди своих

войск, ибо вожди армии заявили, что в случае моего полного отречения офицеры поголовно уйдут, и тогда армия, лишенная своих руководителей, устремится на родину, нанося ей вред и подвергая ее опасностям.

Из главной квартиры канцлеру передали, что я сначала должен зрело обдумать и точно сформулировать свое решение, после чего ему сообщат его. Когда через некоторое время канцлеру передали мое решение, из Берлина последовал неожиданный ответ: оно запоздало. Рейхсканцлер, не дожидаясь моего ответа, возвестил от своего имени о моем якобы состоявшемся отречении, как и об отказе от трона со стороны кронпринца, который по этому поводу вообще не был запрошен. Он передал правление в руки социал-демократов и призвал г-на Эберта на пост рейхсканцлера. Обо всем этом было передано по беспроволочному телеграфу, и вся армия читала эти телеграммы. Таким образом, у меня выбили из рук возможность самостоятельно решить: остаться мне, или уйти, либо сложить с себя кайзеровское достоинство, сохранив в то же время за собой прусскую королевскую корону. Армия была тяжело потрясена ложным представлением о том, что ее король в критический момент бросил ее. Если рассмотреть поведение рейхсканцлера принца Макса Баденского в целом, то представится следующая картина. Сначала торжественное обещание стать вместе с новым правительством на защиту императорского трона. Затем утаивание обращения кайзера к министрам, а оно могло бы благоприят-

но подействовать на общественное мнение. Устранение кайзера от всякого сотрудничества. Предание личности кайзера на произвол из-за упразднения цензуры. Полное отсутствие заступничества за монархию при отречении. Попытки побудить кайзера к добровольному отречению. Наконец, самозванное возвешение по беспроволочному телеграфу о моем состоявшемся якобы отречении от престола. Весь исход этого дела обнаруживает опасную для государства игру, которую вел Шейдеман, целиком державший канцлера в своих руках. Шейдеман оставил в неизвестности своих коллег по кабинету министров о своих подлинных намерениях. Он заставил принца постепенно опускаться с одной ступеньки на другую утверждением, что вожди не владеют больше массами. Таким образом он довел принца до того, что тот предал кайзера, князей и государство, и сделал принца разрушителем империи. Вслед за тем Шейдеман свергнул слабого «государственного деятеля».

После получения радиотелеграммы мое положение стало тяжелым. Войска, правда, стягивались к Спа, чтобы обеспечить беспрепятственное продолжение нормальной работы в главной квартире. Но высшее военное командование полагало, что нельзя уже рассчитывать на безусловную преданность войск в том случае, если из Аахена и Кельна подойдут восставшие солдаты и наши части будут, таким образом, поставлены перед необходимостью вооруженной борьбы со своими собственными товарищами. Все мои советники ре-

комендовали мне поэтому оставить армию и уехать в нейтральную страну, чтобы избежать гражданской войны.

Я пережил ужасную внутреннюю борьбу. С одной стороны, во мне, как в солдате, все возмущалось против того, чтобы бросить свои оставшиеся мне верными храбрые войска. С другой стороны, приходилось считаться как с заявлением врагов о том, что со мной они не хотят заключать никакого сносного для Германии мира, так и с утверждениями моего собственного правительства, что гражданской войны можно избежать лишь при моем отъезде за границу.

В этой борьбе я отбросил в сторону все личное. Я сознательно принес в жертву себя и свой трон, думая таким образом лучше всего служить интересам своего возлюбленного отечества. Но жертва была напрасна. Мой уход не принес нам более благоприятных условий перемирия и мира и не смог отвратить гражданской войны. Напротив, он ускорил и углубил самым губительным образом разложение в армии и в стране.

В течение тридцати лет армия была моей гордостью. Я жил и работал для нее. И теперь, после четырех блестящих лет войны с ее неслыханными победами, армия должна была погибнуть под ударами, нанесенными ей в спину революционерами как раз тогда, когда мир был уже совсем близок. Особенно глубокий удар в самое сердце нанесло мне то обстоятельство, что прежде всего мятеж захватил мое создание мой гордый флот.

Много говорилось о том, что я бросил армию и уехал в нейтральную страну. Одни говорят: кайзер должен бы был направиться на какой-либо участок фронта, броситься вместе с войсками на врага и искать смерти в последнем наступлении. Но это сделало бы невозможным осуществление столь желанного перемирия, о котором уже вела переговоры посланная из Берлина к генералу Фошу комиссия. Кроме того, это привело бы к совершенно бесполезным жертвам и гибели многих лучших и преданнейших воинов.

Другие полагают, что кайзер должен был вернуться на родину во главе армии. Но мирное возвращение домой было уже невозможно: мятежники захватили рейнские мосты и другие важные сооружения в тылу армии. Я мог, правда, во главе преданных, стянутых с боевого фронта войск пробиться на родину, но тогда гибель Германии была бы окончательной, ибо к войне с врагом, который, несомненно, устремился бы вслед за мной в Германию, прибавилась бы еще гражданская война.

Третьи считают, что кайзер должен был сам покончить с собой. Но этого я не мог сделать хотя бы в силу своих твердых христианских убеждений. И разве тогда не сказали бы: какой он трус в последнюю минуту он спасается от всякой ответственности самоубийством? Этот путь был для меня неприемлем и потому, что я должен был стремиться в связи с предстоящим тяжелым временем помочь своему народу и своей стране. Как раз в выяснении вопроса о виновни-

ках войны, все более определяющем нашу будущую судьбу, я особенно мог отстаивать интересы своего народа, ибо я больше, чем всякий другой, могу свидетельствовать о мирных устремлениях Германии и о нашей чистой совести.

После бесконечно тяжелой душевной борьбы я, по настойчивым советам высших ответственных лиц, принял решение уехать из своей страны, ибо на основании сделанных мне сообщений я должен был поверить, что таким путем я сослужу наилучшую службу Германии, сделаю возможными для нее более благоприятные условия перемирия и мира и избавлю ее от дальнейших человеческих потерь, гражданской войны, лишений и бедствий.

XIII. Вражеский и нейтральный суд

Когда стало известно требование Антанты о выдаче меня и вождей германской армии, я задумался над тем, принес ли бы я пользу своему отечеству, добровольно представ перед судом Антанты, раньше чем немецкий народ и германское правительство выскажутся по поводу этого требования. Для меня было ясно, что, по плану Антанты, выдача эта должна была настолько тяжело потрясти навсегда и государствен- ный, и национальный престиж Германии, чтобы мы никогда не могли снова занять подобающее нам место в первом ряду общей семьи народов в качестве равноправных и достойных ее членов. Я знал свой долг не ронять чести и достоинства Германии. Надо было решить, возможно ли создать предпо- сылки для добровольной явки, которые принесли бы пользу немецкому народу и обезвредили бы планы Антанты. В по- следнем случае я без колебаний был бы готов принести еще одну жертву наряду с уже принесенными мною.

Предложение моей добровольной явки, насколько я знаю, серьезно обсуждалось и в доброжелательных немецких кру- гах. Если при этом из-за психологической депрессии иногда и забывались те последствия, которые должно было вызвать бесцельное мученичество, самобичевание и самоунижение перед Антантой, то достаточно было вспомнить об изложен- ных вкратце выше подлинных реально-политических причи-

нах требования Антанты, чтобы понять необходимость категорического отклонения его. Иначе, конечно, обстояло бы дело, если бы я был уверен в том, что могу облегчить судьбу немецкого народа, приняв на себя перед всем миром ответственность за все действия моего правительства в связи с войной.

В данном случае речь шла не о сентиментальности, которая чужда политике, а, наоборот, о важном акте, таившем для меня много подкупающего. Формальное соображение о том, что, по тогдашней имперской конституции, ответственность падала не на меня, а лишь на одного рейхсканцлера, не послужило бы для меня препятствием, если бы я решил добровольно предстать перед судом Антанты.

Если бы была хоть малейшая надежда достигнуть таким путем улучшения положения Германии, то я лично ни в малейшей степени не сомневался бы в том, как мне поступить. Мою готовность к самопожертвованию я уже доказал, уехав из моей страны и отказавшись от трона моих отцов, после того как меня ошибочно и обманно уверили, что таким путем я сделаю возможным улучшение условий мира для моего народа и избавлю его от гражданской войны. Я взял бы на себя эту новую попытку помочь своему народу, хотя одно из выдвинутых передо мной соображений необходимость избежать гражданской войны уже успело в это время обнаружить свою несостоятельность. Моя добровольная явка на суд Антанты в действительности не принесла бы никакой пользы

немецкому народу. Она не имела бы никаких последствий и выполнила бы лишь требования врага о моей выдаче, ибо никакой суд в мире не может вынести справедливый приговор по вопросу о виновниках войны раньше, чем не будут опубликованы соответствующие материалы из государственных архивов всех участвовавших в войне держав, как это уже делается Германией. Но кто после неслыханного Версальского договора мог еще оставаться таким оптимистом, чтобы поверить тому, будто государства Антанты предоставят в распоряжение суда над виновниками войны свои тайные документы?

Поэтому, тщательно взвесив все изложенные выше соображения, выдвигавшие на первый план необходимость отстаивать свою честь и сохранить национальное достоинство немецкого народа, я должен был отклонить требование о добровольной явке на суд Антанты. Я не мог уподобиться Верцингеториксу⁶, который, как известно, доверяя великодушью своих врагов, сам выдал им свою голову, чтобы таким путем добиться лучшей участи для своего народа. По поведению наших врагов и во время войны, и во время мир-

⁶ Верцингеторикс один из галльских вождей, руководивших галльским восстанием против Цезаря в 52 г. до н. э. После подавления восстания он, желая спасти свой народ от окончательной гибели, сдался на милость победителя и был казнен, чтобы таким путем добиться лучшей участи для своего народа. По поведению наших врагов и во время войны, и во время мирных переговоров нельзя было предположить, что Антанта окажется великодушнее Цезаря, заковавшего в цепи и затем приказавшего казнить благородного галла и в то же время не пощадившего, а поработившего его народ.

ных переговоров нельзя было предположить, что Антанта окажется великодушнее Цезаря, заковавшего в цепи и затем приказавшего казнить благородного галла и в то же время не пощадившего, а поработившего его народ.

В общем, я хотел бы отметить, что следовать советам врага или хотя бы отчасти прислушиваться к ним всегда ошибочно. И предложения о добровольной явке, исходившие из благожелательных ко мне германских кругов, также выросли (хотя, быть может, и бессознательно) на почве неприятельских требований. Уже по одному этому их следовало отклонить. Следовательно, в отношении выяснения виновников войны остается лишь один путь обратиться к международной беспартийной инстанции, которая не будет судить отдельных лиц, а рассмотрит все события, вызвавшие мировую войну, произведет расследования во всех участвовавших в войне странах, разобравшись не только в германских, но и в других государственных архивах. И лишь на основании изучения добытых таким образом материалов вынесет свой приговор. С таким подходом к вопросу о суде над виновниками войны Германия может только солидаризоваться. Кто противится этому, тот сам выносит себе приговор.

Мой взгляд на затрагиваемую здесь проблему выясняется из перепечатаваемого ниже письма, адресованного мной 5 апреля 1921 года фельдмаршалу фон Гинденбургу и преданного им гласности. Чтобы лучше понять это письмо, ниже приводится и предшествовавшее ему письмо фельдмаршала

ко мне.

Ганновер. 30 марта 1921 г.

Ваше Императорское и Королевское Величество!

Прошу соизволения принести Вашему Величеству мою почтительнейшую благодарность за милостивое внимание к болезни моей жены. Опасность еще не прошла.

С родины я могу сообщить мало отрадного. Беспорядки в Средней Германии серьезнее, чем они изображаются прусским правительством. Надо надеяться, что скоро удастся их одолеть.

Все более угнетающим образом тяготеют над немецким народом последствия Версальского мира, цель которого вражеская политика нашего истребления выступает со дня на день во все более неприкрытом виде. Для оправдания этой политики насилия должна служить легенда о виновности немцев в возникновении войны. Говорящего от имени вражеского союза г-на Ллойд Джорджа мало смущает то, что он сам 20 декабря прошлого года заявил, что летом 1914 года ни один государственный деятель не хотел войны и что все народы были вовлечены в нее против своей воли.

В своей речи на Лондонской конференции он 3 марта уже спокойно заявил, что ответственность Германии за войну является фундаментом, на котором воздвигнуто здание Версальского договора. Если бы отказаться от этого принципа, то договор отпал бы сам собой.

Вопрос о виновниках войны теперь, как и раньше, являет-

ся основным фактором, определяющим будущее германского народа. Вынужденное признание германскими представителями в Версале нашей мнимой «виновности» в войне ныне мстит за себя самым ужасным образом. В не меньшей степени мстит за себя ложное признание министра Симонса на Лондонской конференции в том, что на Германии лежит «часть вины». Я сочувствую всей душой Вашему Величеству. Во время моей долгой военной службы я имел счастье и честь вступить в близкие личные отношения с Вашим Величеством. Я знаю, что во все время Вашего царствования заботы Вашего Величества были направлены к сохранению мира. Я могу понять, как безгранично тяжело для Вашего Величества быть устраненным от положительной работы на пользу отечества.

«Сравнительные исторические таблицы», составленные Вашим Величеством, один экземпляр которых в свое время, по приказанию Вашего Величества, был доставлен и мне, являются хорошим материалом для истории возникновения войны и могут устранить многие ошибочные представления по этому поводу. Я сожалел, что Ваше Величество не предали таблицы гласности, а ограничили распространение их тесным кругом. Теперь, после того как таблицы по нескромности некоторых опубликованы в иностранной прессе, причем частично в неполных выдержках, мне кажется целесообразным опубликование их полностью в немецкой прессе. К моей большой радости, я узнал, что в здоровье Вашего Ве-

личества в последнее время наступило улучшение. Да поможет Вам Бог и дальше. С глубочайшим благоговением, безграничной преданностью и благодарностью Вашего Императорского и Королевского Величества всеподданнейший
Фон Гинденбург, генерал-фельдмаршал.

Доорн, 5 апреля 1921 г.

Мой милый фельдмаршал!

Примите мою горячую благодарность за Ваше письмо от 30 марта. Вы правы. Самое тяжелое для меня быть вынужденным жить за границей, следить изнемогающей душой за ужасной судьбой нашего дорогого отечества, которому был посвящен труд всей моей жизни, и быть отстраненным от активного сотрудничества на благо родины. В мрачные, несчастные дни ноября 1918 года Вы стояли рядом со мной. Как Вы знаете, я пришел к тяжелому, ужасному решению покинуть свою страну лишь после настойчивых представлений, сделанных Вами и другими моими авторитетными советниками, о том, что только этим путем можно обеспечить нашему народу более благоприятные условия перемирия и избавить его от кровавой гражданской войны. Жертва была напрасна. Теперь, как и раньше, враги хотят заставить немецкий народ искупить мнимую вину «кайзеровской Германии». Подчиняя все личное соображениям о благе Германии, я воздерживаюсь от самооправдания. Я молчу в ответ на все измышления и клевету, распространяемые про меня. Я считаю ниже своего достоинства защищаться от нападок

и оскорблений.

Поэтому я и в упомянутых Вами «Исторических таблицах» придерживался строгой объективности, сделав их доступными лишь тесному кругу своих знакомых. Каким образом они теперь из-за чьей-то нескромности (или воровства?) попали в печать, мне совершенно непонятно. Намерение, руководившее мной при составлении исторических таблиц, было следующее: посредством систематического перечисления беспристрастных фактов собрать строго исторический материал, который дал бы возможность читателю составить собственное суждение о событиях, предшествовавших войне. Наилучшие, самые убедительные источники информации для своих таблиц я, кстати сказать, нашел в послевоенной литературе вражеских стран. Поэтому я рад, что Вы находите полезным мой скромный вклад в историю. Я благодарю Вас за Ваш совет сделать доступными немецкой прессе дополненные за это время таблицы; я исполню Ваш совет. Истина, словно лавина, мощно и неудержимо проложит себе дорогу. Кто не хочет игнорировать ее, тот должен признать, что в течение 26 лет моего царствования до войны внешняя политика Германии была направлена исключительно на поддержание мира. Моя внешняя политика стремилась исключительно к защите священной для меня родной земли, испытывавшей угрозу с запада и востока, и к мирному развитию нашей торговли и нашего народного хозяйства. Если бы мы когда-нибудь лелеяли воинственные планы, мы

начали бы войну в 1900 году, когда внимание Англии было целиком поглощено бурской войной, или в 1905, когда Россия была занята войной с Японией и нас ожидала почти верная победа. И, конечно, для начала войны мы не выбрали бы именно 1914 год, когда против нас стоял сплоченный и численно подавлявший нас враг. Помимо того, каждый беспристрастный человек должен признать, что Германии совершенно нечего было ожидать от войны, в то время как наши враги связывали с ней надежды на полное осуществление давно уже намеченных ими целей, клонивших к нашему уничтожению. Тот факт, что все наши старания, мои и моего правительства, в критические июльские и августовские дни 1914 года были направлены исключительно к поддержанию общего мира, все больше подтверждается новейшими литературными и документальными данными, опубликованными как немецкой, так и особенно неприятельской стороной. Убедительнейшим доказательством нашего миролюбия являются слова Сазонова: «Миролюбие германского кайзера гарантирует нам возможность самим выбрать нужный момент для войны». Какие еще требуются доказательства нашей невинности? Все это означает, что у наших врагов было намерение напасть на нас врасплох. Бог свидетель, что я для предотвращения войны дошел до крайних пределов того, за что мог взять на себя ответственность, считаясь с безопасностью и целостностью дорогого мне отечества.

О вине Германии не может быть и речи. Теперь нет ника-

кого сомнения в том, что не Германия, а вражеский союз заранее и планомерно подготавливал и вызвал войну.

Чтобы затмить этот факт, вражеский союз вынудил Германию к ложному «сознанию своей вины», зафиксированному в позорном мирном договоре, и потребовал, чтобы я *предстал перед вражеским судом*. Вы, мой милый фельдмаршал, знаете меня слишком хорошо, чтобы не понимать, что для меня не тяжела никакая жертва ради моего возлюбленного отечества. *Но суд, в котором союз наших врагов был бы одновременно и обвинителем, и судьей, явился бы не органом правосудия, а орудием политического произвола и послужил бы лишь тому, чтобы моим заранее подготовленным осуждением оправдать задним числом навязанные нам неслыханные условия мира*. Требование наших врагов я, естественно, должен был поэтому отклонить. Но для меня не может быть также и речи о том, чтобы я *предстал перед судом нейтральных стран*, составленным в обычном порядке. *Я не признаю по отношению к себе никакого суда со стороны какого бы то ни было земного судьи, как бы высоко этот судья ни стоял. Я не признаю суда надо мной за те распоряжения, которые я, по наилучшему своему разумению, отдавал как кайзер и король, стало быть, как неответственный по конституции представитель немецкой нации, ибо в таком случае я уронил бы честь и достоинство представляемого мной германского народа.*

Суд, направленный исключительно *против главы лишь*

одного из участвовавших в войне государств, лишает это государство равноправия с другими и этим самым всякого авторитета в семье народов. Кроме того, это вызвало бы заранее предусмотренное нашими врагами впечатление, будто во всем «вопросе о виновниках войны» имеется в виду исключительно глава одного государства и представляемая им нация. Беспристрастное расследование «вопроса о виновниках войны» невозможно, если к суду не будут привлечены также главы и руководящие государственные деятели вражеских держав и если их поведение не будет в одинаковой степени подвергнуто критике. Ибо поведение каждого отдельного государства при возникновении войны, понятно, может быть правильно оценено лишь постольку, поскольку принимаются во внимание действия его противников. Действительное выяснение «вопроса о виновниках войны», в чем Германия, конечно, заинтересована не менее своих врагов, могло бы иметь место лишь тогда, когда вопрос этот был бы передан на рассмотрение интернациональной, беспартийной инстанции, которая не производила бы уголовного суда над отдельными личностями, а установила бы и все события, вызвавшие мировую войну, и все нарушения международного права, чтобы уже затем на основании этих данных точно установить степень виновности отдельных причастных к войне лиц со стороны всех воевавших государств.

Подобное лояльное предложение было сделано со стороны Германии по окончании войны в официальной форме.

Ко, насколько мне известно, наши враги отчасти ответили на него отрицательно, отчасти вовсе не удостоили нас ответом. Германия тотчас же после войны открыла без всякого ограничения доступ в свои архивы, в то время как союз наших врагов до сих пор избегает следовать нашему примеру. Публикуемые теперь в Америке секретные документы из русских архивов являются лишь первым шагом в этом направлении.

Уже одно это поведение наших врагов наряду с появляющимся огромным изобличающим их материалом ясно указывает, где в действительности надо искать «виновников войны». Повелительный долг Германии диктует ей всеми средствами собрать, проверить и опубликовать весь материал, касающийся «вопроса о виновниках войны», чтобы таким образом вскрыть подлинные причины войны.

В состоянии здоровья Ее Величества, к сожалению, наступило ухудшение. Мое сердце сжимается в мучительнейшей тревоге.

Да будет Господь с нами.

Ваш благодарный

Вильгельм.

XIV. Вопрос о виновниках войны

История не знает примера такой войны, как мировая война 1914-1918 годов. В то же время история не знает примера такой путаницы, какая возникла в связи с вопросом о причинах, вызвавших мировую войну. Последнее тем более удивительно, что великая война застала высококультурное, просвещенное, политически развитое человечество и что причины мировой войны в сущности ясны и определены. Поэтому кажущаяся запутанность июльского кризиса 1914 года не может никого ввести в заблуждение. Тогдашний обмен телеграммами между кабинетами великих держав и монархами, устные переговоры государственных и общественных политических деятелей с влиятельными представителями Антанты все это, конечно, было чрезвычайно важно в связи с тем огромным значением, какое придавалось тогда почти каждому слову того или иного ответственного деятеля и каждой написанной или переданной по телеграфу строчке. Но основные причины войны от этого не изменяются. Они прочно установлены, и не надо бояться их вскрывать, спокойно и деловито высвобождая из запутанного клубка событий, предшествовавших началу войны.

Общее положение Германской империи складывалось в довоенное время блестяще. Именно поэтому становилось все более затруднительным ее положение на международ-

ной арене. Небывалый подъем промышленности, торговли и международных связей содействовал благосостоянию Германии. Кривая нашего развития все время шла вверх. Связанное с этим мирное завоевание значительной части мирового рынка соответствовало усердию и успехам немцев и должно было принадлежать им по справедливости. Но это не могло быть приятно более старым мировым государствам, в особенности Англии, что вполне естественно и не содержит ничего удивительного. Никому не доставляет радости обнаруживать, что вдруг у него под боком расположился конкурент и надо спокойно смотреть, как старая клиентура переходит к нему. Поэтому недовольство Англии успехами Германии на мировом рынке не может вызвать у меня никаких упреков в адрес Британской империи.

Если бы Англия сумела сбить или уничтожить немецкую конкуренцию, применяя более совершенные методы торговли, то это было бы ее правом, против которого нельзя ничего возразить. Наиболее сильный и ловкий и выиграл бы игру. В жизни народов нельзя считать предосудительным то, что в мирном соревновании состязаются на пользу своих народов два государства, пуская в ход одинаковые мирные средства, но применяя при этом разную степень энергии, смелости и организаторского таланта. Совершенно иначе обстоит дело, когда одна из состязающихся сторон, видя, что положению ее на мировом рынке грозит опасность из-за работоспособности, успехов и более совершенных торговых методов дру-

гой стороны, выступает против своего конкурента и, не умея состязаться с ним мирным путем, пускает в ход насилие, т. е. отказывается от мирных средств и прибегает к военным.

Наше международное положение еще больше затруднялось из-за того, что мы были вынуждены строить флот для защиты нашего благосостояния, которое в немалой степени базировалось на 19 миллиардах ежегодного германского экспорта и импорта. Предположение, будто мы строим флот для того, чтобы напасть на английские морские силы, далеко превосходившие наши, и уничтожить их, является абсурдным, ибо при фактическом соотношении сил на море мы не могли бы победить англичан. На мировом рынке мы все равно двигались вперед в соответствии с нашими планами, и в этом отношении нам не на что было жаловаться. Зачем же нам надо было ставить на карту плоды нашей мирной работы?

Во Франции с 1871 года заботливо лелеяли идею реванша. И в беллетристике, и в политической и военной литературе, в офицерском корпусе, в школах, в различных общественных организациях, в политических кругах всюду эта идея культивировалась во всевозможных вариациях. Я могу понять это настроение. Исходя из здоровой национальной точки зрения, следует в конце концов признать, что для всякого народа гораздо почетнее желание уничтожить плоды нанесенного ему поражения, чем молча проглотить его. Но Эльзас-Лотарингия уже в течение многих столетий была ко-

ренной немецкой областью. Она была в свое время захвачена Францией, а в 1871 году мы взяли ее обратно, как принадлежащую нам по праву. Поэтому война с целью реванша, предпринятая для завоевания исконно немецкой области, была незаконной и антиморальной. Уступка с нашей стороны в этом вопросе явилась бы пощечиной и нашему национальному чувству, и чувству законности вообще. Поскольку Германия никогда не могла согласиться на добровольное возвращение Франции Эльзас-Лотарингии, французская мечта о реванше могла быть осуществлена лишь победоносной войной, которая должна была продвинуть французские границы до левого берега Рейна. Германия же, наоборот, не имела никаких причин ставить на карту свои завоевания 1871 года. Она должна была, несомненно, стремиться сохранить мир с Францией, тем более что объединение держав, направленное против германо-австрийского двойственного согласия, выступало все более отчетливо.

В России дела складывались так, что мощная царская империя стремилась к выходу в южные моря. Это стремление естественно, и его нельзя осуждать. Помимо того, вражда, возникшая между Россией и Австрией главным образом из-за Сербии, затрагивала в то же время и Германию постольку, поскольку последняя была в союзе с Австро-Венгрией. К тому же в царской России постоянно происходило внутреннее брожение. Поэтому каждое царское правительство считало полезным держать наготове опасность внешних кон-

фликтов, чтобы иметь возможность в любое время отвлекать народ внешними затруднениями от внутренних проблем, создавая, таким образом, клапан для разрядки сгущенной политической атмосферы внутри страны. Огромная потребность России в займах покрывалась почти исключительно во Франции. В Россию перешли свыше 20 миллиардов французских золотых франков, расходованием которых Франция отчасти сама и распорядилась. При этом имелось в виду использовать французские займы исключительно для стратегических мероприятий, направленных к подготовке войны. Золотой цепью французских миллиардов царская империя не только была прикована к Франции в финансовом отношении, но и связала себя с французской идеей реванша.

Таким образом, в конечном счете Англия, Франция и Россия, как видно, по разным причинам преследовали одну общую цель сломить Германию. Англия, руководимая в своей вражде к Германии мотивами торгово-политического характера, Франция жаждой реванша, Россия, спутница Франции, соображениями внутренней политики и желанием пробиться к южным морям. Эти три великие державы должны были встретиться на одном пути. Объединение всех этих устремлений для общих планомерных действий против Германии мы и называем политикой окружения.

В связи с этим нельзя не учесть значение только недавно ставшего известным и детально рассмотренного мною в главе «Гогенлоэ» «gentleman's agreement» (джентльменско-

го соглашения), о котором я во время моего царствования вообще ничего не знал. Услышав о нем, я тотчас же осведомился о подробностях у г-на фон Бетмана. Он несколько уклончиво ответил мне в письме, что кое-что в этом духе действительно имеется в документах Министерства иностранных дел. Тогдашний немецкий посол в Вашингтоне фон Голлебен действительно конфиденциально донес как-то об этом «gentleman's agreement», но не сообщил источника своей информации. Поэтому Министерство иностранных дел не придало никакого значения всему этому делу, и мне о нем не сообщили. Таким образом, «gentleman's agreement» фактически не оказало никакого влияния на политику Германии. Оно, однако, доказывает, что англосаксонский мир еще в 1897 году сомкнулся против нас, и вскрывает в то же время причины многих затруднений германской политики. «Gentleman's agreement» объясняет также поведение Америки во время войны.

Зато об «Entente cordiale»⁷, его целях и причинах возникновения мы, напротив, очень хорошо знали, и именно оно имело решающее значение для определения направления всей нашей внешней политики.

Группировка Англии, Франции и России, т. е. трех сильнейших великих держав, заставила Германию сделать для се-

⁷ «Entente cordiale» («Сердечное согласие») название соглашения между Англией и Францией, заключенного в 1904 году. После заключенного в 1907 году англо-русского соглашения превратилось в «Тройственное согласие», известное под названием «Антанта»

бя лишь один политический вывод: надо во что бы то ни стало избежать решения вопроса о будущем Германии силой оружия до тех пор, пока мы в хозяйственном, военном, морском и национально-политическом отношении не завоеуем себе такое реальное международное положение, что нашим противникам придется отказаться от риска проводить насильственную политику по отношению к нам и предоставить нам ту долю участия в хозяйственном мировом строительстве, которую мы заслуживаем.

Мы не хотели и не могли ставить на карту наше благосостояние, с таким трудом добытое. Таким образом, выросло следующее противоречие: *цели Антанты могли быть достигнуты лишь посредством войны, Германия же могла добиться своих целей, только избежав войны.* Об этом основном факте следует всегда помнить: он имеет гораздо более решающее значение, чем все остальное. Поэтому я здесь не вхожу в более детальное рассмотрение вопроса о возникновении войны, не касаюсь бельгийских или других донесений и телеграмм накануне войны. Основательная разработка этих исторических деталей дело исторического исследования.

Мы правильно оценили свое положение и *действовали соответствующим образом.*

Мы всячески стремились к сближению с Англией. В свое время мы согласились на требование ограничить военноморское строительство, о чем я уже говорил, описывая

посещение Берлина Гальданом. Я пытался при этом использовать свои родственные связи в Англии. Все было напрасно. Деятельность короля Эдуарда VII объясняется прежде всего именно тем, что он был англичанином и стремился осуществить планы своего правительства. Немалую роль при этом сыграло политическое честолюбие короля, вступившего на престол лишь в немолодом возрасте. Мы во всяком случае делали все возможное, чтобы пойти навстречу Англии. Это было тщетно, ибо цифры германского экспорта росли. Мы же, понятно, не могли ограничить свою внешнюю торговлю только для того, чтобы сделать приятное Англии. Это уже значило бы требовать от нас слишком многого.

При обсуждении нашей политики по отношению к Англии всячески критикуется тот факт, что мы в свое время отклонили предложение английского министра колоний Чемберлена об англо-германском союзе. Однако, если внимательно присмотреться, то это дело рисуется совершенно в ином виде, чем его стремились представить. Во-первых, Чемберлен привез письмо английского премьера лорда Солсбери Бюлову, в котором лорд Солсбери давал понять, что Чемберлен действует лично от себя, а не от имени всего английского кабинета. В этом можно было видеть вполне допустимый дипломатический ход со стороны английского правительства, оставлявший свободу действий английскому кабинету, который, как известно, зависит от парламента. Однако впоследствии выяснилось, что либеральная партия в Ан-

глии относилась тогда к идее англо-германского союза отрицательно. И все же Бюлов с моего согласия вступил в детальные переговоры с Чемберленом, так как приходилось иметь в виду, что мы, быть может, имеем дело лишь с обычным, охотно практикуемым в Лондоне дипломатическим ходом: послав вперед с определенной миссией Чемберлена, английский кабинет все же хотел сохранить за собой полную свободу действий. Переговоры Бюлова с Чемберленом определенно выяснили, что англо-германское соглашение предполагалось направить против России. Чемберлен недвусмысленно говорил о войне, которую предполагалось объявить России после заключения англо-германского соглашения. Граф Бюлов в полном согласии со мной вежливо, но решительно отклонил эту попытку со стороны англичан нарушить европейский мир. Он поступил совершенно в духе великого канцлера. Ибо князь Бисмарк отчеканил свой взгляд на англо-германские отношения в следующем метком изречении, которое я сам неоднократно слышал в бисмарковском семейном кругу: «Германия никогда не должна стать шпагой Англии на континенте». Мы, таким образом, последовательно проводили лишь нашу старую внешнюю политику, отклоняя всякое предложение, которое могло вызвать войну, не преследующую цели обороны родной страны. Отклонение предложения Чемберлена является доказательством миролюбия Германии.

С Францией мы пытались установить удовлетворительные

отношения. Это было трудно, так как французы считали нас своими непримиримыми врагами и потому что мы не могли выполнить французских требований, связанных с идеей реванша. Мы мирно ликвидировали марокканский конфликт ни один из руководящих деятелей Германии не думал о войне из-за Марокко. Именно из-за своего миролюбия мы тогда примирились с тем, что Франция, опираясь на заключенный с Англией тайный договор об обмене Египта на Марокко, нарушила чрезвычайно существенные законные интересы Германии в Марокко. Алжирская конференция уже выявила контуры великой войны. Без сомнения, не очень приятно делать такие политические отступления, какое сделали мы в марокканском вопросе, но германская политика все подчинила великой идее сохранения общего мира.

Стремясь установить хорошие отношения с Францией, мы пробовали прибегать и к актам вежливости, которые, однако, часто истолковывались превратно. Я напому лишь о поездке в Париж моей матери вдовствующей императрицы Виктории. Мы ожидали удовлетворительного приема, так как императрица была по рождению английской принцессой и приехала в Париж как художница, чтобы ознакомиться с французским искусством. Я дважды посетил императрицу Евгению, один раз в ее замке «Faruborough», приехав тогда из Альдершота, другой раз на ее яхте в норвежских водах у Бергена. Этот акт вежливости казался мне само собой понятным, так как я в это время находился поблизости. По-

сетившие Берлин французский генерал Бонналь и несколько французских офицеров как-то обедали во 2-м гвардейском полку. Я присутствовал на этом обеде и произнес тост за французскую армию. Это, быть может, и было несколько необычно, но мой поступок был продиктован наилучшими намерениями. Я, между прочим, привлекал в Германию французских художников и художниц. Конечно, в большой политике все это имело малое значение, но, во всяком случае, все эти факты свидетельствуют о наших добрых намерениях.

В отношении России я проявлял чрезвычайные старания для поддержания дружбы с ней. Мои уже опубликованные письма, характеризующие мое отношение к России, разумеется, никогда не посылали без ведома рейхсканцлеров, а всегда с их согласия, часто даже по их инициативе. При Александре III Россия, конечно, никогда не вступила бы в войну с Германией, ибо он был достаточно устойчивым человеком. Император Николай II, наоборот, был человек слабый и колеблющийся. В его глазах был прав тот, кто последним уходил от него; этим последним я, естественно, мог быть не всегда. И по отношению к царю Николаю II я делал все возможное, чтобы восстановить традиционную дружбу между Германией и Россией, к чему, кроме соображений политического характера, меня побуждало обещание, данное мной моему деду на его смертном одре. Я неоднократно самым настойчивым образом советовал царю осуществить либеральные ре-

формы и созвать так называемый Великий земский собор, существовавший еще при Иване Грозном. У меня, конечно, не было намерения вмешиваться во внутренние русские дела. Я хотел лишь в интересах Германии устранить опасность внутреннего брожения, часто приводившего, как я уже говорил выше, к внешним конфликтам. Я хотел содействовать устранению военной опасности, таившейся во внутривосточной политической ситуации в России. Я делал такие попытки еще и потому, что, поступая так, я оказывал одновременно услугу царю и России. Царь не послушал моего совета и создал новую Думу, которая оказалась совершенно не способной выполнить возложенные на нее задачи. Если бы царь, по моему совету, созвал старый Земский собор, то он обеспечил бы себе личное общение со всеми представителями своего обширного государства и восстановил полное доверие между царем и народом.

Когда Николай II решился начать войну с Японией, я уверил его, что сохраню полный нейтралитет и не причиню ему в тылу никаких неприятностей. Германия сдержала свое слово. Когда война приняла не тот оборот, какого ожидал царь, и обе армии, русская и японская, в течение многих недель стояли одна против другой в обстановке военного затишья, в Берлин приехал юный брат царя великий князь Михаил. Князь Бюлов, бывший тогда канцлером, попросил меня осведомиться у великого князя, как, собственно, обстоят русские дела, ибо он, Бюлов, получил плохие известия и

полагает, что для России пришла, наконец, пора прекратить войну. Я взял на себя это поручение. Великий князь явно почувствовал облегчение, когда я заговорил с ним откровенно. Он подтвердил, что дела России плохи. После этого я высказал свое мнение, что царь должен немедленно заключить мир, ибо ненадежность войск и офицерского корпуса, о чем сообщил мне великий князь, представляется мне столь же опасной, как и возобновившееся брожение внутри страны. Великий князь Михаил был благодарен мне за то, что я дал ему возможность откровенно поговорить со мной. Царь, как всегда, колеблется, сказал великий князь, но он должен заключить мир, что он и сделает, если я ему дам такой совет. Великий князь попросил меня дать ему с собой письмо царю в этом духе. Я набросал черновик английского письма царю Николаю II, отправился с ним к Бюлову и, осведомив его о сообщениях великого князя, показал черновик моего письма. Бюлов поблагодарил меня за то, что я выполнил его поручение; посылку письма царю он нашел целесообразной. Великий князь, договорившись обо всем с русским послом в Берлине графом Остен-Сакеном и несколько раз поблагодарив меня, уехал к царю, который после этого и начал мирные переговоры. При встрече со мной граф Остен-Сакен сказал, что я оказал большую услугу Николаю II и России. Я был рад тому, что мои старания были по достоинству оценены, и мог, следовательно, надеяться, что они послужат восстановлению хороших отношений. Своей тактикой в данном слу-

чае я в то же время предотвращал опасность проникновения в Германию русской революции, которая могла начаться во время русско-японской войны. Германия не встретила благодарности, но наше поведение во время русско-японской войны остается доказательством нашего миролюбия.

Духом такого же миролюбия был проникнут и выдвинутый мною проект соглашения в Бьерке (июль 1906 года). Проект этот имел в виду заключение договора между Германией и Россией о совместных действиях, но оставлял полную возможность примкнуть к соглашению как союзникам этих держав, так и другим государствам. Проектируемый договор, однако, не был ратифицирован из-за противодействия со стороны русского правительства (группа Извольского).

Остается еще сказать несколько слов об Америке. Несмотря на упомянутое уже «Gentleman's agreement», установившее принципиальное решение Америки в случае мировой войны выступить на стороне Англии и Франции, Америка все же не принадлежала к основанной королем Эдуардом VII по инициативе его правительства «Entente cordiale». Америка, насколько это можно было до сих пор проследить, не участвовала в возбуждении пожара мировой войны. Неприязненный ответ, полученный в начале войны германским правительством от президента Вильсона, вероятно, был связан с «Gentleman's agreement», но нет никакого сомнения в том, что вступление Америки в войну и снабжение ею Антанты огромным количеством вооружения и

прочих военных припасов в значительной степени уменьшили шансы центральных держав на успешное окончание войны. Несмотря на это, необходимо избегать по отношению к Америке всякой критики, основанной на чувстве; в мировой политике следует считаться лишь с реальными факторами. Америке (несмотря на «Gentleman's agreement») предстоял свободный выбор: либо остаться нейтральной, либо вступить в войну на нашей или на вражеской стороне. Нельзя упрекать какое-либо государство за его суверенное решение о войне или мире, поскольку это решение не стоит в противоречии с твердыми договорами. Такое нарушение точно зафиксированных договоров в данном случае не имело места. Необходимо все же отметить, что Джон Кеннет Турнер в своей упомянутой уже книге «Shall it be again» на основании обширных материалов доказывает, что все указанные Вильсоном причины вступления Америки в войну не соответствуют действительности и что Вильсон действовал исключительно в интересах влиятельных высших финансовых кругов Уолл-Стрита.

Америка извлекла из мировой войны значительные выгоды: она сконцентрировала у себя почти 60 % всего мирового золотого запаса, и теперь уже не английский фунт, а американский доллар определяет валютный курс во всем мире. Но и это обстоятельство не может вызвать ни малейшего упрека по отношению к Соединенным Штатам, ибо и всякое другое государство, если бы только оно было в состоянии,

с радостью использовало бы выгоды такого прироста золота и влияния на мировом денежном рынке. Для нас, конечно, очень печально, что Америка осуществила свое выгодное дело, не находясь на стороне центральных держав. Германия вполне справедливо протестует против того, что Антанта противодействовала ее мирному развитию не мирными, а военными средствами. В такой же степени Германия может и должна (как это уже и указывается прессой) все снова и снова протестовать против одной коренной несправедливости со стороны Америки, а именно против нарушения ею прав при заключении мира. Я лично не думаю, что американский народ солидаризуется с политикой Вильсона в этом вопросе; особенно не одобрили бы отказ президента Вильсона от 14 пунктов американские женщины, если бы они тогда были осведомлены обо всех обстоятельствах дела. Америка больше, чем все другие страны, находилась под впечатлением английской пропаганды и позволила поэтому наделенному неслыханными полномочиями президенту Вильсону действовать в Париже самодержавно, дав ему возможность произвольно истолковать свои 14 пунктов. Со своими 14 пунктами господин Вильсон поступил точно так же, как с вопросом об английской блокаде, против которой он раньше протестовал и о которой позже даже не упоминал.

Германское правительство приняло 14 пунктов Вильсона, несмотря на то что они были для нас достаточно тяжелы. Эти пункты были приняты и союзниками, за исключением одно-

го лишь пункта о свободе морей. Вильсон твердо гарантировал их, и все же важнейших из них я не вижу в Версальском договоре, содержащем лишь те из вильсоновских пунктов, которые соответствовали планам Антанты, да и то в сильно извращенном виде. Полагаясь на гарантии Вильсона, Германия очистила занятые ею неприятельские области и сложила оружие, став, таким образом, беззащитной. В этой доверчивости Германии и в отказе Вильсона от своих 14 пунктов, с одной стороны, и в германской революции с другой, лежит ключ к пониманию нашего теперешнего положения. Как пишет в своей книге Турнер, 14 пунктов уже при выработке условий перемирия были для Вильсона лишь средством побудить Германию сложить оружие. Когда эта цель была достигнута, Вильсон отказался от них. Очень значительная часть американского народа уже выступила против г-на Вильсона, не желая быть дискредитированной вместе с ним.

Я, конечно, не мечтаю о бескорыстной американской помощи Германии. Я рассчитываю лишь на трезвый разум американского народа, который должен исправить чудовищную вину своего бывшего президента по отношению к Германии, ибо атмосфера победы не будет продолжаться вечно, и впоследствии не только в Германии, но и в других странах всякий раз, когда речь будет идти о важных политических вопросах, вспомнят о коварстве американского президента, и ответственным за него будет считаться весь американский

народ. А это, конечно, не в интересах американского народа. Такое тяжелое пятно на государственной политике любого народа не может быть выгодным для него. В будущем при оценке американской политики ведь забудут, что далекий от действительности г-н Вильсон в сущности попался на удочку Ллойд Джорджа и Клемансо. Я был знаком, особенно во время «Кильских недель», со многими американцами и американками, политическая прозорливость которых ни в коем случае не могла бы одобрить из соображений политического престижа Америки такое грубое нарушение доверия, какое совершил Вильсон. Я жду облегчения для нашего отечества со стороны Америки, которая окажет ему помощь, исходя не из каких-либо сентиментальных, а из практических государственно-эгоистических соображений.

Наряду с несправедливостью, связанной с отказом от 14 пунктов, следует отметить и то, что г-н Вильсон первый выставил требование свержения германской династии, дав понять, что германскому народу будет в таком случае обеспечен более выгодный мир. Прежде чем выдвинуть и со своей стороны впервые сформулированное Вильсоном требование моего отречения от престола под тем предлогом, будто в этом случае Германия получит более выгодные условия мира (необходимость избежать гражданской войны явилась лишь вторым средством воздействия на меня), правительство принца Макса было обязано обеспечить себя какими-то реальными гарантиями со стороны Вильсона. Так

или иначе, но утверждения о необходимости моего отречения от престола для обеспечения Германии более выгодного мира становились все более настойчивыми и заставили меня решиться уехать из своей страны, ибо я вынужден был поверить тому, что оказываю этим большую услугу своему отечеству. Я поставил на задний план интересы свои и своей династии и решил, конечно, после тяжелой внутренней борьбы подчиниться желанию руководящих германских деятелей. Впоследствии выяснилось, что германское правительство не имело никаких реальных гарантий. Для меня при тогдашнем стремительном ходе событий ясное и определенное заявление канцлера не могло не иметь решающего значения. Поэтому я и не мог тогда проверить правильность его утверждений.

Теперь уже ясно, почему Антанта через г-на Вильсона требовала моего отречения от престола. Она прекрасно понимала, что после этого Германия и в военном, и в политическом отношении вступит в полосу полной неустойчивости, отчего можно будет навязать не более выгодные, а более тяжелые условия мира. Революция тогда еще не пришла на помощь Антанте. Таким образом, и сама Антанта как бы косвенно признала, что если бы я остался на троне, то это было бы выгоднее для Германии. Я, конечно, присоединяюсь к этому взгляду Антанты, после того как выяснилось, что правительство Макса Баденского не имело никаких фактических оснований для своего утверждения, будто мое от-

речение принесет моему отечеству более выгодные условия мира. Я иду еще дальше и утверждаю, что неприкосновенной, возглавляемой кайзером Германской империи Антанта вообще не осмелилась бы предложить подобные условия мира. Она не посмела бы поступить таким образом с кайзеровской империей, последняя борьба которой за свое существование не была бы отягчена навязанной ей немецкими утопистами парламентарной системой, и с монархом, который не был бы лишен команды над армией и флотом. Тяжкая вина американского экс-президента кроется, следовательно, и в том, что он потребовал моего отречения от престола под лживым предлогом более выгодных для Германии условий мира. Во всяком случае и в этом обстоятельстве следует искать точку опоры для того мощного рычага, который должен освободить Версальский договор от скрепивших его печатей. Однако немцы никогда не должны смешивать г-на Вильсона с американским народом.

Свои политические принципы я излагаю здесь исключительно для того, чтобы доказать невинность Германии в возникновении мировой войны. С самого начала моего царствования политика Германии была направлена на примирение противоречий и улаживание конфликтов, которые я застал при вступлении на престол. Общее направление моей политики носило, таким образом, исключительно миролюбивый характер. Такой же тенденцией к примирению противоположных интересов отличалась и моя внутренняя по-

литика, о чем свидетельствует мое рабочее и все социальное законодательство Германии, поставившее ее в деле социального обеспечения во главе всех цивилизованных народов. Общие примирительные тенденции моей внутренней политики шли так далеко, что в отношении численности нашей армии мы далеко не исчерпали всех возможностей, которые давали всеобщая воинская повинность и численность народонаселения. В этом вопросе, как и в вопросе о военно-морском строительстве, коррективы рейхстага неизменно принимались во внимание короной и правительством. Уже тогда вопросы обороны Германии подлежали санкции со стороны народного представительства. Государство, которое стремилось бы к войне и готовило ее, избрало бы совершенно иную тактику.

Чем яснее Антанта обнаруживала по отношению к Германии свою агрессивную политику окружения, тем больше приходилось думать с целью самосохранения об усилении защиты нашего благосостояния. Эту естественную заботу о самозащите на случай вражеского нападения мы осуществили лишь в самой ничтожной мере.

Миролюбие Германии привело к тому, что для организации нашей обороны на суше и на море были исчерпаны далеко не все наши финансовые и национальные ресурсы, причем в должной степени был принят во внимание тот риск, которому должно было подвергнуться наше национальное достояние в случае войны. Мы, следовательно, страдаем те-

перь не из-за завоевательных тенденций, ложно приписываемых нам, а, как раз наоборот, расплачиваемся за наше почти невероятное миролюбие и доверчивость. Совершенно иными были политические принципы Антанты. О них, как и о наших непрерывных усилиях завязать дружественные сношения с отдельными странами Антанты, я уже говорил ранее. Я не хотел бы здесь, однако, оставить совершенно без внимания и те малые дела в рамках высокой политики, которые были выполнены Германией все с той же целью сгладить по возможности имевшиеся тогда противоречия и разногласия. «Кильская неделя» привлекала к нам гостей из всех стран. Мы, между прочим, искали сближения с другими народами и в нейтральной области спорта, и в области науки, устроив, например, обмен профессорами между германскими и американскими университетами; охотно разрешали посторонним офицерам знакомиться с организацией наших военных учреждений. Пусть, оглядываясь теперь назад, многие считают это ошибкой, но все это является несомненным доказательством нашего честного желания жить в мире со всеми народами.

В то же время Германия не воспользовалась ни одной из представлявшихся ей возможностей начать войну тогда, когда она могла быть уверена в своей победе.

Говоря о русско-японской войне, я уже отметил доброжелательный нейтралитет Германии по отношению к России.

Когда Англия была всецело поглощена бурской войной,

мы могли бы начать войну с ней или с Францией, которая тогда, конечно, не рассчитывала бы на английскую помощь. Мы этого не сделали. Точно так же и во время русско-японской войны мы могли выступить не только против России, но и против Франции. И опять-таки не сделали этого. После того как мы преодолели описанный уже мной марокканский конфликт, во время которого отклонили мысль о войне, мы далее продемонстрировали свои мирные устремления и при дипломатическом разрешении боснийского кризиса. Теперь я обзираю и логически объединяю все эти совершенно ясные политические события, присоединяя сюда заявления государственных деятелей Антанты Пуанкаре, Клемансо, Извольского, Тардые и др. и, невольно потрясенный, я спрашиваю себя: как можно было строить и проводить в жизнь мирный договор, исходя из принципа германской «вины»? Несправедливый Версальский приговор не будет оправдан судом истории.

Француз Луи Гетан, лионский делегат Лиги прав человека, недавно следующим образом высказался о мировой войне: «Если мы без предубеждения, вне зависимости от того, к какому лагерю прибило нас случайностью рождения, совершенно свободно и откровенно отнесемся к делу, то прежде всего невольно напрашивается мысль о том, что война 1911 года является последствием войны 1870 года, ибо с того момента идея реванша, замаскированная в большей или меньшей степени, уже больше никогда не покидала нас». Войну

же 1870 года вызвало и объявило французское правительство.

Французская империя, как известно, нуждалась в войне, чтобы бороться со все возраставшими внутренними затруднениями и все усиливавшейся нелюбовью к империи со стороны общественного мнения. Сам Гамбетта, неистовый трибун оппозиции, как-то воскликнул: «Если империя доставит нам левый берег Рейна, то я примирюсь с ней». Речь, стало быть, шла тогда о завоевательной войне. Во Франции тогда не считались с тем, что скажут завоеванные народы. «Мы сломим их волю» так гласило право победителя. И вдруг возможность осуществления завоевательных планов ускользает от Франции. Принц Леопольд изъявил готовность снять свою кандидатуру на испанский престол ввиду вызванных этим затруднений, грозящих войной. Дело приняло для Франции плохой оборот: не стало предлога для войны. С Францией случилось то же, что с молочницей и ее разбитым кувшином в известной басне; только вместо «Прощай, теленок, корова, свинья, куры и цыплята» французы вынуждены были сказать: «Прощай, кровавые барыши, слава, победы, левый берег Рейна, даже Бельгия», ибо ведь Бельгия тоже лежит на левом берегу Рейна, о котором мечтала Франция.

Однако французам это представлялось слишком жестоким. Разочарование их было слишком велико, и надо было найти новый повод к войне. Вся шовинистическая пресса, вся хвастливая свора старалась изо всех сил, и вскоре

выход был найден. Министр иностранных дел Грамон поручил послу Бенедетти посетить короля Вильгельма в Эмсе, где тот находился на курортном лечении, и потребовать от него письменного обещания, что он как глава династии примет свои меры в случае, если принц Леопольд изменит свое решение отказаться от испанской короны. Отказ принца Леопольда был заявлен Франции юридически в безупречной форме, а испанское правительство официально приняло его. Не могло быть сомнения в искренности этого отказа. Несмотря на это, почти все без исключения парижские газеты подстрекали к войне. Ругани на всех перекрестках подвергался тогда всякий, кто, подобно Роберту Митшелю в «Constitutionell», позволял себе высказывать свою радость и удовлетворение по поводу мирных перспектив. После статьи Митшеля сам Гамбетта воскликнул по его адресу: «Вы удовлетворены?! Какое гнусное выражение!» Номера газет со статьей Митшеля расхищали из киосков, выбрасывали в Сену, а выловленные оттуда швыряли ему в лицо. В ответ на статью Митшеля Эмиль де Жирарден писал ему: «Теперь представляется единственный в своем роде, совершенно неожиданный случай. Если государство сейчас не воспользуется им, оно погибнет». Уже тогда фактически началась подготовка к войне 1914 года.

Подобные словам Жирардена голоса, раздававшиеся далеко не в единственном числе и во Франции, и в Англии, должны служить дополнительными доказательствами того,

что не мы являемся виновниками войны.

Наши политические и дипломатические комбинации в течение нескольких десятилетий, конечно, были задуманы и проведены далеко не безошибочно. Но если нами и были сделаны ошибки, то они всегда вытекали из чрезмерных стараний сохранить общий мир. *Такие ошибки не могут быть поставлены нам в вину.*

Я считаю, например, Берлинский конгресс, о чем я уже говорил, ошибкой, ибо он ухудшил наши отношения с Россией. Конгресс этот явился победой Дизраэли англо-австрийской победой над русским государством, вызвавшей озлобление России к Германии. Но чего только не сделала в дальнейшем Германия, чтобы помириться с Россией! Я уже отчасти указал выше на сделанные нами шаги к этому. И сама цель, которую преследовал князь Бисмарк на Берлинском конгрессе, была направлена, как я уже доказывал выше, исключительно к тому, чтобы отвести угрозу мировой войны.

Канцлер фон Бетман-Гольвег, получивший от меня строгий приказ сохранить по возможности мир, сделал немало ошибок в 1914 году. В политическом отношении он ни в какой мере не дорос до того, чтобы справиться с мировым кризисом. Но нельзя же приписывать нам вину в возникновении войны только потому, что противники воспользовались нашими ошибками. Бетман, как и все мы, хотел воспрепятствовать войне. Это видно уже хотя бы из того, что вплоть до 4 августа он продолжал вести переговоры с Англией, все

еще надеясь удержать ее от выступления. По этому поводу я вспоминаю также и о том заблуждении относительно англо-германских отношений, в каком находился немецкий посол в Лондоне князь Лихновский. Вскоре после вступления его в должность король Георг явился к обеду в немецкое посольство. Примеру короля последовало лучшее общество Лондона. К князю Лихновскому и его супруге сразу же хорошо отнеслись, и их прекрасно принимали в обществе. В связи с этим немецкий посол вывел заключение, что наши взаимоотношения с Англией улучшились. Однако накануне войны сэр Эдуард Грей холодно заявил послу, что из приема, оказанного ему в обществе, и хорошего отношения к нему лично князь Лихновский не должен делать никаких политических выводов. В поведении Грея сказывается разница между англичанином и немцем. Немец принял предупредительное к себе отношение за желание идти ему навстречу в политических вопросах, ибо немец привык открыто выражать свое расположение или нерасположение, проявляя их своим внешним поведением. Он не таит в своем сердце змеи. Англичанин, наоборот, поступает иначе. Он скорее даже рад, когда человек, с которым он имеет дело, смешивает форму с содержанием, принимая внешнее поведение за выражение политических настроений и взглядов. С английской точки зрения упомянутые выше слова сэра Эдуарда Грея были большой откровенностью.

Тот факт, что мы не возобновили соглашения с Россией

о взаимном доброжелательном нейтралитете на случай войны, нельзя считать, однако, настолько решающим, чтобы от него могли зависеть вопросы войны и мира. Соглашение это, по моему мнению, не удержало бы Россию Николая II от выступления совместно с Антантой, а при Александре III оно было излишним. Мнение князя Бисмарка, что русский посол граф Шувалов возобновил бы соглашение о взаимном нейтралитете только с ним, но не с его преемником, является добросовестным чисто субъективным заблуждением князя. В действительности мнение Бисмарка в то время не соответствовало намерениям ни России, ни Германии.

Помощник статс-секретаря граф Берхем подчеркнул, например, в официальном докладе князю Бисмарку, что договор нельзя возобновить. Значит, было очевидно, что этого нельзя будет достигнуть и при помощи Шувалова. Я полагал, что возможно будет заключить новый, несколько видоизмененный договор, к которому необходимо привлечь и Австрию, подобно тому, как это было при старом союзе трех императоров. Но, как я уже отмечал, договоры с Николаем II не казались мне безусловно прочными, тем более после того, как во влиятельных кругах русского генералитета обнаружались антигерманские настроения.

Наш образ действий определялся ясным сознанием того, что Германия может достигнуть нужного ей международного положения и влияния исключительно при условии сохранения общего мира. Мои личные настроения еще более

укрепляли во мне это сознание. Мой отец во времена моей молодости нарисовал мне ужасные картины сражений войны 1870 1871 годов, и я не испытывал никакого желания навлечь на немецкий народ и все цивилизованное человечество такое же бедствие и притом в еще более грандиозном масштабе. Старый фельдмаршал граф Мольтке, которого я глубоко почитал, как-то высказал следующее пророческое предостережение: «Горе тому, кто зажжет пожар европейской войны». Я не забывал также политического завещания князя Бисмарка, выразившегося в его словах о том, что Германия никогда не должна начинать войну первой. Таким образом, и политическое благоразумие, и личные мои склонности, и завещания двух великих людей Бисмарка и Мольтке, и желания немецкого народа заниматься мирным трудом и избегать авантюры – все это направляло курс немецкой политики по пути сохранения общего мира. Те слухи, которые распространялись в недоброжелательных по отношению к нам кругах о существовавшей якобы у нас военной партии, были сознательной или бессознательной ложью. В каждой стране имеются элементы, которые при всех конфликтах начинают бряцать оружием иногда по честному убеждению, а иногда из других, менее высоких побуждений. Но на ход германской политики подобные круги никогда не имели влияния.

Особенно неосновательны обвинения, выдвинутые против Генерального штаба, будто он подстрекал к войне. Прусский Генеральный штаб в соответствии со своим долгом слу-

жил королю и отечеству. Упорным и тяжелым трудом он организовывал во время своей долгой мирной деятельности обороноспособность Германии. Но политическое влияние его было равно нулю. Интерес к политике, как известно, никогда не был особенно велик в прусско-немецкой армии. Оглядываясь назад, можно даже теперь сказать, что для нас было бы лучше, если бы в руководящих военных кругах больше занимались вопросами внешней политики. Могло бы показаться неразрешимой загадкой, каким образом удалось при столь ясном положении вещей построить Версальский мирный договор, исходя из принципа германской «вины». Но нам бросается в глаза чудовищное влияние того нового орудия войны, каким является широко организованная беззастенчивая политическая *пропаганда Англии против Германии*. Я не могу отмахнуться от этой пропаганды при помощи таких словечек, как «подлость» и т. п.

Те отвратительные формы, в какие вылилась английская пропаганда, сделали ее фактором, с которым нельзя не считаться и который доставлял нам больше вреда, чем военное оружие противника. Нам, немцам, подобное орудие лжи, извращения истины и лицемерия не симпатично; это не в характере немецкого народа. Мы стараемся убедить даже наших противников орудием истины. Но война суровое искусство, и, чтобы победить, приходится прибегать ко всему. Стрелять из тяжелых орудий в образованных людей и по прекрасным старинным городам тоже не симпатично, однако

обе воевавшие стороны вынуждены были это делать. Впрочем, мы не могли развить во время войны пропаганду в таком крупном масштабе, как наши противники, хотя бы уже потому, что последние были спокойны за свой тыл, в то время как мы были окружены со всех сторон.

Кроме того, немцы в своем большинстве не умеют вести пропаганду среди других народов и учитывать при этом в каждом отдельном случае их специфические особенности. Англичане превосходили нас своим ужасным орудием войны танками, которым мы не могли противопоставить ничего равнозначного. Но не менее ужасным орудием войны в их руках была и пропаганда. Это оружие продолжает действовать и теперь, и против него мы неустанно должны защищаться. Ибо не может быть сомнения в том, что несправедливое Версальское решение невозможно было бы мотивировать германской «виной», если бы пропаганда предварительно не сделала своего черного дела, причем отчасти с помощью немецких пацифистов: она перевернула мозги свыше 100 миллионам людей и убедила их в «вине» Германии настолько, что многим несправедливый Версальский приговор показался даже обоснованным. Теперь положение изменилось. Преграды между народами пали, и постепенно среди них пробуждается сознание того, насколько они были введены в заблуждение из-за своей доверчивости. Отрезвление введенных в заблуждение народов будет иметь убийственные последствия для зачинщиков Версальского мира и поможет

Германии.

Само собой разумеется, что ни один из компетентных государственных деятелей, политиков и публицистов Антанты не убежден на самом деле в виновности Германии в мировой войне. Всем им знакома подлинная причинная связь событий. И, конечно, никогда еще столько авгуров не подмигивали друг другу, хитро улыбаясь по поводу одной общей тайны, как в вопросе о виновниках войны. В данном случае можно даже прямо говорить о целом хоре таких авгуров ведь в мировой войне против Германии стояли 28 государств. Но при помощи самых хитрых их улыбок нельзя в конце концов творить историю. Истина пробьет себе дорогу, и тогда Германия добьется своего права.

Отдельные пункты Версальского договора в сущности бесцельны, ибо ни Антанта, ни Германия не могут выполнить их. Уже в течение многих месяцев можно наблюдать, какие трудности вырастают из столь невыполнимого акта не только для Германии, но и для победителей. Многие бреши пробиты в договоре и самой Антантой. Причина этого очень проста. При нынешнем высоком развитии культуры, покоящемся на планомерном обмене материальными и духовными благами, регулируемом лишь продукцией, совершенно немислимо, чтобы три человека, какими бы выдающимися людьми они ни были, предписывали всему миру законы, диктуя ему свою волю. Но именно этого добивается Версальский договор, причем не только по отношению к

Германии, но косвенно и по отношению к Антанте и Америке, ибо всякого рода хозяйственные вопросы могут быть разрешены лишь обеими сторонами, а не какой-либо одной из них. Жизнь народов никогда, и особенно в наше время не определяется теми или иными параграфами, а регулируется лишь их интересами. Временно можно, конечно, применить насилие над какими-либо народами, навязав им невыполнимые решения, но в таком случае от этого страдают и победители, и побежденные.

В таком положении находится в данный момент весь мир, но долго так продолжаться не может. Ни орудия, ни танки, ни аэропланы не могут сделать нынешнее положение вещей вечным. Пересмотр старых решений уже начинается, ибо если бы Версальский мир был таким мудрым, благотворительным для народов, безупречным актом, каким его хотят изобразить, то не приходилось бы постоянно собираться на бесконечные конференции, совещания и свидания по поводу этого превосходного акта. Необходимость все новых интерпретаций кроется именно в том, что при редактировании мирного договора не были приняты во внимание жизненные интересы высокоразвитых, цивилизованных наций. Не надо при этом фарисействовать: чрезмерность требований победителей после мировой борьбы не на жизнь, а на смерть в известной степени является естественным следствием радостного чувства избавления от смертельной опасности. Несмотря на это, я твердо знаю, что в случае счастливого для нас ис-

хода войны Германия выставила бы совершенно иные, более справедливые и выполнимые условия мира. Брестский и Бухарестский мирные договоры впрочем, совершенно несравнимые с Версальским не могут служить обвинением против нас. Они были заключены тогда, когда война еще не была закончена, и должны были предоставить нам условия, которые помогли бы нам закончить войну.

При заключении нами общего мира со всеми нашими противниками мирный договор с востоком носил бы совершенно иной характер. Если бы война окончилась счастливо для нас, мы бы сами пересмотрели заключенные нами на востоке мирные договоры. Тогда, когда эти договоры были заключены, необходимо было выдвинуть на первый план чисто военные интересы.

Выяснение вопроса о неправильности Версальского решения уже началось, и скоро насущные жизненные интересы всех народов выявятся с такой повелительной силой, что не только побежденные, но и победители вынуждены будут с ними считаться. За периодом самых тяжелых испытаний последует освобождение от того ига, которое несправедливо было навязано великому, сильному, честному народу. Тогда каждый в Германии будет горд тем, что он немец.

XV. Переворот и будущность Германии

Мне безразлично, что обо мне говорят наши враги. Я не признаю их суда над собой. Когда я вижу, как те самые люди, которые прежде преувеличенно воскурjali мне фимиам, теперь забрасывают меня грязью, я могу только питать сострадание к ним. То отрицательное, что я слышу с родины о себе, приносит мне разочарование. Бог свидетель, что я всегда желал блага своей стране и своему народу. Я полагал, что каждый немец это сознает и ценит. В своей политической деятельности, во всем, что я делал как монарх и как человек, я всегда стремился поступать согласно заповедям Божьим. Многое вышло не так, как я желал. Моя совесть, однако, чиста. *Целью моей деятельности всегда было благо моего народа и моего государства.* Личную свою участь я несу с покорностью, ибо Господь знает, что Он делает и чего хочет. Он знает, для чего подвергает меня такому испытанию. Я буду терпеливо выносить все и ждать, что Господь дальше сделает со мной. Меня сокрушает лишь судьба моей страны и моего народа. Мне причиняют боль тяжелые страдания детей моего отечества, которые я не могу разделить с ними, ибо вынужден жить за границей. *Это удар, нанесенный мне в самое сердце,* мне горестно от этого сознания. И

здесь, в одиночестве, все мои чувства и мысли принадлежат моему народу. Я постоянно думаю лишь о том, как бы помочь ему своими разъяснениями и советами. Резкая критика, направленная против меня, никогда не может повредить моей любви к своей стране и народу. Я остаюсь верен немецкому народу, совершенно независимо от того, как относится ко мне теперь каждый отдельный немец. Я благодарен тем, кто, как раньше, в счастливые времена, остается и теперь, в несчастье, верен мне. Они поддерживают меня и облегчают гложущую меня тоску по возлюбленной родине. Тех, кто по честному убеждению выступает против меня, я могу лишь уважать. Другие пусть сами несут ответственность перед Богом, своей совестью и историей. Этим людям не удастся разлучить меня с немецким народом. На свою страну и народ я могу смотреть лишь как на одно целое. 4 августа 1914 года я сказал при открытии рейхстага в Берлине: «Я не знаю больше партий, я знаю теперь лишь немцев». Так оно с тех пор и осталось для меня.

Переворот поразил императрицу в самое сердце. С ноября 1918 года она стала заметно стареть, не могла уже больше противопоставить физическим страданиям прежнюю силу сопротивления и вскоре стала таять. Тяжелее всего она переносила тоску по немецкой земле и немецкому народу. Тем не менее, императрица еще старалась утешать меня.

Переворот уничтожил огромные ценности. Он был совершен в тот момент, когда предстояло закончить борьбу

за существование немецкого народа и напрямь все свои силы на восстановление разрушенного хозяйства. Переворот был преступлением по отношению к народу. Я очень хорошо знаю, что многие стоявшие под социал-демократическим знаменем не хотели революции. Отдельные вожди социал-демократов также не хотели революции в этот момент; некоторые из них были готовы работать со мной. Однако они не сумели помешать революции, поэтому и они несут ответственность за нынешнее положение. Более того, социалистические вожди стояли ближе к революционным массам, чем представители монархического государства, и могли, таким образом, иметь на них большее влияние. Но они еще в довоенное время несли в массы революционные идеи, и социал-демократия с давнего времени была открытым врагом прежнего монархического строя, стремясь, согласно своей программе, к свержению его. Она сеяла ветер и пожала бурю. Некоторые социал-демократические вожди не одобряли момента, который был выбран для переворота, и порицали методы, которыми он был совершен. Но именно они в решительный час передали руководство движением необузданным элементам и не употребили всего своего влияния на сохранение государства. Правительство принца Макса обязано было защитить старый государственный строй. Оно не выполнило своей священной задачи, так как попало в зависимость от социалистических вождей, которые уже тогда потеряли свое влияние на массы и вынуждены были в дальней-

шем уступить место более радикальным элементам. Главная вина падает, таким образом, на вождей. Поэтому история возложит ответственность за переворот не на немецких рабочих, а на их вождей, поскольку последние вызвали революцию или не воспрепятствовали ей, а также на правительство Макса Баденского. При мне немецкие рабочие превосходно сражались на фронте и годами работали в тылу над производством оружия и военного снаряжения. Об этом не следует забывать. Раскол среди рабочих произошел лишь впоследствии. В этом, однако, повинны только агитаторы и бунтовщики, а не достойные и патриотически настроенные элементы рабочего класса. Подлинными виновниками полной гибели Германии являются бессовестные подстрекатели.

Придет время, когда и рабочий класс поймет это. Настоящее Германии тяжело. В будущем же здорового и сильного народа я не сомневаюсь. Народ, прошедший такой неслыханный путь расцвета, какой совершили немцы с 1871 по 1914 год, нацию, успешно сражавшуюся в оборонительной войне против 28 государств в течение свыше 4 лет, их нельзя стереть с лица земли. Мировое хозяйство не сможет обойтись без нас.

Но нельзя ждать и рассчитывать на помощь извне, для того чтобы снова достичь того международного положения, какого заслуживает Германия. Такая помощь не придет. Надежды немецких социал-демократов на помощь со стороны интернациональной социал-демократии также не оправда-

лись эта часть их программы оказалась чудовищным заблуждением. Рабочие стран Антанты выступили в поход против немецкого народа, чтобы уничтожить его. Нигде не было и следа международной солидарности рабочих масс. Это заблуждение является одной из причин неблагоприятного для Германии исхода войны. Английские и французские рабочие были ориентированы своими вождями правильно, т. е. в национальном духе; тогда как ориентация немецких рабочих была ложной, т. е. интернациональной.

Немецкий народ должен полагаться лишь на свои собственные силы, а не на помощь со стороны кого-либо другого. Когда во всех слоях нашего народа снова пробудится национальное самосознание, тогда начнется возрождение. Все классы населения, хотя бы их пути в других областях государственной жизни и расходились, в национальном чувстве должны быть едиными. Именно в этом обстоятельстве кроется сила Англии, Франции и даже поляков. Вместе с пробуждением национального самосознания все немцы снова обретут и чувство своей принадлежности к одному народу, и сознание величия нашей благородной нации, чувство национальной гордости и ту подлинно немецкую этику, которая была одной из скрытых сил, сделавших Германию великой. Как до войны, Германия снова будет играть в семье цивилизованных народов роль государства, наиболее продуктивного в производственном отношении. В мирном соревновании народов она снова будет победоносно идти впереди всех в

области техники, науки и искусства, принося пользу не только себе, но и всем народам мира. Я верю в аннулирование несправедливого Версальского решения. Это будет сделано благодаря предусмотрительности благоразумных элементов заграницы и самой Германии. Я верю в немецкий народ и в то, что и в дальнейшем он будет продолжать осуществление своей мирной миссии на земле, прерванной ужасной войной, которой Германия не хотела и за которую она не может быть ответственна.